Чхве Ынён

СВЕТЛАЯ НОЧЬ

перевод Евгении Дамбаевой



18+

Светлая ночь
Чхве Ынён

Аннотация
Чхве Ынён. Светлая ночь
Часть первая
1
2
3
4
Часть вторая
5
6
7
Часть третья
8
9
10
11
Часть четвертая
12
13
Часть пятая
14
15

16
От автора

Аннотация

Роман о дружбе и любви, охватывающий судьбы четырех поколений и период длиной в целое столетие.

Ли Чиен тяжело переживает развод: она не может спать, есть и увядает прямо на глазах. Чтобы справиться с болью, она оставляет привычную жизнь в Сеуле и переезжает в город на побережье Хвирен, название которого дословно переводится как «светлый, солнечный залив». Туда, где она сможет спрятаться, ведь ее никто там не знает.

Но на улице чужого пока города героиня сталкивается со своей… бабушкой, с которой Чиен не виделась много лет из-за старого семейного конфликта, однако это не мешает сближению женщин. Из неторопливых рассказов бабушки вырисовываются портреты сильных женщин их семьи, на чью долю выпало много горя. Чиен находит силу и утешение в этих историях и, обращаясь к прошлому, обретает опору в настоящем.

Три факта о книге:

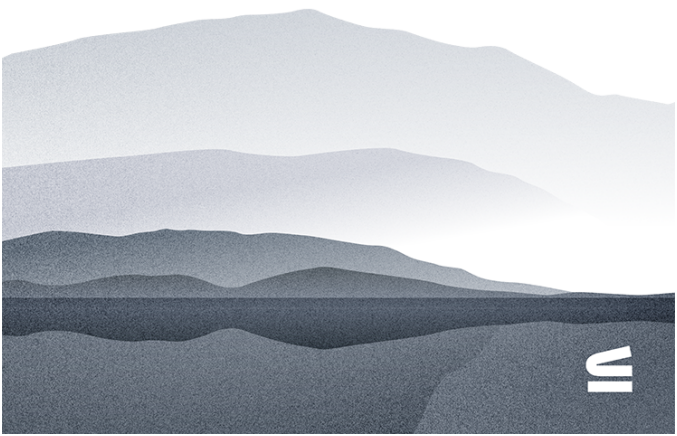
1. «Светлая ночь» сплетает судьбы женщин из разных десятилетий на фоне исторических потрясений Кореи.

2. Роман занимал первое место в списке бестселлеров в Корее на протяжении года.

3. Планируется экранизация.

Чхве Ынён

светлая ночь



Чхве Ынён
Светлая ночь

Перевод с корейского *Евгении Дамбаевой*
Дизайн обложки и иллюстрация *Ольги Лучиной*

Руководитель по контенту *Екатерина Панченко*
Ведущий редактор *Ольга Чеснокова*

Литературный редактор *Екатерина Похолкова*
Корректоры *Анна Погорелова, Вера Вересиянова*
Компьютерная верстка *Александра Нескородьева*

Продюсер аудиокниги *Екатерина Дзоря*

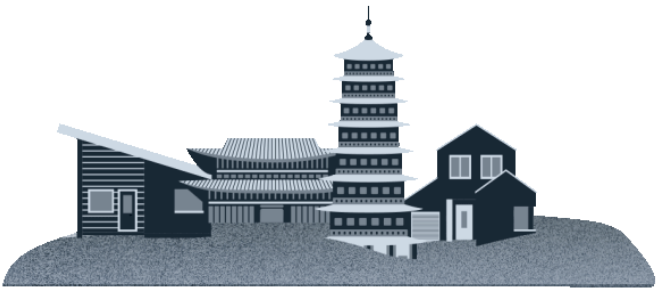
Специалист по международным правам *Наталия Полева*

© 2021
All Rights Reserved. Original Korean Edition Was Published By Munhakdongne Blishing Corp.
This Russian Language Translation Is Published By Mts In 2026, By Arrangement With Munhakdongne Publishing Corp. Through Rightol Media In China.

© Евгения Дамбаева, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. Строки, 2026

* * *

Часть первая



1

Я помню Хвирён[1] по летним запахам… Благовоний буддийского храма, воды и мха из долины, леса, моря во время прогулок в порту, пыли в дождливые дни, гниющих фруктов в рыночных переулках и лечебных трав, которые кипятили в клинике традиционной медицины после сильного ливня… Для меня Хвирён навсегда остался городом, где царило лето.

Впервые я приехала туда, когда мне было десять.

Я провела в бабушкином доме около десяти дней, в течение которых она неустанно водила меня повсюду, показывая город. Мы ездили на автобусе в буддийский храм, спрятанный в горах, и ходили на морское побережье неподалеку от дома. А еще мы ели только что приготовленные горячие пончики и квабеги[2] на рынке, включали дома музыку и танцевали вместе с ее друзьями.

---

[1] Примечания: 1

Хвирён, или Хирён (), — досл. «светлый, яркий, солнечный залив». Вымышленный город на побережье Кореи. *Здесь и далее — прим. пер.*

[2] Примечания: 2

Жаренные в масле сладости из двух длинных скрученных полосок теста, сделанные на основе пшеничной или рисовой муки.

Маленькой мне небо в Хвирёне казалось намного выше и синée сеульского. Я до сих пор не могу забыть, как мы с бабушкой ходили любоваться на ночное небо. Тогда я впервые невооруженным глазом увидела Млечный Путь и поначалу потеряла дар речи. Голова закружилась, и в животе появилось странное ощущение.

Я впустила бабушку в свое сердце еще до конца самого первого дня в Хвирёне. Потому что дети такое чувствуют. Они сразу понимают, любит их человек или ненавидит, хочет навредить или защитить.

Прощаясь с бабушкой на автовокзале, я уселась на пол и зарыдала. Не только потому, что успела привязаться к ней: в глубине души у меня было предчувствие, что, возможно, я больше никогда ее не увижу.

В тот день, когда я снова отправилась в Хвирён, мне было уже тридцать два, а заднее сиденье моей машины, несущейся по скоростному шоссе, было полностью завалено предметами домашнего обихода. Это был снежный январский день 2017 года.

Я увидела вакансию научного сотрудника в обсерваторию Хвирёна спустя примерно месяц после развода. Проектная группа, в которой я

состояла, как раз закончила очередную работу, и мне некуда было податься. Получив из обсерватории положительный ответ, я сразу же принялась собирать свою сеульскую жизнь в коробки. Кровать и шкаф, письменный стол и стиральную машину, ковер и обеденный стол, мое нижнее белье, к которому прикасались его руки, и посуду — я выбросила абсолютно все. Мы прожили в этом доме без малого шесть лет, поэтому вещам не было конца. Два последних пакета с мусором я вынесла в день переезда.

Только накануне поездки я поискала информацию о том месте, куда направляюсь, в интернете. Хвирён оказался небольшим городком, к западу от которого растянулись горы высотой около тысячи метров над уровнем моря, а к востоку — побережье. Сельскохозяйственные угодья и городские кварталы располагались в низине у моря, поэтому городок был меньше, чем другие подобные в этом регионе, а его население не превышало и ста тысяч человек.

К тому времени, как я проехала Чхунчхон, снегопад утих, но ветер дул так сильно, что мою маленькую машину немного потряхивало. Несколько раз приходилось даже останавливаться на стоянках вдоль дороги, чтобы подышать воз-

духом. Обычно меня не укачивало в пути, но в тот период мое психическое и физическое состояние оставляло желать лучшего — я часто ощущала тошноту и головокружение.

Только через пять часов после выезда из Сеула я наконец заселилась в отель в Хвирёне. В полном изнеможении я рухнула у окна, даже не разобрав вещи. За окном виднелось море. Из-за холодной зимней погоды людей на улице не было видно, лишь несколько птиц парили над водной гладью. Я даже не помнила, когда в последний раз так близко смотрела на море. Не знаю, сколько времени я так просидела. С наступлением темноты рыбацкие лодки с яркими фонарями, выстроившись в ряд вдоль берега, начали одна за другой выходить в море. В какой-то момент я поймала себя на том, что пересчитываю количество фонарей на лодках.

В то время я не могла нормально спать. И той ночью тоже несколько раз засыпала и просыпалась. В конце концов, когда сон полностью пропал, я открыла шторы и увидела, как алое солнце всходит за горизонтом. Солнечные лучи растворялись в воде всеми оттенками красного и проникали даже в мой номер. Я молча наблюдала за движением солнца. До тех пор, пока оно не

поднялось высоко в небо и не исчезло из виду.

В тот день я занялась поисками жилья. Я обошла пять квартир, но больше всего мне понравилась самая первая. Она находилась в многоквартирном доме коридорного типа с двумя корпусами, построенном двадцать лет назад. Агент сказал, что в нем в основном живут молодожены и одинокие пожилые люди. Квартира, которую я присмотрела, располагалась на пятом этаже. Внутри было чисто и свежо, дополнительного ремонта не требовалось, за окном вдалеке виднелось море, и солнечный свет буквально пронизывал все пространство. До заселения нужно было подождать около трех недель, но квартира того стоила.

Таким образом, первые три недели в Хвирёне я ездила на работу из отеля. В это время часто шел снег. Иногда снегопад был таким сильным, что солдатам из ближайшей военной части приходилось обходить улицы, вооружившись лопатами. Снег здесь почти не таял. В небольшом провинциальном городке было много мест, не тронутых машинами и людьми, поэтому снег сходил очень медленно.

Примерно в тот период я впервые узнала, как подобная белизна может подавлять людей и вну-

шать им страх. Однажды после снегопада я ехала по дороге, как вдруг сердце бешено забилось и мне стало так трудно дышать, что пришлось остановиться на обочине. Казалось, внутри разом рухнули все защитные стены. Словно механизм, который был создан для того, чтобы сдерживать чувства, внезапно вышел из строя.

В первый же день работы в обсерватории меня спросили, замужем ли я. После моего ответа, что была однажды, последовали вопросительные взгляды, и мне пришлось добавить, что я развелась в прошлом году. Я старалась выглядеть невозмутимой, но сердце забилось сильнее, и я вся словно съежилась. Собеседники, неловко улыбаясь, поспешили сменить тему.

Возвращаясь после работы в отель, я просто лежала на кровати. Из открытого окна доносился шум волн. Иногда я продолжала прислушиваться к их плеску, даже если сама тем временем превращалась в ледышку. Нужно было встать и закрыть окно, но тело не слушалось. У меня не было сил даже налить себе стакан воды, и я так и лежала с пересохшим от жажды горлом.

В зеркале я видела свое тощее отражение — кривая спина, торчащие плечи без следа мышц. Волосы выпадали так сильно, что пришлось

сделать каре, от этого я сама себе казалась незнакомкой. Моим единственным утешением были телефонные разговоры с Чиу.

Обычно она звонила мне после захода солнца. Чиу плакала и ругалась вместо меня, она была одной из немногих людей, которые действительно беспокоились обо мне.

— Вот бесстыжий сукин сын! — говорила подруга.

Она называла моего бывшего мужа сукиным сыном.

— Интересно, почему «сукин сын» стало ругательством? — спросила я у нее.

Чиу сказала, что сукин сын — это не детеныш собаки, а просто «выродок», то есть выходящий за рамки «нормальной семьи». Дойдя в своем объяснении до этого момента, подруга вдруг заявила, что это и правда плохое слово и она впредь не будет его использовать. Затем она последовательно перебрала такие слова, как «сукин сын», «псих» и «урод», и задалась вопросом, почему люди такие незрелые и почему ругательства — это обязательно уничижение слабых.

— Нам нужны новые ругательства. Чтобы нормально выпустить злость, — таким был вывод Чиу.

Положив трубку, я написала на листке бумаги: «сукин сын». Несмотря на этимологию, никто не использует это словосочетание в его изначальном смысле. Я представила себе щенка. Виляя хвостиком, он прижимался к штанине человека, которому до него совершенно не было дела.

Почему все же люди говорят «сукин сын», или «щенок», когда хотят кого-то оскорбить? Может, потому, что собаки слишком хорошо к нам относятся? Потому, что любят нас безо всяких условий, не уклоняются от ударов и продолжают вилять хвостом? Потому, что их послушание и симпатия вызывают у нас презрение? Получается, все дело в людях? Думая об этом, я продолжала смотреть на написанное. Казалось, что этот щенок и есть я.

Если сердце — это всего лишь о́рган, который можно извлечь из тела, то иногда мне хотелось достать его из груди и начисто вымыть теплой водой, обсушить и вынести на солнце — туда, где гуляет морской бриз.

Сама бы я пока пожила без сердца, а затем, снова вложив в грудь хорошо просушенный, мягкий и приятно пахнущий о́рган, смогла бы начать жизнь заново. Иногда я воображала себе такое.

В день переезда я принесла вещи, которые все это время валялись на заднем сиденье машины, в

новую квартиру. Имущества у меня было немного: одежда и посуда, книги и ноутбук, телескоп и телевизор.

Дом, в котором мне предстояло жить, располагался на возвышенности в западной части города. На подъезде к жилому комплексу имелся сетевой супермаркет, а с обратной стороны начиналась горная тропа для прогулок. В нескольких частных домах около супермаркета дворы превратили в огороды, неподалеку бежал ручей. На улице, тянувшейся к северу от жилого комплекса, теснились частные и многоквартирные дома. Если пройти на восток, можно было попасть на пляж. Его называли Черепашьим, потому что там стояла черная скала, похожая на панцирь. В окрестностях пляжа было много ресторанчиков, подающих туристам хве[3] и жареных моллюсков, но зимой улицы приморского городка пустовали.

Я переехала не так давно, но мне казалось, что я живу здесь целую вечность. Здесь было невероятно тихо. После жизни в Сеуле такая тишина меня даже немного пугала.

В то время я одновременно и ненавидела лю-

---

[3] Примечания: 3
Корейское блюдо из сырой рыбы, нарезанной ломтиками.

дей, и отчаянно желала найти родственную душу. Мне хотелось болтать вечерами напролет с друзьями, как раньше в Сеуле, хотелось, чтобы хоть кто-то был всегда рядом, на расстоянии вытянутой руки, чтобы он всегда был на моей стороне. Но при этом я не стремилась иметь слишком близкие и прочные отношения, в которых доверяешь человеку самое сокровенное и полагаешься друг на друга во всем. Для меня семейная жизнь была именно такой, но теперь я больше не верила, что подобные отношения возможны.

Ближе к концу зимы я снова научилась закрывать окна, когда становилось холодно, и пить воду, когда пересыхает в горле. По ночам мне все еще было тяжело, но я больше не рыдала, сжимаясь всем телом в комок. Я снова научилась спать по два или три часа подряд. Но на вопрос «Стало ли лучше?» я пока еще не могла с легкостью дать положительный ответ.

Мама приехала навестить меня спустя два месяца после моего переезда.

Она покопалась в мусоре, стоявшем в прихожей, проверяя, правильно ли я его рассортировала, сняла обувь и прошла в квартиру. На кухне достала из коробки, которую привезла с собой, упаковки свекольного и капустного сока и наби-

ла ими овощной отдел холодильника.

— Куда повесить? — спросила она, протягивая свои вещи.

Я взяла куртку, повесила в шкаф к себе в комнату и снова вышла в гостиную. Мама уже лежала на диване с закрытыми глазами. Я размешала в чашке пакетик растворимого кофе и поставила на журнальный столик рядом с диваном.

— Ты слишком молода, чтобы заточить себя в этой глуши, — заметила она, все еще не открывая глаз.

— Здесь не глушь. И работа хорошая, — ответила я и замолчала, но через несколько мгновений все же спросила: — Мам, ты ведь бывала в Хвирёне? Навещала бабушку?

— Сама знаешь: мы не в таких отношениях. А что? Собралась увидеться?

— Нет, но…

— При первой же возможности возвращайся обратно в Сеул. Ты, случайно, не из-за зятя, ой, я имею в виду… В общем, не из-за него себя так ведешь? Боишься случайно встретить его?

— Я все равно бываю только дома или в лаборатории. Мне неважно, в Сеуле жить или в Хвирёне.

— А мне молодость твою жалко. Не помешало

бы тебе найти кого-то. — Мама села и, подув на кофе, сделала глоток.

— Я прекрасно могу прожить и без мужчины, мам.

— Сама знаешь: разведенок никто ни во что не ставит. Обсуждают за глаза.

Я молча посмотрела в окно. «Мне лучше всех об этом известно, мам». Люди пашут землю трактором. Видимо, собираются что-то посадить. Летом и осенью пейзаж за окном будет что надо. Нет смысла подгонять человека — от этого ничего не изменится. Никто ведь через силу не пашет землю зимой.

— Мир изменился, мам. Не думай, что сейчас все так же, как и в твои времена.

— Пусть и плохонький, а муж есть муж. За ним как за каменной стеной. Женщина должна быть при мужчине, чтобы люди не относились к ней как попало.

— Мам!

— Я побольше твоего прожила — знаю, что говорю.

Не в силах больше сдерживаться, я вышла из квартиры. Нельзя прожить без мужчины? Кто бы говорил — ее саму всю жизнь эксплуатировала семья мужа. Да так, что у нее даже не было време-

ни поехать в гости к собственной матери. Выйдя замуж за старшего сына в семье с тремя сыновьями, мама никогда не ездила на праздники к своей родне. На каникулах у нас иногда гостили папины родственники, но бабушка не приезжала ни разу. Хотя отношения с бабушкой разладились не только по этой причине, маме так или иначе было бы сложно видеться с ней.

«И все-таки хороший у меня зять», — постоянно приговаривала мама. Твердила, что если мужчина не бьет, не играет в азартные игры и не изменяет, то он уже идеал и на большее рассчитывать не стоит. В этом смысле мой бывший муж был для мамы хорошим. До тех пор, пока не стало известно о его изменах.

Мама всегда повторяла, что надежда есть только в замужней жизни, но, если прислушаться к ее словам, казалось, что это именно у нее нет никакой надежды на мужчин. Ведь если довольствоваться только тем, что мужчина не бьет, не играет в азартные игры и не изменяет, то это какое-то поразительное отсутствие веры в людей.

Я бездумно шла вперед, пока не оказалась у супермаркета. Купив мороженое, побрела домой. Пытаясь глубоко дышать, чтобы успокоиться. Мама встретила меня безразличным взглядом. Я

протянула одно мороженое ей, открыла другое себе и попыталась продолжить разговор как ни в чем не бывало.

Она поинтересовалась, не страшно ли мне жить одной, нравится ли новая работа. Посетовала, что некому будет присмотреть за мной, если я заболею или что-то случится, ведь я здесь никого не знаю. Спросила, не одиноко ли мне, и сказала, что это ее беспокоит.

— Мне хорошо одной, мам, — больше мне нечего было ей ответить.

Я уже давно перестала надеяться, что она будет целиком и полностью на моей стороне или хотя бы попытается понять мои чувства. Даже когда я сказала, что развожусь, она беспокоилась больше не обо мне, а о зяте, который останется один после развода.

«О тебе-то я не переживаю. Но он же такой слабовольный, а если покончит с собой? Ты возьмешь на себя ответственность?» — с упреком спросила она меня тогда.

Услышав некоторые вещи, понимаешь, что никогда не сможешь их забыть. Для меня такими стали именно эти слова. Мама позвонила мне, чтобы пожаловаться на то, как ей тяжело из-за моего развода, как она страдает и хандрит. Более

того, она сообщила, что даже позвонила моему бывшему мужу и пожелала ему счастья. Мою боль, судя по всему, она не брала во внимание.

Я знала, что людям всегда легче сочувствовать мужчинам. Поэтому они поливали грязью меня, упоминая о нашем разводе, и, даже прекрасно зная, что он изменял мне, искали в этом мою вину — ведь это я обязательно должна была дать ему повод для измен. Но от осознания того факта, что даже собственная мать сочувствует не своей дочери, а чужому сыну, напрочь игнорируя мою боль, я окончательно сломалась.

— Твой папа не рассказывает никому, что ты развелась, — равнодушно заметила она.

— Наверное, стыдится меня.

— И все равно таких, как твой отец, больше нет.

— Да ну?

— Как бы там ни было, отец есть отец. Не смей так говорить.

«Подумаешь, мужчина один раз изменил, это не причина для развода. Подумай, какую боль ты причинишь зятю. Ты должна быть великодушной. Все так живут», — сказал мне папа, когда я приняла решение о разводе. Меня не удивило, что он думал в первую очередь о зяте, а не обо

мне. Потому что я никогда и не надеялась, что отец встанет на мою сторону.

Еще не село солнце, а мама встала с дивана и засобиралась. Я подвезла ее до автовокзала, а на обратном пути заметила старушек, которые, разбившись на группки по несколько человек, катили по дороге тележки.

Это был субботний вечер в конце марта. Возвращаясь с прогулки по окрестностям, я встретила на холме старушку. Мы уже несколько раз сталкивались с ней в лифте, и она каждый раз молча улыбалась и приветливо смотрела на меня. Она была модницей: щеголяла в разноцветных пуховиках — то в неоново-розовом, то в серебристом. В тот день она была одета в пепельно-розовую куртку и катила перед собой тележку канареечного цвета. Я кивнула в знак приветствия и хотела было пройти мимо, но она вдруг помахала мне рукой со словами:

— Сказали, что сегодня будут продавать дешевые яблоки — вот, сходила на фруктово-овощной рынок, недалеко тут.

— Понятно.

Она достала из своей тележки на колесах яблоко и протянула мне.

— Вот, попробуйте — медовые!

— Да что вы, не стоит.

Я заподозрила, что старушка хочет заманить меня в какую-нибудь религиозную секту, но продолжать отказываться от яблока было невежливо, так что мне пришлось просто сунуть его в карман.

— Фруктово-овощной рынок… Это тот, что возле мэрии?

— Там дешевле всего.

Мимо нас проехало несколько человек на скутерах. За спиной старушки сверкало море, окрашенное вечерними солнечными лучами в золотой цвет. Дул мягкий бриз.

— Вы не подумайте ничего странного, — сказала она. — Просто вы похожи на мою внучку. Дочь моей дочери. В последний раз я ее видела, когда ей было десять. — Старушка взглянула прямо мне в глаза. — Мою внучку зовут Чиён. Ли Чиён. А дочь — Киль Мисон.

Я внимательно всмотрелась в лицо этой женщины. Она только что назвала наши с мамой имена. Нужно было что-то сказать, но ничего не приходило в голову.

— Внучка живет в Сеуле, так что ей незачем сюда приезжать, — продолжила она, глядя мне в глаза.

— И все же я здесь, — ответила я.

Бабушка улыбнулась мне, словно ей давно уже все было известно. Мы стояли на холме, смущенно глядя друг на друга. Ее лицо приняло шутливое выражение, и я поняла, что она узнала меня с самого начала.

— Бабушка!

— Давно не виделись, — кивнула она в ответ.

2

В тот день, возвращаясь вместе домой, мы почти не разговаривали. Казалось, что бы мы ни сказали, неловкости не избежать. В лифте я нажала на кнопку пятого этажа. Бабушка нажала на десятый и заметила:

— А ты высокая, в маму.

— Да… наверное.

Во время этого краткого диалога я рассмотрела ее вблизи. Густые для ее возраста, коротко остриженные некрашеные волосы, широкий лоб, продолговатые глаза с гладкими, без складки веками, нос прямой и высокий; над верхней губой тянулась ложбинка, покрытая нежным пушком, губы — полные, почти лиловые. От уголков глаз и рта разбегались тонкие смешливые морщинки, а переносицу прорезали две глубокие складки.

Ростом бабушка была немного ниже меня, но спину держала ровно. Морщинистая рука, которой она опиралась на тележку, была покрыта коричневыми пигментными пятнами. В ней не было почти ничего схожего с мамой. Я вспомнила мамин узкий лоб и черные волосы, которые она постоянно красит, потому что ненавидит седину.

Единственным чувством, которое я испытала от воссоединения с бабушкой, была неловкость. Она казалась настолько незнакомой, что я даже ненадолго засомневалась, действительно ли эта пожилая женщина — та самая моя бабушка, которую я знала в далеком детстве. Еще я беспокоилась о том, что должна сказать ей при следующей встрече, не станет ли она вмешиваться в мою жизнь только на том основании, что она моя родная бабушка, не узнают ли все вокруг, что я ее внучка, приехавшая из Сеула, вопреки моему желанию жить анонимно.

В следующий раз я увидела бабушку утром через несколько дней, по дороге на работу. На парковке стоял грузовичок, в который по очереди усаживались несколько старушек. Все они были одеты в пеструю рабочую одежду. Наблюдая за ними, я встретилась глазами с бабушкой, которая в этот момент тоже собиралась сесть в грузовик. Она приветливо улыбнулась и помахала мне рукой. Я застыла на мгновение, но тоже помахала ей в ответ.

— Давай, а то опоздаем, — торопили ее старушки, и она тоже погрузилась в автомобиль.

— Я на сдельщину еду, сдельщину! — крикнула мне бабушка. — Пока!

Я молча наблюдала, как грузовик быстро скрывается из моего поля зрения.

Если бы у меня не было воспоминаний о бабушке из детства, я бы, возможно, чувствовала только ненужное давление от встречи с ней. Но мне тридцать два, и я все еще помнила, как она рассказывала мне истории, над которыми мы вместе когда-то смеялись.

В бабушкиных глазах я выгляжу не как внучка, а как незнакомая женщина за тридцать, с которой сложно иметь дело. Я для нее не милая любимая внучка, которую хочется оберегать, а всего лишь ребенок дочери, да и с той они не ладят. Меня не смущали щекотливость, неловкость и сложность наших отношений, но удивляло некое слабое подобие привязанности, которое скрывалось где-то на дне под этими эмоциями.

Когда следующим вечером я столкнулась с бабушкой в супермаркете, неловкости, которой я остерегалась, не возникло. Она шла к кассе, неся в корзинке бутылку густого соевого соуса и пачку растворимого кофе в пакетиках. Я встала в очередь за ней.

— С работы идешь? — поинтересовалась она.

— Да, вот купила поесть по пути домой, — ответила я, указав на клубнику, яблоки, хлопья,

молоко и кимчи в моей корзинке.

На этом разговор прервался. Я не могла придумать подходящую для беседы тему, и бабушка, судя по всему, тоже. Расплатившись, она сложила свои покупки в тележку и направилась к выходу. Я тоже заплатила за свои продукты и догнала ее.

— Я вас подвезу.

— Все в порядке, тут же всего пять минут пешком. Не беспокойтесь, — обратилась она ко мне на «вы», видимо, почувствовав неловкость.

— У вас тяжелые пакеты, давайте я вас подвезу. Мне же все равно по пути.

— Ну хорошо, буду признательна…

Наблюдая за тем, как она садится в машину, я заметила, что, несмотря на прямую осанку, бабушке тяжело сгибать поясницу. Когда она выходила, ее движения тоже были медленными. Как бы бодро она ни выглядела со стороны, все равно старость брала свое. Я шла к лифту не спеша, подстраиваясь под ее темп.

— А чем вы обычно занимаетесь?

Она ненадолго задумалась, прежде чем ответить:

— В страдную пору езжу на сдельщину в соседнюю деревню…

— А что такое сдельщина?

— Ну как? Сдельщина. Не знаешь, что ли?

Я пожала плечами.

— Это когда помогаешь на поле. Я-то старая уже, одной не по силам работать — вот мы и ездим с другими бабками на виноградник, помогаем там понемногу. Ножницами орудуем, вот так, — произнесла она, изображая пальцами ножницы. — Ветки обрезаем, а когда виноград вырастает, накрываем его целлофаном, потом в коробки складываем. Такие дела.

— Но в вашем возрасте…

Бабушка улыбнулась:

— Тяжко просто сидеть и ждать, пока смерть за тобой придет. А так и с подругами поболтать можно, и деньжат заработать. Красота! Подвигаешься малость, и ночью потом хорошо спится.

Я не ожидала, что лифт будет так медленно ехать с седьмого этажа. Не зная, о чем еще можно поговорить, после небольшой паузы я сказала:

— А чем вы занимаетесь, когда не работаете?

— Я-то? Лежу, телевизор смотрю или в клуб для стариков захаживаю. Ничего особенного.

В этот момент лифт спустился, мы зашли и молча уставились на электронное табло с номерами этажей. Но когда я уже выходила на своем, бабушка, словно пытаясь удержать меня, сказала:

— Будет время — заходи в гости. Но только если будешь свободна! Если занята, не приходи!

Я отправилась к ней в воскресенье, вскоре после нашего разговора. Мы условились о встрече, когда в очередной раз случайно столкнулись в лифте. Я сказала, что как-нибудь зайду, и она так сильно обрадовалась, что мне от растерянности пришлось назначить конкретный день.

Я сходила на рынок за свежими розами, купила в магазине неподалеку бутылку вина и маленький торт со взбитыми сливками. В лифте я нажала на кнопку десятого этажа вместо пятого. Пройдя вперед по коридору, я увидела, что дверь в квартиру открыта нараспашку. Из нее по подъезду разносились запахи вареного риса, супа и жареной рыбы. Я остановилась перед дверью и позвала:

— Бабушка!

Она появилась в прихожей, наряженная в горчичное платье и домашние тапочки с цветочным узором.

— Проходи, проходи! Цветы? Ну что ты, не стоило, — замахала она руками.

На стене в прихожей висела картина маслом с изображением трех яблок. Планировка квартиры была такой же, как у меня. На балконе листья

капусты были разложены на сушке для белья, а в большой корзине лежало несколько мандаринов сорта «халлабон»[4]. Три тележки стояли в ряд, на них висели неразобранные сетки с зеленым и репчатым луком, яблоками, чесноком и сушеной морской капустой. Я прошла на кухню и поставила торт с вином рядом с раковиной. Вся кухня была наполнена запахом имбиря.

— Сядь вон там, подожди, — скомандовала бабушка, почти подталкивая меня к дивану, когда я предложила ей свою помощь.

Это был трехместный коричневый диван из кордовой ткани. Подлокотники были стерты до блеска, а сиденья сильно проседали. Решив, что для моей спины это слишком, я тихо сползла с дивана на пол. Напротив стоял маленький телевизор, но экран мелко дрожал и шипел. В углу за телевизором бросался в глаза огромный треугольник стены без обоев.

— Давайте я хотя бы разложу приборы, — предложила я, не зная, куда себя деть.

Бабушка замахала руками:

— Иногда надо уметь просто быть гостем.

Я осталась сидеть на месте, уткнувшись взгля-

---

[4] Примечания: 4

Особенно ценный сорт мандаринов с острова Чечжудо, назван в честь горы Халласан.

дом в обеденный стол на четыре персоны. Он выглядел так, словно им почти не пользовались. Бабушка принесла на подносе закуски и приборы и поставила их на стол. Передо мной поочередно возникли жареная камбала, морская капуста, перцовая паста с уксусом, тушеная редька и кимчи из молодой редьки. Затем последовали рис с каштанами и фасолью и капустный суп. Вместо воды бабушка налила мне травяной чай с семенами кассии торы[5]. Мы сели друг напротив друга и взяли палочки для еды.

— Спасибо, выглядит очень вкусно, — сказала я.

— Ох, я забыла положить чеснок, не знаю, как будет на вкус, — пробормотала бабушка и озабоченно уставилась на меня.

Суп оказался немного пересоленным, но все же довольно аппетитным.

— Вкусно.

Бабушка покосилась на меня с подозрением.

— Честно. Капуста хорошо проварилась, мягкая, очень вкусно.

— А соль как, нормально?

— Да.

---

[5] Примечания: 5
Традиционный тонизирующий чай.

Только теперь бабушка тоже поднесла ложку ко рту.

— Да, и правда вкусно. — С этими словами она засмеялась, и мне в глаза бросились ее губы, накрашенные темно-розовой помадой.

Кажется, она даже сделала укладку, потому что ее волосы выглядели объемно. Я удивилась, осознав, что бабушка очень постаралась, чтобы хорошо выглядеть передо мной. Убрав косточки, я положила мякоть камбалы на ее рис. Немного подсушенная мякоть была жилистой, а жаренная в масле корочка ароматно пахла. Я собиралась поесть немного из вежливости, но у меня вдруг разыгрался аппетит, и я накинулась на еду. Давненько мне уже не приходилось ощущать такого приятного чувства сытости. В итоге я даже не заметила, как опустошила целую чашку риса, не перемолвившись с бабушкой и словом.

— Еда вкуснее, когда ешь с кем-то, — заметила она.

В этом я не могла с ней согласиться, но все равно кивнула. Вкус еды зависит от того, с кем ты ее ешь. Очень часто мне было намного удобнее есть в одиночестве за просмотром «Нетфликса». Но рядом с бабушкой еда и правда казалась вкусной. Есть вместе с ней было вкусно.

— Будешь еще?

— Нет, спасибо, я наелась. А еще торт…

— У кого-то сегодня день рождения? — с улыбкой поинтересовалась бабушка.

— Просто торты ведь вкусные.

— И то верно.

— Вы тоже любите торты?

— А как же! — шутливо ответила она.

Мы вместе убрали со стола. Оклеенные светло-зелеными обоями кухонная зона и стенной шкаф были довольно старыми, а у одного из посудных шкафчиков отвалилась дверца. Но в целом все выглядело неплохо. На раковине стояла кружка с травой минари[6]. Я протерла стол полотенцем, а бабушка разрезала торт и положила по кусочку на отдельные тарелочки. Затем мы налили в стаканы для воды вина и стали медленно пить.

В тот день бабушка не спросила у меня ничего о моей ситуации. Она, скорее всего, слышала от мамы о том, что я была замужем, но все равно не стала ничего спрашивать об этом. Вместо этого она интересовалась, что я изучала в университете, чем занимаюсь на работе, как провожу свободное время.

---

[6] Примечания: 6

Съедобная зелень, по вкусу похожая на петрушку, часто употребляемая в пищу в Корее и других странах Азии.

— А у вас очень хорошая кожа, прямо светится, — заметила я.

— Все так считают. Когда хожу в клуб для стариков, все говорят, что можно не включать лампочки. Потому что мое лицо освещает все вокруг.

Поведение бабушки, отбросившей притворную скромность, показалось мне забавным, и я рассмеялась.

— У мамы ведь тоже хорошая кожа. Такая мягкая, и прыщей не бывает. В этом я на нее не похожа. Да если честно, и вообще ни в чем.

— Я тоже с твоей матерью не особо похожа. Она — копия твой прадед.

— Я и на папу не похожа.

Бабушка внимательно всмотрелась в мое лицо и сказала:

— А я знаю, на кого ты похожа.

— И на кого же?

— Погоди-ка.

Бабушка ушла в спальню и через несколько минут появилась, держа в руках фотоальбом.

— Посмотри. — Она открыла альбом и протянула его мне.

С фотографии мне улыбались две женщины,

одетые в белые чогори[7] и черные юбки. Мне в глаза бросилась та, что стояла слева. Волосы женщины были разделены ровным пробором посередине и скручены в пучок на затылке.

— Кто это? — спросила я, указывая на ее лицо пальцем.

Бабушка слегка дотронулась до фотографии.

— Можно сказать, что это ты, и люди поверят.

И она погладила краешек альбома.

Темные глаза, один с двойным веком, другой без, не слишком густые брови, круглый лоб и короткий подбородок и даже маленькие уши — женщина на снимке была вылитая я. Не только внешность, но и ее поза и выражение лица были схожи с моими. Заметив, что я не могу отвести глаз от фотографии, бабушка спросила:

— Ты что-нибудь слышала о моей маме?

Я помотала головой. «У меня нет родни» — это единственное, что я слышала от своей мамы.

— И то верно. Мы ведь с тобой почти не виделись, — покачала головой бабушка, но по ее голосу чувствовалось, что она расстроена из-за того, что моя мама ничего не рассказывала мне о своей бабушке. Повисла тишина.

---

[7] Примечания: 7

Традиционная блуза с бантом национального корейского костюма ханбок.

— А как звали прабабушку?

— Ли Чонсон. Но все звали ее Самчхон, тетушка Самчхон.

— Почему?

— Потому что она была родом из Самчхона.

— А где это? Я впервые слышу.

— Это местечко в трех часах езды на поезде от Кэсона[8].

— Это же ваша родина!

Я знала, что бабушка родом из Кэсона, потому что как-то раз мельком слышала об этом от мамы.

— Да. Мама перебралась в Кэсон до моего рождения. Ей тогда только исполнилось семнадцать.

За окном уже садилось солнце. Я понимала, что пора идти домой, но уходить не хотелось. Мне было интересно послушать, что расскажет бабушка. Я молчала, но все же осмелилась спросить:

— Какой она была?

— Кто? Моя мама?

— Да.

Бабушка хотела что-то сказать, но вдруг передумала, потом снова открыла было рот и опять промолчала. Улыбка, не покидавшая все это вре-

---

[8] Примечания: 8

Город в провинции Хванхэ-Пукто на юге КНДР.

мя ее лицо, теперь исчезла, и она о чем-то глубоко задумалась.

— Знаешь… — наконец произнесла она, глядя на меня, — я по ней скучаю.

Бабушка некоторое время внимательно разглядывала мое лицо, словно перед ней сидела ее мать, а потом с усилием улыбнулась:

— Просто я очень сильно по ней скучаю.

Увидев, что в ее глазах стоят слезы, я испугалась и отвернулась, сделав вид, что ничего не заметила.

— Прости, что-то я совсем расклеилась, — с этими словами бабушка залпом выпила остатки вина.

Некоторое время мы не произносили ни слова. Я долила еще вина в ее пустой стакан и спросила:

— А фотографий прадедушки у вас нет?

— Нет, — с улыбкой посмотрела она на меня.

— Каким он был?

Бабушка задумалась, прежде чем ответить:

— Мой отец родился в семье плотника. Говорили, дедушка занимался гончарным делом. Раньше ведь были гонения на самых первых католиков в Корее. А мой отец был их потомком.

Самый первый предок в нашей семье, который

начал верить в Бога, был конюхом. Когда господин, которому он служил, внезапно заявил, что с этого момента они больше не хозяин и слуга, а товарищи, предок решил, что тот окончательно лишился рассудка, и пожалел его. По словам бабушки, до сих пор непонятно, как так вышло, что в итоге он стал католиком вслед за хозяином. Три года спустя их с переломанными ногами выволокли на Сэнамтхо[9] и казнили, воткнув в уши стрелы.

С этого все и началось. Те, кто остался в живых, прятались в горах, собирая уголь и выжигая глиняную посуду. Прошло время, и скрывать веру в Господа уже не было нужды, но к людям, которые отказались от старых обычаев и не уважали память предков, как было заведено исстари, в народе всё еще относились холодно. Прапрадедушка, будучи сноровистым и рукастым, строил дома, благодаря чему сумел сколотить состояние. У него было четыре дочери и три сына, и он даже мог позволить себе отправить в школу всех троих

---

[9] Примечания: 9

Место на северном берегу реки Ханган в Сеуле. В эпоху Чосон (до конца XIX века) это была песчаная территория за пределами городских стен, использовавшаяся для наказания политических заключенных, в том числе верующих католиков, священников и миссионеров. Смертная казнь применялась редко, осуществлялась за самые тяжкие грехи, в частности путем вонзания стрелы в ухо; казни предшествовали долгие пытки и избиение большими и малыми батогами.

сыновей. Мой прадедушка был самым младшим из них.

— И зачем я об этом заговорила? Ах да, мой отец… Я хотела рассказать тебе, как так вышло, что мой отец оставил свою семью и встретил маму. Такое не с каждым случается. Когда сходишь с ума по человеку. В какой-то момент, вдруг. Просто абсолютно сходишь с ума… — задумчиво проговорила бабушка.

Прадедушке было девятнадцать лет, когда начались разговоры о его женитьбе. Однако он заявил отцу, что у него уже есть девушка, на которой он собирается жениться. Узнав о том, что избранница сына — дочь мясника, прапрадед только засмеялся: настолько это было нелепо. Но выслушав его, он понял, что тут не до смеха. Прадедушка вырос в лоне церкви, которая учила, что каждый человек ценен и что низкое положение не определяется происхождением, что судьба каждого находится только в его руках. И это несмотря на то, что в то время к дочери мясника относились хуже, чем к собаке или к лошади.

Когда прапрадед возмутился, как сын мог даже подумать о свадьбе с дочерью мясника, тот ответил, что мясник тоже сын Господень и церковь велит считать всех равными.

— В Библии про мясников ничего не писали, — заявил прапрадед, от ярости пинком перевернув жаровню.

Прадедушка вышел из дома, забрал прабабушку и сел вместе с ней на поезд до Кэсона.

— А у прабабушки разве не было семьи? — спросила я.

— Была, конечно. У нее была мать.

Отец скончался, когда она была еще маленькой, но у нее оставалась мать. Хотя к тому времени она уже долго болела и со дня на день ждала смерти. Прадедушка подошел к матери прабабушки, которая лежала у печи в глубине комнаты, и сказал, что женится на ее дочери и заберет с собой в Кэсон. Старая женщина посмотрела опухшими глазами на дочь, по ее щекам без конца лились слезы.

— Поедем вместе, — прапрабабушка схватила дочь за подол юбки и взмолилась: — Возьми меня с собой.

Ее хватка оказалась на удивление цепкой для умирающей старухи, и прабабушка с трудом оторвала пальцы собственной матери от своей юбки. Когда она наконец с трудом вырвала подол, мать некоторое время лежала в тишине, а потом

тихо произнесла:

— Ладно, ступай. Но знай: в следующей жизни я рожусь твоей дочкой. И отплачу тебе за то, как ты обошлась со своей матушкой. Тогда и свидимся. Свидимся снова.

Прабабушка вышла из дома, ни разу не обернувшись. Ей казалось, что она не сможет уйти, если обернется хотя бы раз. За спиной был дом, в котором она прожила семнадцать лет; дом, в котором все еще витал тошнотворный запах забитого скота; дом, в котором ей приходилось самой вычерпывать нечистоты, потому что даже чистильщики отхожих ям не хотели иметь с ней дела; дом, в котором ей частенько ни за что прилетало камнем по голове, когда она просто присаживалась полюбоваться цветами на закате солнца; дом, о котором у нее не осталось ни единого хорошего воспоминания. Когда, покинув этот дом, прабабушка шла к железнодорожной станции, этот короткий путь казался ей дорогой длиной в тысячу ли[10], по которой она ступала в обуви из свинца.

Но она должна была уехать. Потому что это был единственный способ выжить. Извергая из себя

---

[10] Примечания: 10
Корейская мера длины, равная 500 метрам.

желудочный сок в туалете поезда, прабабушка думала только об одном. Она забудет. Она все забудет. Она больше никогда не оглянется назад.

Бабушка сказала, что понимает, почему отец помешался тогда на ее матери. В глазах прабабушки горели любопытство и шаловливость, свойственные только детям. Такой уж она родилась. С какой это стати дочь мясника расхаживает с таким уверенным и довольным видом? За это в детстве она часто получала тумаки: «Эй, склони голову! Как ты смеешь встречаться взглядом со знатными людьми?»

Но прабабушка была не такой, она просто не могла ходить, опустив голову вниз. Даже если пыталась, упрямая голова поднималась сама собой. Задрав ее вверх, она смотрела в небо. Наблюдая за стаями птиц, летающими в вышине, она забывала обо всем. Ее интересовало все. Окружающий мир и люди. Это любопытство и послужило причиной ее встречи с прадедушкой.

В молодости она торговала вареной кукурузой у вокзала, а после работы наблюдала за людьми или прогуливалась вдоль рельсов. Однажды ей стало интересно, как далеко простирается эта железная дорога. Не в силах сдержать любопытство, она подошла к молодому человеку, который шел

навстречу, и спросила:

— Скажите, на сколько ли растягивается эта дорога?

Только выпалив вопрос, прабабушка пришла в себя. Дочь мясника посмела встать на пути у господина, за это он мог запросто избить ее. Но юноша, задумавшись, рассеянно смотрел в пустоту:

— Если на север дорога идет до Синыйджу, а на юг до Пусана… Сколько же это ли…

Он не проявил никакого интереса к кусочку черной ткани, прикрепленному к ленте на чогори прабабушки. Не обращая внимания на этот знак, выдающий ее принадлежность к презренному роду мясника, парень просто молча смотрел на рельсы. Когда она уже собралась уйти, он вдруг выпалил:

— Если придешь сюда завтра в это же время, расскажу. Мой товарищ изучает железные дороги, я спрошу у него.

Еще до встречи с прабабушкой прадед хотел уехать в Кэсон. Или даже не в Кэсон, а куда угодно — он просто хотел сесть в поезд и уехать как можно дальше из родных мест. Его с самого детства влекло куда-то. Если родители поручали ему дать корове сена, он уходил вместе с коровой

так далеко, как только мог уйти пешком, и после захода солнца всей деревне приходилось выходить на его поиски. Бабушка сказала, что иногда пытается представить себе отца, с потерянным выражением лица возвращающегося домой после наступления темноты.

Впервые увидев поезд, прадед был потрясен. Глядя, как тот несется на немыслимой скорости, он почувствовал, что у него кружится голова, а сердце выскакивает из груди. Он мгновенно влюбился в доносящийся издалека мощный гудок паровоза и стук колес по рельсам.

Как только представлялась возможность, он два часа шел пешком от своего дома до вокзала, чтобы прогуляться по железной дороге. Заслышав издалека приближающийся поезд, он замирал на месте, а потом в последний момент приходил в себя и отпрыгивал в сторону. С оглушающим грохотом, от которого барабанные перепонки грозили лопнуть, поезд проносился мимо, и вибрация от него, пройдя сквозь землю, проникала прямо в его тело.

Среди множества людей, торгующих едой перед вокзалом, он запомнил ту девушку. Кусочек черной ткани на одежде, означающий принадлежность к роду мясника, еще немного детское,

загорелое дотемна лицо, крупные ладони, которыми она подавала кукурузу. Он помнил ее.

— Скажите, на сколько ли растягивается эта дорога? — Услышав ее голос, он вдруг понял, что уже проживал этот момент.

Точно, именно в этом месте стояла девушка с загорелым дотемна лицом, а затем раздался гудок паровоза, и мимо пролетела сорока[11]… Не успел он об этом подумать, как действительно издалека послышался гудок паровоза, а в небо к западу взмыла сорока. Глядя, как девушка спускается с насыпи и машет ему рукой, зовя за собой, прадедушка подумал: нельзя допустить, чтобы этот мимолетный миг так и остался мимолетным. Это было странное предчувствие.

— Если придешь сюда завтра в это же время, расскажу, — так он ответил девушке, которая смело смотрела прямо ему в глаза.

Прадедушка подумал, что если ответит ей сразу, то больше не сможет с ней поговорить, и от этой мысли ему стало немного грустно. На сколько ли растягивается эта дорога? На этот вопрос он и сам с легкостью мог ответить, даже если бы его разбудили среди ночи.

---

[11] Примечания: 11

В Корее сорока считается символом благопожелания и хороших вестей.

На следующий день он снова два часа шел пешком до вокзала и ждал ее на том же месте. Прошло около четверти дня, но она так и не появилась. Он решил, что перепутал место встречи, и принялся бродить туда-сюда по рельсам, но она так и не пришла. Только вернувшись домой после захода солнца, он вспомнил, что девушка не ответила ему. На его предложение встретиться завтра она просто бросила на него безразличный взгляд и пошла своей дорогой. И почему он был так уверен, что она придет, если даже не получил ответа? Ему стало стыдно.

Даже вернувшись домой, он не мог перестать думать об этой девушке. Как дочь мясника могла так невозмутимо обратиться с вопросом к господину, как она посмела так пронзать человека взглядом, почему этот момент он проживал уже не впервые, почему именно в ту минуту, когда эта загорелая девушка смотрела на него, прогудел паровоз и взлетела сорока, откуда взялась эта уверенность, что нельзя позволить тому мимолетному мигу остаться мимолетным? Она ведь дочь мясника.

Эти мысли не давали ему покоя. Существование этой девушки нельзя было скомкать и уместить только в одно определение «дочь мясника». Но,

даже понимая это, он пытался отрицать свои чувства к ней именно потому, что она дочь мясника, и от этого ему стало безмерно грустно.

На следующий день он снова прошел пешком длинное расстояние до вокзала. Она сидела на углу и продавала кукурузу. Лето уже подходило к концу, и даже днем в воздухе не чувствовалось духоты. Он медленно подошел к ней и попросил продать ему всю оставшуюся кукурузу. Не узнав его, она приняла деньги и протянула несколько початков.

— Спасибо, сегодня я смогу пойти домой пораньше, — поблагодарила она его, собирая вещи.

— Я ждал вчера, — поспешно выпалил он.

Только теперь она узнала его.

— Ты всегда так одна ходишь?

Ответа не последовало.

— Я просто беспокоюсь.

— Все в порядке. Я и сама отлично справляюсь, — натянуто ответила она, собираясь уходить.

— Тебе же было интересно, на сколько ли растягивается железная дорога…

— И поэтому вы позвали меня встретиться на следующий день? — Она холодно уставилась на него. — Если знаете — скажите, а нет — так

нет. Я человек занятой. Некогда мне тут с вами лодырничать.

С этими словами она прижала к боку плетеную корзину и отправилась восвояси. А он остался стоять столбом на месте, глядя на ее удаляющийся силуэт.

Она была высокой, с широкими плечами. Он не мог оторвать глаз от ее размашистой походки, рассекающей воздух. Он должен был почувствовать обиду и стыд, но вместо этого ощущал только грусть. Потому что понял, что в ее глазах он просто опасный человек.

«Как она жила до сих пор? Что ей пришлось пережить?» — думал он, глядя ей вслед.

С тех пор он каждый день приходил к вокзалу и издалека наблюдал за ней. Смотрел на ее обычное круглое лицо, которое увидишь на каждом шагу в округе, на ее крупные ладони, движения, которыми она доставала из кармана мелочь на сдачу и протягивала покупателям, как иногда она грызет кукурузу, разглядывая прохожих. Как она кусала початок, а зерна прилипали к ее лицу. «Да, я знаю эту девушку», — думал он, мечтая сказать ей: «Давай вместе сядем в поезд. Я многое хочу тебе рассказать. Давай сядем в поезд и будем говорить долго-долго».

Это были тщетные помыслы. Вплоть до того самого дня, когда к ней подошли два солдата. Она встретила их улыбкой, думая, что это очередные покупатели, но быстро помрачнела. Увидев выражение ее лица, он торопливо подбежал к ней.

— Эй ты, как тебя зовут? А живешь где? — допрашивал ее на японском один из солдат.

Она пронзила его холодным взглядом, но ничего не ответила. Прадед поспешно натянул улыбку и очень вежливо заговорил по-японски:

— Это моя жена. Она не училась в школе и не знает японского, прошу простить ее. Если вы хотите знать, где мы живем, я скажу, но…

На этих словах солдаты развернулись и ушли. Им нужна была незамужняя девушка. Он прекрасно знал об этом. В его деревне солдаты уже разыскивали совсем юных девочек. Родители как можно скорее выдавали замуж дочерей, которым едва исполнилось по девять или десять лет. Они думали, что единственный способ защитить своих дочерей — это отдать их новому «хозяину».

Когда солдаты ушли, он спросил, есть ли у нее муж. Она покачала головой. А отец? Снова нет. Старший или младший брат, дядя, двоюродный дядя? Она лишь продолжала мотать головой.

— Тогда кто есть у тебя дома? Они же придут

туда, — испугался он, а она посмотрела ему прямо в лицо и ответила:

— Матушка.

Глядя на нее в этот момент, он понял: в конце концов солдаты обязательно уволокут ее с собой. Никто не осмеливался говорить вслух о том, какие ужасные вещи происходят в их казармах, но он не мог позволить забрать ее.

— Матушка болеет, — пробормотала она, словно обращаясь сама к себе.

Услышав это, он предложил, сам еще не понимая, что имеет в виду:

— Поедем со мной в Кэсон.

Она зло посмотрела на него.

— Они заберут тебя. Что бы ты ни делала, в итоге так и случится.

Она сложила обе руки на ткань, которой была накрыта корзина с кукурузой, и, опустив взгляд, ответила:

— Не надо шутить со мной. Я вас даже не знаю, даже имени вашего не знаю.

— Меня зовут Пак Хису. Я знаком с человеком, который занимается торговлей в Кэсоне. Я хочу поехать туда и заберу тебя с собой.

В этот момент он впервые увидел на ее лице страх.

— Значит, вы продать меня хотите, — сказала она.

— Что ты…

— Оставьте меня. Просто оставьте. Я хочу продавать здесь кукурузу и жить с матушкой. Зачем вы мне мешаете? Хотите заманить меня и…

— Когда в Кэсон приедем, поженимся официально, чтобы жить вместе.

— Ха! — С этим коротким смешком она подняла корзину и ушла.

Он впал в отчаяние. Ему казалось, он не вынесет, если не сможет убедить ее и вот так потеряет. Глядя, как она, переваливаясь с ноги на ногу, несет тяжелую корзину, он понял, что здесь уже не до выбора. Он просто обязан уехать в Кэсон. И забрать ее с собой.

Прабабушка не знала японского. Она понимала только несколько слов, которые помогали ей продавать кукурузу, но на этом всё. Когда подошли солдаты, она не до конца поняла, что происходит. Но, работая у вокзала, она не раз слышала, какие разговоры ходили в народе.

Расставшись с ним, она пошла домой, но там ее уже ждали японский солдат и сосед. Она почувствовала слабость в ногах. Сосед с улыбкой заявил, что нашел для нее работу на японской

фабрике. Сказал, что она должна быть благодарна, ведь там ей удастся заработать много денег и жить в роскоши. В этот момент она окончательно все поняла. Этот мир не собирается давать ей шанса. Японцы, которые сдирали по три шкуры даже со знати, ни за что не могли дать той, кого никто даже за человека не считал, такую хорошую возможность. Она была уверена, что происходит нечто ужасное.

— Матушка больна, я не могу ее оставить, — пролепетала она.

Выражение лица соседа резко изменилось. Он рявкнул, что у нее нет другого выбора и через четыре дня они вернутся снова. В ту ночь она не могла уснуть. Она вспоминала рассказы людей, которые слышала у вокзала. Она хотела жить. Хотела гулять, когда захочется, петь песни, когда захочется, смеяться или горько плакать, когда захочется. Она хотела отбросить ярлык дочери мясника и увидеть мир.

Она вспомнила лицо юноши, который предложил ей уехать вместе с ним в Кэсон. Он выглядел даже моложе нее. У него еще не до конца сломался голос, а лицо казалось очень наивным. «Неужели он тоже хочет продать меня?» — задумалась она. Страх окутал все ее тело. Врач сказал, что надеж-

ды на матушкино выздоровление нет. Что ей осталось не больше месяца. Это было десять дней назад. После ухода солдат она стала надеяться, чтобы матушка скорее умерла. Так будет лучше. Она отчаянно молилась о ее смерти: «Мне придется уехать отсюда во что бы то ни стало, так что, пожалуйста, матушка, умоляю, уйдите из этого мира до моего отъезда». Она молилась об этом снова и снова. Слезы продолжали течь по лицу.

Когда на следующий день тот юноша снова пришел к вокзалу, она спросила: почему он хочет поехать в Кэсон с незнакомой девушкой? Какая ему разница, заберут ее солдаты или нет? Зачем хочет помочь? Он не смог дать ей вразумительного ответа. Вместо этого он купил початок кукурузы и начал грызть, продолжая стоять рядом. Пока он ел, она сыпала вопросами: «У вас разве нет родителей? Как вы собираетесь жить в незнакомом месте, где ни разу в жизни не бывали?» И хотя она обращалась к нему, на самом деле эти вопросы скорее были адресованы ей самой.

Говоря это вслух, она вдруг поняла: в конце концов она последует за этим человеком. И хотя она ничего о нем не знает и, возможно, он и правда продаст ее, у нее просто нет иного выхода.

«Возьму нож, — подумала она. — Если будет

мне угрожать, стану защищаться».

Он ел кукурузу на удивление медленно. Наконец закончив, он положил кочерыжку в карман, посмотрел на прабабушку и произнес:

— Ехать или нет — решать тебе. Мне просто кажется, что я не вынесу, если солдаты заберут тебя. Ты права. Я тебя не знаю. И ты меня тоже. Но мы же можем узнать. Если тебя вот так заберут, я не переживу. Я буду страдать, но вернуть уже будет ничего нельзя. Это правильно, что ты не веришь мне. Надеюсь, что ты и впредь будешь сомневаться в людях, как и сейчас. Я не прошу, чтобы ты полностью доверилась мне. Если поедешь со мной в Кэсон, я попрошу товарища позаботиться о твоей матери. Завтра в это же время я приду сюда с ним. Тебе нужно время, чтобы попрощаться с матерью.

— Я не могу оставить матушку и уехать, — ответила она, уже понимая, что так и поступит.

— Солдаты придут за тобой. Это не шутки, — предупредил он. — Завтра в это же время. Здесь.

С этими словами он пошел прочь.

«Как же медленно он ходит, — подумала она, глядя ему вслед. — Я должна уехать».

В ту ночь она не сомкнула глаз и только крепко обнимала мать.

«Матушка, он сказал, что кто-то придет за тобой присмотреть. Нет, даже если это неправда, даже если никто не придет за тобой ухаживать, я ничего не могу с этим поделать. Да, я буду наказана. Буду получать наказание всю жизнь. Но, матушка. Я не могу позволить солдатам меня забрать. Матушка, матушка! Не свидеться нам с тобой боле…»

На следующий день он пришел и привел высокого парня с длинной шеей. По сравнению с прадедом этот человек выглядел взрослее. Он даже вежливо кивнул ей. Это был дядюшка Сэби.

— Почему Сэби? — поинтересовалась я.

— Потому что вырос он в деревне под названием Сэби, — ответила бабушка.

Предки его тоже были католиками и подвергались когда-то гонениям. Именно поэтому их семьи были близки, а с прадедушкой они росли как родные братья. Когда прадед решил покинуть родные края, дядюшка Сэби пытался его отговорить. Но прадедушка принялся убеждать его: солдаты уже рыщут по всем деревням и пересчитывают по головам всех девочек. Для защиты у нее должен быть хотя бы старший или младший брат, хотя бы двоюродный родственник, но в

семье нет ни одного мужчины. Такой девушке грозит опасность похуже, чем просто быть дочерью мясника…

Она отправилась домой вместе с прадедушкой и дядюшкой Сэби. Дядюшка пообещал ей, что непременно будет заходить каждый день и ухаживать за ее матушкой. Прабабушка в последний раз поклонилась матери и покинула родной дом, ни разу не обернувшись.

Заняв свое место в вагоне третьего класса после того, как поезд тронулся, прабабушка вцепилась в сиденье и разрыдалась. Это был первый и последний раз, когда она не скрывала своих слез перед прадедушкой. Позже, даже узнав о смерти матери, она не заплакала, а просто надолго замолчала.

Прабабушка часто рассказывала бабушке об этом: «И все-таки, если бы не твой отец, меня бы забрали солдаты. Если бы я осталась рядом с больной матушкой, меня бы забрали, как и всех остальных местных девушек, которых некому было защитить». Прабабушка неустанно повторяла бабушке эту историю в те моменты, когда прадед вел себя хуже всего. И все же твой отец меня спас. Да, он тогда меня спас.

В Кэсоне их уже ждал друг его двоюродного дя-

ди. Прабабушка сжала рукоятку ножа в кармане. Но ничего страшного не произошло. Ее ожидала крошечная комната, в которой пахло забродившими соевыми бобами. Они накрылись разными одеялами и заснули. На следующий день они зарегистрировали брак.

Спустя два дня после того, как прабабушка покинула деревню, приехали солдаты и битком заполнили кузов своего грузовика местными девушками. Прабабушка была не из тех, кто легко краснеет. Но каждый раз, когда она рассказывала об этом, ее бросало в жар, а голос начинал дрожать. «Солдаты…» — на этом моменте она замолкала, словно мысленно возвращаясь назад в прошлое. Ее молчание, ее чувства в эти минуты проникали глубоко в сердце бабушки.

Дядюшка Сэби каждый день приходил в дом незнакомого мясника, чтобы принести умирающей женщине воды и еды. Он ухаживал за старушкой и сидел у ее кровати. После этого прабабушка твердо решила: ради дядюшки Сэби она сделает все что угодно. Если он прикажет полоть поле, она будет полоть; если велит приносить воду из колодца каждый день, она будет приносить; если попадет в опасность, она прибежит и спасет его. Хотя дядюшке пришлось присматривать за

ее матерью чуть больше недели.

К тому времени прадедушка нашел комнату и работу на мельнице у друга дяди. Прабабушка получила известие о смерти матери спустя десять дней. Конечно, она понимала, что ее забрали бы солдаты, если бы она по своей воле не оставила матушку, но у нее не получалось считать эту очевидную причину очевидной. «Возьми меня с собой!» Что же чувствовала матушка, когда она один за другим отрывала ее цепкие пальцы от подола своей юбки? В то время прабабушке было всего семнадцать.

Семнадцать лет — не возраст для такого. Это не возраст для того, чтобы бояться, как бы тебя не забрали солдаты; не возраст для того, чтобы каждое утро варить кукурузу, складывать ее в корзину и идти продавать у вокзала; не возраст для того, чтобы видеть страх, гнев и одиночество матери, стоящей на пороге смерти; не возраст для того, чтобы понимать, что скоро останешься совсем одна на всем белом свете; не возраст для того, чтобы постоянно получать насмешки и издевательства только потому, что ты дочь мясника; не возраст для того, чтобы бросать мать, чтобы не иметь возможности проводить ее в последний путь, чтобы услышать новости о ее смерти вдали

от дома. Но для прабабушки семнадцать лет были именно такими. Бабушка сказала, что ее мать так и не смогла забыть то, что случилось в родительском доме, и прожила всю жизнь, цепляясь за то время.

Только перед смертью она сумела снова вернуться в свои семнадцать лет. Лишь в свои последние дни семнадцатилетняя прабабушка, прожившая всю свою жизнь как мертвая, держа рот на замке, сумела освободиться.

Бабушка сказала, что помнит, как улыбалась ее мать, лежа на больничной койке. «Матушка, матушка, ты здесь?» — бормотала она, протягивая руки к своей дочери.

Бабушка сказала, что думала, прабабушка испытывает по отношению к своей матери лишь угрызения совести. Но со временем она поняла, что на самом деле прабабушка просто очень сильно скучала по своей матушке. Она хотела баловаться, обниматься, приставать к маме, хотела купаться в ее любви. Ей приходилось всю жизнь сдерживать себя, когда просто хотелось позвать: «Мама, мамочка!» Когда прабабушка назвала собственную дочь мамой, та вспомнила последние слова, которые она услышала от своей матери: «Ладно, ступай. Но знай: в следующей

жизни рожусь я твоей дочкой. И отплачу тебе за то, как ты обошлась со своей матушкой. Тогда и свидимся. Свидимся снова».

— Моя малышка… Вот мы снова и свиделись, — прошептала бабушка своей умирающей матери.

3

До сих пор я ничего не знала о своей прабабушке. Мама как-то упоминала, что в детстве бывала у нее, но на этом все. Но теперь я знаю. Моя прабабушка была дочерью мясника и вышла замуж за незнакомого человека, оставив свою мать. Безымянная женщина, которая существовала в моей голове только как расплывчатый образ маминой бабушки, благодаря ее рассказу словно предстала передо мной во плоти. Моя прабабушка, Ли Чонсон.

— Но откуда вы так хорошо знаете о далеком прошлом? — спросила я.

— Моя мама… — Бабушка немного помолчала, а затем продолжила: — Мама много рассказывала мне об этом. Так много, что люди начинали насмехаться над ней. Некоторые стыдили ее за то, что она не может оставить прошлое в прошлом и без конца рассказывает об этом дочери, но она все равно не переставала. Позже меня тоже стало это раздражать. Потому что она вечно повторяла одни и те же истории. Так что ты должна сказать мне, если я начну повторяться.

— Не стоит об этом беспокоиться.

Я почувствовала, что бабушка осторожничает.

— Тебе пора домой, — вдруг произнесла она.

Посмотрев на часы, я осознала, что на дворе уже глубокая ночь. Я извинилась за то, что просидела допоздна, тогда как ей уже давно пора спать, но бабушка ответила, что в ее доме закон никогда и ни под каким предлогом не просить прощения. «Извиняться, когда ни в чем не виновата, — это грех», — говоря это, бабушка почему-то выглядела грустной. Только на следующее утро я подумала, что мои вежливые извинения могли показаться попыткой держать дистанцию.

Перед уходом я, немного поколебавшись, произнесла:

— Насчет моей свадьбы…

Бабушка взглянула на меня, не скрывая замешательства. Бабушка, которую не пригласили на свадьбу собственной внучки.

— Вы же знаете, какая мама упрямая. Простите меня, — добавила я.

Бабушка с трудом улыбнулась и кивнула.

— И кстати… Я рассталась с мужем.

— Умница, — тут же ответила бабушка без тени сомнения.

Немного растерявшись, я уставилась на нее.

— Дашь мне свой номер? Я не буду звонить, —

сказала она.

Я сохранила свой номер в бабушкином телефоне и нажала на кнопку вызова, чтобы узнать ее.

— Будет скучно — звони.

— Хорошо.

— Надоедать тебе я не буду. А если вдруг надоем, сразу говори.

— Да, конечно, — с улыбкой ответила я и вышла из квартиры, держа в руках остатки торта.

Спустя неделю после первого визита я снова отправилась к бабушке в гости.

Она рассказала, что всегда любила читать. Даже когда мама была маленькой и не давала ей спать, она запоем читала детективы и в результате спала еще меньше. А в детстве и вовсе проглатывала книги одну за другой, словно испытывая неутолимую жажду. Но со временем бабушке стало тяжело читать. Жажда к чтению все еще была сильна, но буквы прыгали перед глазами, не давая сосредоточиться. А после операции по удалению катаракты она и вовсе не осмеливалась открывать книги. Когда я заметила, что дрожащее изображение на экране телевизора тоже плохо для зрения, бабушка ответила, что теперь не смотрит его, а только слушает.

Я посмотрела на телевизор, стоявший в углу моей гостиной. Он был небольшим, но показывал четко. С некоторых пор я только и делала, что расстилала одеяло в гостиной и пялилась в телевизор, так что начинала подумывать, что пора бы избавиться от него. Я позвонила бабушке, чтобы узнать, не против ли она, если я занесу свой телевизор.

Он оказался тяжелее, чем выглядел. Увидев, как я с трудом волочу его, бабушка принялась без конца извиняться. Сказала, что, если бы знала, что он такой тяжелый, спустилась бы помочь. От двери квартиры она несла его вместе со мной. Когда мы наконец водрузили телевизор на тумбочку в гостиной, бабушка уточнила:

— Ты уверена, что он тебе не нужен?

Я посмотрела на бабушкин старый телевизор рядом с тумбочкой.

— Его надо выбросить. Вы же знаете куда?

— Ну конечно знаю. Сколько уже, по-твоему, лет я одна живу?

— Да, вы правы.

— В любом случае спасибо тебе.

Установив телевизор, мы с бабушкой сели на диван и, попивая цитрусовый чай, принялись смотреть документальный фильм про гепардов.

Бабушка временами клевала носом, но потом снова просыпалась и смотрела на экран. Отказавшись от предложения поесть перед уходом, я стала собираться домой. Я не хотела, чтобы мы завели привычку каждую неделю есть вместе.

— Я бы хотела попросить вас кое о чем перед уходом.

— Да, что такое?

— Фотография прабабушки, которую вы мне показывали в прошлый раз… Она у вас одна?

— Да, одна. Это единственный мамин снимок.

— Можно мне сфотографировать ее на свой телефон?

Я думала, что моя просьба может не понравиться бабушке, но она, наоборот, с радостью поспешила в кладовку и вернулась с фотоальбомом в руках.

Я внимательно всмотрелась в лицо так похожей на меня прабабушки. Легкая улыбка, шаловливое выражение лица. Оно исходило не от губ, а из глаз. Только спустя некоторое время я заметила женщину, сидящую рядом с прабабушкой. С первого взгляда казалось, что обе они сидят прямо, но, присмотревшись повнимательнее, я обнаружила, что женщина сидит немного повернувшись в сторону прабабушки. Ее ладонь

лежит на руках прабабушки, сложенных на юбке. Женщина была худощавой, с миловидными чертами лица.

— Кто это?

— Это тетушка Сэби.

— Жена дядюшки Сэби?

— Да.

— Они были подругами?

Бабушка внимательно посмотрела на меня и кивнула:

— Не просто подругами.

— Да? А кем?

Я собиралась только сфотографировать снимок и пойти домой, но почему-то продолжала задавать бабушке вопросы.

— Когда мама переехала в Кэсон, у нее не было друзей. Ей было одиноко.

Прошло совсем немного времени, прежде чем людям в Кэсоне стало известно, что прабабушка — дочь мясника. Тайное всегда становится явным. Прадед нашел работу на мельнице у друга дяди. Разумеется, этому человеку было известно о происхождении прабабушки.

Прадедушка был наивным человеком. Он верил, что люди поймут его, — ведь он сделал то, что считал правильным. Но сколько бы он ни

твердил, что, если бы он не увез девушку с собой, ее бы забрали японские солдаты, никто не хотел ему верить. Люди не желали относиться хорошо к человеку, который вопреки воле родителей безрассудно женился на дочери мясника.

— И все же отцу повезло, он был мужчиной. Как минимум люди не шептались прямо при нем.

Когда обнаружилась правда о происхождении прабабушки, по округе еще долго ходили пересуды. В конце концов народ пришел к выводу, что после замужества со знатным человеком она тоже стала знатной особой, но ярлык дочери мясника навсегда остался с ней. Люди не вели себя с ней так же пренебрежительно, как на родине. Все-таки жена достойного господина.

Но они ее избегали. Все разговоры стихали при ее приближении, люди не допускали прабабушку в свой круг. Когда она здоровалась, они отворачивались. Никто больше не угрожал ей физически, но ей было так же больно, как и в прошлые времена. Сидя на каменных ступеньках перед домом, она безучастно смотрела на солнечные лучи, падающие во двор.

Матушка всегда учила ее, что в жизни нужно уметь смириться, отказаться от надежд и ожиданий и сделать шаг назад. Ждать чего-то от жизни?

Это даже не роскошь, а опасное занятие. Зачем они так обращаются со мной? Почему такое происходит со мной? Я ведь ни в чем не виновата, за что они ранят меня? Почему мой муж умер, не получив никакого лечения? Почему никто не может разделить мою боль и поплакать вместе со мной? Вместо того чтобы мучить и изъедать себя, надо вырывать из головы, как сорняки, ростки таких вопросов, не давать ничему оценки, не сопротивляться. Она говорила, что это и есть жизнь. Сидя на каменных ступеньках, она пыталась размышлять именно так.

«Сегодня меня избили по пути домой. Да, было такое.

Мой муж умер от неизвестной болезни. Да, все было именно так.

Я грустила в одиночестве. Это правда.

Люди говорят, что я приношу неудачу. Верно, говорят такое.

Я бросила больную матушку. Да, это так.

Я не смогла предать ее земле. Все правда.

Люди в Кэсоне не желают принимать меня. Так и есть. Так было всегда».

Она пыталась думать, как учила матушка, но это, наоборот, только злило ее. У нее был особый дар: ни в коем случае не обманывать саму себя.

Видеть несправедливое несправедливым, грустное грустным, чувствовать одиночество и знать, что это именно оно.

«Да, люди в Кэсоне не желают принимать меня. Так и есть», — подумала она и, зажмурившись, крепко сжала кулаки.

«Я все еще не могу привыкнуть к косым взглядам тех, кто презирает меня за то, что я дочь мясника. Они все еще причиняют мне боль. Мне обидно. Я злюсь. Мне одиноко. Я хочу, чтобы все изменилось. Я не прошу, чтобы люди приняли меня, лишь бы они просто перестали меня презирать. Хотя нет. Я хочу, чтобы люди приняли меня».

В ее душе оставались ростки надежды. Как бы она ни пыталась их вырвать, они прорастали снова и снова, как сорняки. Она не могла изничтожить надежду, которая вела ее за собой. А она шла следом за ней даже сквозь самые колючие заросли. Ее мать была права: решение дочери не гарантировало безопасную жизнь. Как можно было последовать за незнакомым мужчиной и отправиться на поезде до самого Кэсона? Хоть кто-то еще способен на такой безрассудный поступок? Насколько же сильно она страдала, как душили ее презрение людей и неспособность

отказаться от надежд?

В доме, где они поселились, жили хозяин, которому было уже за шестьдесят, семья с годовалым ребенком и еще одна семья с четырьмя детьми. Когда прабабушка с прадедушкой только заехали в новый дом, все приняли их радушно. Это было до того, как они узнали, что прабабушка — дочь мясника и молодожены сыграли свадьбу без благословения родителей. Прабабушка была удивлена такому радушному приему совершенно незнакомых людей. Выяснив, что у них нет одеял, соседка одолжила им свои. Даже соседские дети весело играли с ней.

Прабабушка всегда боялась детей. При виде толпы весело галдящих ребятишек ей хотелось развернуться и убежать. Но после того как она стала женой знатного человека, дети стали улыбаться ей. Они называли ее тетушкой Самчхон, хватали за подол юбки и бегали хвостом, приставая с пытливыми вопросами.

Однажды она вернулась домой после стирки, и один из соседских ребятишек привязался с просьбой поиграть с ним. Это был милый малыш лет четырех. Она, как обычно, сделала вид, что хочет поймать его, и мальчик начал убегать, заливаясь смехом. В этот момент откуда-то выскочила его

мать.

— Ты что творишь? — зло выкрикнула она и увела ребенка в дом.

Это выглядело странно. Ведь соседка раньше себя так никогда не вела. А вечером она появилась у них на пороге, требуя немедленно вернуть одеяла. Хотя еще недавно решительно отказывалась забирать их, когда прабабушка, купив себе новые, предлагала вернуть то, что взяла на время. На этом все и закончилось.

В церкви, куда водил ее прадед, все было точно так же. История о том, что благочестивый Павел — именно таким было католическое имя прадеда — помешался на некрещеной девушке и отвернулся из-за нее от собственной семьи и родины, быстро разлетелась среди прихожан. В мгновение ока прабабушка стала грешницей, которая охмурила наивного парня. Правда никого не интересовала. Самый тяжелый грех, который только существует в этом мире, — родиться женщиной. Тогда прабабушка поняла эту истину.

Когда прадедушка уходил на мельницу, она тоже не сидела без дела. Прабабушка ходила стирать к ручью, плела ткань, топила печку, гладила одежду, крахмалила ее и снова гладила. Она колола дрова, мыла посуду, делала разные закуски из

съедобных трав, ходила на рынок за продуктами, мариновала кимчи из редьки и зеленого лука. Вставая по утрам, она готовила еду и собирала ее с собой на работу для мужа.

Никто не говорил ей прямо, но, догадавшись, что остальным семьям неприятно пользоваться с ней одной кухней, она стала подниматься на час раньше. Прадед возвращался с работы поздно, и она могла готовить на кухне после того, как поужинают остальные. На заднем дворе было немного свободной земли, и она разбила там небольшой огород. Дел было много, но время тянулось ужасно медленно.

Зимой их навестил старший брат прадедушки. Он не ответил на ее приветствие. Брат мужа выглядел злым, словно его насильно заставили приехать к ним в гости. У него были узкие губы, и казалось, будто он специально презрительно поджимает их.

Прабабушка достала минтай, который хранила для особого случая, и потушила его с редькой. С трудом наскребла белого риса из чана так, чтобы хватило на двоих мужчин, и наложила в чашки. Составив все тарелки на поднос, она собралась было выйти из кухни, но в дверях встал семилетний сын соседей. На его лице возникло хорошо

знакомое прабабушке выражение. Враждебность, смешанная с удовлетворением. Мальчик широко раскинул руки, преграждая ей дорогу.

— Отойди, — попросила она, но ребенок резко подскочил к ней и выбил из рук поднос. Одна чашка разбилась, а вторая хоть и осталась целой, но рис рассыпался по полу. Все произошло так быстро, что она не успела ничего сделать. Из комнаты послышался голос мужа, требующий еды, и она решила хотя бы составить обратно на поднос тарелки с рыбой и закусками.

— А где рис? — осведомился прадед.

— Я несла поднос, но соседский ребенок решил пошутить… Чашки разбились, и рис весь высыпался на пол…

— Ко мне брат приехал, а ты предлагаешь нам ужин без риса?

— Там осталось немного ячменной крупы, пока вы беседуете, я быстренько приготовлю.

В этот момент деверь резко поднялся из-за стола.

— Брат, — произнес прадед, уже понимая, что сейчас произойдет.

— Думаешь, я приехал тебя навестить, чтобы со мной так обращались? Что это за жена такая, если не может чашку риса гостю подать? К тебе стар-

ший брат приехал, а она смеет себя так вести!

Деверь накинул на плечи куртку и направился к выходу.

— Успокойся, брат, не надо так. Она просто ошиблась, она не специально. — Пытаясь остановить его, он махнул прабабушке рукой, чтобы она поторопилась за рисом.

Прабабушка побежала на кухню и второпях наступила ногой на осколки разбитой плошки. Ступню обожгло острой болью, но она стерпела. Пока она второпях промывала крупу, с улицы послышался шум. Она вышла во двор и увидела, что деверь с вещами уже выходит из дома. День был таким холодным, что виски сковало от мороза. Она даже не успела попросить его остаться еще ненадолго и лишь смотрела на удаляющуюся мужскую фигуру.

Сделав вид, что ничего не видела, она принялась варить ячменную крупу на две персоны. Рана на ноге хоть и выглядела небольшой, но оказалась глубокой. Она остановила кровотечение, обмотав ногу кусочком ткани, и снова натянула носки. Ее сердце разрывалось от боли, когда она посмотрела на рассыпанный по полу белый рис, который они не могли себе позволить, но она аккуратно смела его в совок и выбросила в ведро

для удобрений. Наложив ячменную кашу в миски, она пошла назад в комнату. Прадед выглядел злым. Воздух звенел от напряжения. Это был один из тех моментов, которые ей предстояло переживать теперь чуть ли не каждый день. Моментов, когда муж был зол по неизвестной причине, и ей приходилось только догадываться, что же могло довести его до такого состояния.

— Я приготовила все заново. Вот, поешьте вместе с закусками.

Не произнеся ни слова в ответ, он взял ложку и начал есть. Она тоже взяла ложку.

Так, жуя ячменную крупу в тишине, она впервые в жизни осознала, что такое безнадежность. Раненую ступню жгла боль, но какой смысл говорить об этом мужу? Чего можно ожидать от человека, который, прекрасно видя, что ее носок насквозь пропитан кровью, не удосужился поинтересоваться, не больно ли ей? Не стоило и ждать, что он спросит, почему она просыпала рис и что такого натворил соседский мальчишка. Ведь это был человек, который ничего не сказал, даже когда услышал о смерти тещи. «Мужу плевать на мою боль, — думала она. — Я ни капельки не интересую его. Но почему? Почему он сказал тогда, что не может просто смотреть на то, как

меня забирают солдаты?» Это осталось для нее загадкой на всю до конца жизни.

Ей было невдомек, насколько сильно у некоторых людей развито тщеславие.

Прадед вырос на историях о католических мучениках. Истории о том, как они старались защитить свою любовь к Господу даже ценой собственной жизни, отказавшись от всего, что имели, сильно повлияли на него. Познакомившись с прабабушкой, увидев, как она живет, он с самого начала готовился отказаться от всего ради нее. «Я пожертвую всем, чтобы спасти тебя», — так он думал про себя.

В результате он прожил всю жизнь, мучаясь от обиды, злости и угрызений совести. Покидая родительский дом, он еще не понимал, что не является кем-то великим или выдающимся. Хотя нет, этого он так и не понял до конца своей жизни. Он так и не осознал, как остро он реагирует на малейшие неудобства и как мелочна его натура. Он думал, что смел настолько, чтобы отказаться от родителей, но выяснилось, что он всего лишь поддался внезапному порыву. Порыву уехать. Теперь же он был уверен, что это жена отняла у него достойную жизнь, которой он мог бы спокойно наслаждаться.

После приезда в Кэсон он начал изнывать от тоски по дому. Он скучал по братьям и сестрам, по матери с отцом, думал о друзьях, которых оставил на родине. Кэсон, издалека казавшийся ему городом мечты, предстал слишком шумным и суетливым, его душа не лежала к этому месту. Арендованная комната, которую они нашли с таким трудом, больше походила на загон для скота. Он даже просыпался по нескольку раз за ночь от тоски по родному дому с просторным двором и колодцем. Если бы он женился на девушке, которую подобрали ему родители, до сих пор жил бы в том замечательном месте и наслаждался комфортом и уютом… Жена обязана была возместить ему все, что он потерял. Но она почему-то не понимала, чего он ждет от нее. «Разве она не должна хотя бы выказывать мне свою благодарность? Разве положено женщине вести себя так холодно и грубо?» — возмущался он про себя.

Не то чтобы он не испытывал к жене привязанности. Честно говоря, он даже немного завидовал и боялся ее уверенности и стойкости, которыми не обладал сам. Он предчувствовал, что она может отнять у него даже тот небольшой авторитет, который имелся у него на правах мужа, и беспокоился, что она втихомолку насмехается над ним.

«Я бросил все ради того, чтобы помочь тебе, так почему же ты не ведешь себя соответственно и не подстраиваешься под мои нужды?» — удивлялся он, чувствуя себя обманутым. Но жена, казалось, была сосредоточена только на своих делах. И вела себя так, словно с самого рождения принадлежала к знатному роду. Хотя на самом деле являлась всего лишь презренной дочерью мясника.

Он пытался гнать подобные мысли прочь, но ничего не мог с собой поделать. Он сетовал, что она не знает, как обращаться с мужем, потому что не получила должного воспитания. Глядя на ее всегда высоко поднятую голову, он испытывал смутное чувство злости. Хотя и не хотел признавать, что злится именно по этому поводу.

— А когда прабабушка встретила тетушку Сэби?

— Маме в тот год было девятнадцать. Она была беременна мной, когда тетушке и дядюшке Сэби пришлось перебраться в Кэсон.

Японские ростовщики отняли почти всю землю у их семьи. В доме было три сына, и в этой ситуации младшему из них, дядюшке Сэби, не оставалось больше места, чтобы заниматься земледелием вместе с родными.

Впервые увидев прибывшего в Кэсон дядюшку

Сэби, прабабушка испугалась. Он исхудал до неузнаваемости и дрожал от холода. Маленькая, словно воробушек, его супруга выглядела и того хуже. Ее веки были темными, на потрескавшихся губах запеклась кровь, а в уголках рта виднелись белые пузырьки. Прабабушка заметила, что тетушка Сэби вздрагивает и пугается от каждого резкого слова, как будто ее сейчас кто-то ударит.

В этот момент прабабушка почувствовала, как закипает от гнева. То, что у дядюшки Сэби, у которого она была в вечном долгу, отняли землю и вынудили его против воли отправиться в Кэсон, вызвало у нее не грусть, а настоящую ярость. На его лице отпечатались следы бедности и голода, а одежда была слишком тонкой для местной холодной зимы. Прабабушка пошла на кухню и принесла измученным гостям вареного батата. Дядюшка Сэби из вежливости просто убрал его в карман, но тетушка Сэби опустилась на каменные ступеньки и начала жадно есть. Как же много ей приходилось работать, если ее маленькие ручки, судорожно сжимающие батат, выглядели совсем как старушечьи? Лицо тетушки Сэби тогда будто не выражало никаких эмоций и чувств.

Супруги нашли себе комнату в пяти минутах ходьбы от дома, где снимали жилье прабабушка

с прадедом. Тетушка Сэби после долгого голода и сильного напряжения, которое не покидало ее всю дорогу в поезде, на несколько дней слегла с болезнью. Когда дядюшка Сэби отправился обходить округу в поисках работы, прабабушка сварила кашу и пошла к его жене. Она сложила съестные припасы в шкаф, а потом, хорошенько остудив кашу, добавила кимчи и накормила ею тетушку Сэби.

— Вкусно, — с улыбкой прошептала тетушка Сэби.

Прабабушка чуть не расплакалась. С одной стороны, у нее болело сердце за эту щуплую восемнадцатилетнюю девушку, на долю которой выпало столько трудностей, но, с другой, она уже предчувствовала, как вскоре эта улыбка сменится холодным выражением лица, отвергающим ее. Ждать того момента, когда тебя отвергнут, — очень грустное и неприятное дело. Лучше первой взять инициативу в свои руки.

— А вы знаете?

— Что?

— Что мой батюшка мясником был.

Тетушка Сэби растерянно хлопала глазами. По ее лицу было видно, что она не понимает, о чем идет речь.

— А… Я слышала, что вы настрадались, когда ваш батюшка скончался и вам пришлось самой зарабатывать на пропитание, да еще заботиться о матушке, — сказала тетушка Сэби. Лицо ее излучало простодушие, в уголках губ оставались следы от бульона с кимчи. — Тяжко вам пришлось, тяжко.

Не зная, что на это ответить, прабабушка просто сидела молча, до боли закусив губу и сдерживая слезы.

— Очень вкусно, — снова повторила тетушка Сэби.

Впервые кто-то сказал прабабушке, что ее стряпня вкусная. Ей было тяжело долго смотреть на это по-детски простодушное личико, но Сэби уже навсегда поселилась в ее сердце. От этого ей казалось, что из груди вот-вот рекой польются и радость, и печаль, и жалость. Она не хотела идти по жизни с новой раной в сердце.

Прабабушка еще даже почти не знала тетушку Сэби, но уже страшно боялась потерять ее. Казалось, она не сможет дышать, если когда-нибудь тетушка Сэби отвернется от нее, если она не сможет больше увидеть это озаренное радостью личико, если тетушка Сэби разочаруется в ней и посмотрит на нее с презрением и безразличием.

«Все люди одинаковы, — прозвучал у нее в душе голос матушки, — не надо на них надеяться».

«Матушка, я не надеюсь на людей, — подумала прабабушка. — Я надеюсь на нее, на мою Сэби».

С некоторых пор прабабушка стала про себя вести беседы с матушкой. Оставаясь дома одна, она даже иногда разговаривала с ней вслух. В то время ей было настолько одиноко, что хотелось пообщаться с кем-нибудь хотя бы так.

«Эта твоя Сэби. Чем она отличается от других? Я переживаю, что тебе опять будет больно. Не верь сладким словам, ни за что не верь», — предупреждала матушка.

«Это не из-за слов, матушка. Просто Сэби — другая», — отвечала прабабушка.

Дядюшка Сэби устроился работать на фабрику по окрашиванию военной формы. Его порекомендовал туда дядя прадеда. Работа была тяжелой, но благодаря ей он мог прокормить двоих. Говорили, что подобное место невозможно получить без связей. В тот год случилось сильное наводнение, и все, кто работал на земле, повалили в поисках работы в Кэсон. На полях народ умирал от голода,

но спрос на тток[12] среди зажиточных людей был необычайно высок. На мельнице не хватало рук, и прабабушка тоже стала работать там вместе с мужем.

— А для меня там не найдется местечка? — както спросила у нее тетушка Сэби. — Я могу все что угодно делать. Руки у меня крепкие, могу и тток лепить.

— Тебе надо много есть и набрать хоть немного веса, Сэби, — сказала прабабушка.

В ее глазах тетушка Сэби выглядела слишком худой и слабой. Она была маленькой, как птичка, а ее руки, скрещенные на груди, походили на веточки дерева. К тому же она постоянно спотыкалась, даже если на земле перед ней не было ни единого камешка, и клевала носом сразу после еды.

— У тебя же совсем силенок нет, и как ты только в поле работала!

— Я хоть и выгляжу так, а перцы шустро собираю и грядки быстро полю. И вообще я все споро делаю.

---

[12] Примечания: 12

Брусочки из клейкого риса или рисовой муки. Рис для тттока отбивают деревянными колотушками, традиционно эта работа считалась исключительно мужской, так как связана с тяжелым физическим трудом. А сам тток лепили уже женщины.

— Ну-ну, и привирать умеешь.

— Нет, Самчхон, я серьезно. Просто мы целый год голодали — вот от меня и остались одни кости. Силы будто покинули меня… Раньше я такой не была.

Прабабушка хотела было что-то ответить, но горло сдавило, и слова не выходили наружу.

— Но мы же недолго страдали. Вот приехали сюда и теперь хорошо питаемся.

— Сэби!

— Что?

— Впредь я не позволю тебе голодать. Тебе больше никогда не придется голодать. Я замолвлю за тебя словечко на мельнице, а ты пока за своим здоровьем лучше следи.

— Не переживай, — успокоила ее тетушка Сэби и рассмеялась.

Бабушка перевела дыхание и залпом допила остатки цитрусового чая.

— Мне же сон тут приснился. Видимо, потому, что я тебе все это рассказывала.

Заламывая руки, бабушка продолжила:

— Лежу я, значит, в своей комнате, дрожу от холода, кашляю, и вдруг заходит мама.

— Прабабушка?

— Ну да. Примерно в том возрасте, когда была

сделана фотография. И говорит: «Ёнок, ты что, простудилась? Дай-ка мне свои руки».

С этими словами бабушка протянула одну руку ко мне.

— Перед смертью маме все время было холодно. Она так мерзла, что даже летом носила теплые носки, а зимой и вовсе ходила по дому в стеганой телогрейке и в перчатках. И все равно твердила, что ей холодно. Руки и ноги были ледяные. Но во сне я протянула ей руку, и, господи… какая же теплая и мягкая у нее была ладонь!

— Наверное, это не ощущалось как сон.

— Да, — бабушка посмотрела на меня с улыбкой, — это было как наяву.

4

Целый день шел весенний дождь. По пути домой с работы я узнала о рецидиве рака молочной железы у мамы.

Впервые заболевание у нее обнаружили в 2012 году. Диагноз поставили на ранней стадии, так что мама перенесла операцию по удалению опухоли и прошла лучевую терапию. У нее было мало друзей, поэтому в больнице ее почти никто не навещал, не пришла даже ее собственная мать. Когда я поинтересовалась, в курсе ли бабушка, что ее дочери сделали операцию, мама напомнила, что они уже давно не общаются, и быстро перевела разговор на другую тему. С тех пор прошло пять лет, маме предстояло перенести повторную операцию, но только сейчас я поняла, что, наверное, на ее месте поступила бы точно так же.

Операцию назначили на утро пятницы, и я, взяв на работе выходной, поехала в Сеул. Мы с ней почти не разговаривали. Вся наша беседа закончилась на том, что я поинтересовалась, не больно ли ей, а она ответила, что все в порядке. К моему удивлению, сегодня мама почему-то не

беспокоилась, чем там питается дома папа.

«Чего это ты не переживаешь о папином режиме питания?» — хотелось съязвить мне, но, глядя на маму, которой в это время вливали кровь через капельницу, я возненавидела саму себя. И еще возненавидела маму, которая своим холодным обращением вызывала у меня желание уколоть ее. «Ненавижу, ненавижу, все ненавижу», — подумала я и возненавидела еще и бабушку за то, что она не сделала первый шаг навстречу собственной дочери, какими бы ни были обстоятельства.

Лежа без дела на койке для опекуна, я вдруг импульсивно бросила:

— А я ходила в гости к бабушке.

— Понятно, — без энтузиазма откликнулась мама.

— Она наготовила разного. Мы ели жареную камбалу, морскую капусту и кимчи из редьки, а потом еще торт.

— Ясно.

— Ты знала, что бабушке оперировали катаракту?

— Нет.

— У нее в квартире телевизор был ужасный. Экран весь дрожал. Так что я отдала ей свой.

— Молодец.

— Еще рассказала ей, что развелась.

— Да?

— Бабушка сказала, я умница.

— Она же не знакома с зятем.

— В смысле?

— Она не чувствует к нему привязанности.

— Значит, ты была настолько к нему привязана, что защищаешь его, хотя это он мне изменил?

— Почему ты вечно выворачиваешь чужие слова?

Я подскочила с кровати и вышла из палаты. Казалось, если я пробуду рядом с мамой еще немного, с губ сорвутся слишком резкие слова. Выйдя из больницы, я сделала круг по университетскому городку. В голове всплыл совет Чиу о том, что нужно пытаться правильно дышать, когда злишься или грустишь. Я села на скамейку и попыталась сосредоточиться на дыхании. Вдох-выдох. Но это не помогло остановить слезы, и через несколько секунд я разрыдалась, закрыв лицо руками.

Поздним вечером в воскресенье я удостоверилась, что мама спит, и подменилась с сиделкой. Мы договорились, что я буду ухаживать за мамой на выходных, а сиделка — в течение недели. Возвращаясь ночью в Хвирён, я изо всех сил ста-

ралась не чувствовать вину оттого, что не могу присматривать за мамой в больнице все время.

Через несколько дней я случайно столкнулась с бабушкой в супермаркете. Усадив ее в свою машину, я, вместо того чтобы отправиться сразу домой, проехала круг по центру города. Бабушка открыла окно и подставила лицо теплому весеннему ветерку. Ее короткие волосы развевались. Цветы на набережной цвели во всю силу. По радио звучала песня Чу Хёнми. В ночном воздухе витал еле уловимый цветочный аромат. Прекрасный весенний вечер с приятным ветерком. Бабушка мычала мотив песни с закрытым ртом.

— Ух ты, вот и на машине покаталась благодаря внучке, — заметила она умиротворенным голосом.

Я порадовалась, что она ничего не знает о маминой ситуации.

— Вы же ничем не больны? — спросила я.

Бабушка громко рассмеялась.

— Да я каждый день таблетки горстями пью. Но с тобой, Чиён, я не собираюсь об этом говорить. Это же так скучно! Состариться и жаловаться внучке на свои болячки — я так не хочу. Отказываюсь быть такой бабушкой. Я буду говорить с тобой только об интересных вещах.

Мне было не смешно, но я посмеялась вместе с ней. Даже в этот момент я не могла избавиться от беспокойства о маме. Мне не хотелось сразу идти домой, и бабушка предложила:

— Хочешь цитрусового чая?

Бабушка достала из холодильника банку с вареньем из цитрона и поставила чайник на газовую плиту. Потом предложила мне осмотреться, пока кипятится чай, и добавила, что я могу заглядывать куда хочу. Я зашла в комнату, где хранились фотоальбомы. Одна из лампочек на потолке перегорела, и внутри было сумрачно даже после того, как я зажгла свет. У одной стены стояли полки, на которых лежали несколько фотоальбомов, книги, коробки с печеньем, плюшевый медвежонок, толпились банки с консервированными фруктами. С другой стороны возвышался стенной шкаф, одна его дверца была приоткрыта, и я увидела, что находится внутри. Там стояли в ряд две коробки, а сверху — стопки свитеров и разной зимней одежды.

— Надо бы навести здесь порядок, все никак не доберусь.

Бабушка появилась в дверях и протянула мне кружку с цитрусовым чаем. Он оказался горячим и сладким.

— Подруги велят мне выбросить это все, но я не могу, — сказала бабушка, указывая на коробки. — Говорят, что никто не хранит такой хлам.

— А что это?

— Старые письма. Есть адресованные мне, а есть мамины. Даже когда мы жили в маленьком доме, мама так бережно хранила их. Она обращалась с ними как с драгоценным кувшином, в котором хранится дух предков. Не могла же я просто выбросить их в макулатуру после ее смерти. Когда я читала мамины письма, у меня всегда появлялось ощущение, что она жива. Как такое выбросишь? Хоть и не могу теперь читать, но все равно храню.

— Вам очень тяжело читать?

— Опять я прибедняюсь. Ну я же плохо вижу. А письма еще хуже, чем книги. Бумага и чернила сильно выцвели, так что мне не разглядеть даже с лупой. Расплывается все…

— Хотите, я вам почитаю?

— Что ты, не надо! — замахала бабушка руками. — Тебе же завтра на работу.

— Вам будет неудобно, если я вам почитаю?

— Да нет, не в этом дело. Просто если ты постоянно станешь делать что-то для меня, мне нечего будет дать тебе взамен — нехорошо получится.

— Но вы ведь рассказываете мне истории.

— Это тебе спасибо, что слушаешь.

— Ну нет.

В этот момент я почувствовала что-то похожее на обиду и даже сама удивилась. Мы виделись всего несколько раз, откуда такая сентиментальность? В комнате повисла тишина, и я попыталась избавиться от неловкости:

— Расскажите мне еще о тетушке Сэби. Ее взяли работать на мельницу?

— А как же! Сначала ее взяли на замену, потому что мама родила ребенка, а потом она и вовсе прижилась там — очень уж ловко руками орудовала.

— Этот ребенок…

— Да, у нее родилась я. Это было в тридцать девятом году.

Бабушка улыбнулась.

Роды оказались очень тяжелыми, они заняли целые сутки, и, когда ребенок уже появился, у прабабушки продолжала идти кровь. Но даже после остановки кровотечения она не могла подняться с кровати. Вся еда почему-то казалась ей тошнотворной, она не могла заставить себя проглотить даже водянистый бульон.

От страха, что подруга может умереть, тетушка

Сэби плакала, обливаясь холодным потом. Она осознала, насколько сильно полагалась на нее все это время, какими отчаянными были их чувства друг к другу.

«Только бы она осталась в живых, — молила тетушка Сэби небеса. — Если моя Самчхон останется в живых, я стану жить так праведно, что меня не в чем будет упрекнуть».

Тетушка Сэби зачерпнула плошку риса с горкой и отправилась к прабабушке. Та не могла ничего проглотить, и тетушка Сэби велела ей жевать рис и выплевывать в тарелку. Прабабушка послушалась. Она прожевала рис и выплюнула, потом повторила снова. Через несколько дней к ней понемногу стали возвращаться силы. Она не могла глотать твердую пищу, но сок от пережеванного риса попадал в желудок. Вскоре она перешла на водянистый бульон, потом на более густой рисовый отвар, а потом и на кашу. Так прабабушка выжила.

Только тогда ее взгляд обратился к дочери. Красное личико и крошечное тельце. Представив, что этой крошке придется выживать в жестоком мире, прабабушка почувствовала, как грудь словно сдавило тисками, к глазам подступили слезы. На душе стало тоскливо.

Люди говорили, что после рождения ребенка женщина сразу ощущает к нему безусловную любовь. Но прошло уже больше ста дней, а прабабушка не испытывала к младенцу особых эмоций и, жутко стыдясь этого, не могла ни с кем поделиться своими переживаниями. Притворяясь, что души не чает в новорожденной малышке, она боялась самой себя. Оставаясь наедине с дочерью, прабабушка с неприязнью разглядывала ее личико. В такие моменты она казалась самой себе сумасшедшей.

«Ты мерзавка, бросившая родную матушку, — шептала она про себя. — Родную мать бросила, куда тебе полюбить дитя, гадкая девчонка».

Новорожденная дочь оказалась кроткой и спокойной; когда ей исполнилось сто дней, она перестала то и дело просыпаться, могла даже проспать всю ночь напролет. Малышка не требовала еды и не капризничала, даже когда у нее пошли первые зубы. Прабабушке казалось, ребенок чутьем понимает, что никто в семье ей не рад. То, что первенцем родилась дочь, стало для мужа огромным разочарованием. Вот дочь по одежке и протягивала ножки. Прабабушка опасалась, что ребенок не может даже заплакать во всю силу, поскольку чувствует обстановку всем своим ма-

леньким тельцем и сердечком. Из этого страха и зародилась ее любовь к дочери. Однажды она обнаружила, что улыбается, встретившись глазами с малышкой, и поняла, что очень дорожит ею. Пусть это и не было инстинктивной безоговорочной любовью, о которой твердят люди.

Пока прабабушка восстанавливалась после родов, тетушка Сэби трудилась на мельнице вместо нее. Работа заключалась в том, чтобы сметать и собирать рассыпанные по полу зерна риса.

Супруги Сэби отлично ладили. Старейшины деревни когда-то нечаянно сосватали их во время пирушки с макколли[13], и молодые сразу приглянулись друг другу. Первый год после свадьбы они жили неплохо, но на второй год японцы отняли у местных почти всю землю, и супругам долгое время приходилось жить впроголодь. У матери дядюшки Сэби был злой язык. «Баба в дом должна прийти достойная, а пусти одну непутевую — и всей семье беда», — приговаривала она нарочно, да так, чтобы слышала невестка.

«Неужели это правда?» — размышляла тетушка Сэби, тихо забившись в угол. Неужели это из-за меня семейное благополучие пошло прахом?

---

[13] Примечания: 13

Традиционный корейский алкогольный напиток, приготовленный из ферментированного риса, напоминающий брагу.

Что, если и вправду все так сложилось из-за моего прихода в эту семью? Свекровь раз за разом твердила одно и то же, и ей самой вдруг стало казаться, что в этих словах есть смысл. Однажды свекровь, как обычно, накинулась на невестку с упреками, не заметив, что сын стоит позади нее. В тот день дядюшка Сэби впервые в жизни повысил голос на мать. Он заявил, что если еще раз услышит, как мать так разговаривает с его женой, то больше она его никогда не увидит.

— Дядюшка и тетушка Сэби вели себя друг с другом как друзья, он не требовал к себе особых почестей. Думаю, он в принципе был таким человеком. Никогда, ни при каких обстоятельствах не хотел ставить себя выше других или командовать кем-то. В то время даже самые просвещенные люди были уверены, что муж должен стоять выше жены, чтобы не потерять уважение, но дядюшка Сэби был не таким. Так он показывал свое упрямство.

Дядюшка Сэби недолго проработал на красильной фабрике. Токсичные испарения плохо повлияли на его и без того слабые легкие. Из-за острых приступов астмы он был вынужден уволиться и заняться здоровьем. Тетушке Сэби пришлось стать единственным кормильцем в се-

мье, и, помимо работы на мельнице, она занялась подработкой — вытягивала нейлоновые нити из бумажных мешков с цементом, которыми они были прошиты. Примерно в то же время старший брат дядюшки Сэби увлекся азартными играми и проиграл последнюю принадлежавшую им землю. Вся семья теперь работала на то, чтобы выплатить долги, но они только продолжали расти.

Примерно тогда дядюшка Сэби получил весточку от троюродного брата, который нашел работу в Японии. В письме тот рассказывал, что там, где он находится, куча свободных рабочих мест и, поскольку он уже заложил основу, дядюшке Сэби не придется бедствовать по приезде. По его словам, всего за несколько лет Сэби мог заработать столько, что хватило бы на выплату всех долгов, и вернуться на родину.

Дядюшка Сэби, который в поисках постоянной работы перебивался случайными заработками, ухватился за предложение троюродного брата, как за соломинку. Однако у него не хватало смелости попросить жену переплыть через Корейский пролив вместе с ним. Из родного дома в Кэсон, из Кэсона в Японию — он не мог заставить ее снова пройти через такие трудности. Жена только подружилась с тетушкой Самчхон и приспособи-

лась к жизни в Кэсоне. После работы у нее едва оставалось время на сон, но она все равно улучала минутку, чтобы вместе с подругой почистить бобы и нарезать свежей зелени. Женщины вместе заготавливали на зиму кимчи и другие продукты, ходили на базар. Делились друг с другом тем, что наготовили, по очереди присматривали за ребенком. Жена учила тетушку Самчхон корейскому алфавиту и читала ей вслух невесть откуда взявшуюся книгу в мягкой обложке. Дядюшка Сэби никак не хотел снова срывать ее с места, когда она с таким трудом привыкла к жизни в Кэсоне.

— Похоже, тетушка Сэби была счастлива, — заметила я.

— Это точно. Люди вокруг говорили, что такую несчастную судьбу еще поискать, но я так не думаю.

Я воскресила в мыслях образ тетушки Сэби со старого снимка. Не зря меня сразу потянуло к ней. Женщина, которая долго голодала, вытягивала нити из мешков с цементом, собирала зерна риса с пола на мельнице, готовила бульон, чтобы спасти больную подругу. Я всей душой тянулась к этой женщине, которая смотрела в камеру с мягкой улыбкой, положив ладонь на руки той самой подруги.

За разговорами о прабабушке и тетушке Сэби мы с бабушкой почти не касались темы наших собственных жизней. Если бы мы были связаны сложной и плотной сетью любви и привязанности, она бы не смогла так легко рассказывать мне о своей матери. Возможно, ей было проще делиться со мной этой историей именно потому, что мы виделись всего лишь однажды в моем детстве и всю жизнь провели как полнейшие незнакомцы. Но признаюсь, я задумывалась о том, что, если мы продолжим наши беседы, когда-нибудь я смогу услышать и о жизни самой бабушки. Как знать, вдруг я смогу наконец узнать о том, что произошло между ней и мамой и как так вышло, что она не получила приглашения на свадьбу собственной внучки.

— А у Мисон, у твоей мамы, все хорошо? — вдруг спросила бабушка.

Я пристально посмотрела на нее и молча кивнула.

— Она не болеет? До сих пор любит читать книги и писать?

— Писать? Что писать?

Бабушка уставилась на меня непонимающим взглядом.

— Разве она больше не таскает с собой тет-

радки? Не пишет без конца то дневники, то рассказы?

— Не знаю… Мы давно живем отдельно, но, когда я жила дома, такого за ней не водилось.

Бабушка кивнула в ответ, но на ее лице читалось сожаление.

— Я передам маме привет.

— Не надо тебе этого делать. — Ее лицо вдруг окаменело. — Не надо.

— Бабушка!

— Что?

— Я не буду пытаться заставить вас помириться с мамой. Не беспокойтесь.

— Пообещай.

— Обещаю.

Только после этого бабушка немного расслабилась, и я поспешила сменить тему:

— А у тетушки Сэби тоже были дети?

— Да, она родила в сорок втором.

— Через три года после вашего рождения.

— Верно.

Беременность тетушки Сэби проходила тяжело. Она больше не могла ни работать на мельнице, ни вытягивать нити из мешков с цементом. Родные требовали от дядюшки Сэби, чтобы он присылал больше денег на выплату долга. Дядюшка брался

за любую поденную работу, но денег едва хватало на скудное пропитание. Как раз тогда ему снова написал троюродный брат. В письме говорилось, что на фабрике появилось хорошее место и, если дядюшка Сэби согласен приехать, брат поможет ему с обустройством и жильем.

Тетушка Сэби не могла заставить себя смириться с решением мужа. Как он может бросить ее здесь и в одиночку отправиться через Корейский пролив? Она всеми силами пыталась остановить его, но дядюшка Сэби был непреклонен.

Казалось, он был ослеплен этой идеей. Все вокруг пытались отговорить его, но дядюшка Сэби упрямо настаивал на том, что поедет в Японию. Поскольку такое упрямство было не в его характере, окружающие сначала долго удивлялись, а потом пришли к выводу, что у него должна быть какая-то веская причина.

У прабабушки имелся долг перед дядюшкой Сэби. За то, что он помог ей перебраться в Кэсон, за то, что присмотрел за умирающей матерью. Прабабушка велела дядюшке Сэби не волноваться и пообещала глаз не спускать с его беременной жены. Взамен она взяла с него обещание, что тот во что бы то ни стало вернется ровно через два года. Иначе ребенок подрастет и не будет узнавать

своего родного отца.

Прабабушка до последнего была против решения дядюшки Сэби. Мало того, что путь был далекий и ему предстояло сносить невзгоды на чужой земле, так еще и война была в самом разгаре. Она никак не могла взять в толк, как он мог решиться отправиться в Японию, получив всего пару писем от родственника, и неважно, какой сложной была ситуация в семье. К тому же дядюшка Сэби не отличался добрым здоровьем. Прабабушка каждый день приходила к супругам домой, хватала его за руку и умоляла остаться.

— Дядюшка, — так она его называла, — подумайте о Сэби. Неужто вы хотите, чтобы она родила и растила дитё одна в Кэсоне, совсем без семьи?

— Я делаю это ради жены.

— Я знаю, что вы на все пойдете ради нее, но не таким же путем. Дядюшка, вы ведь такой умный, как же вы могли повестись на такое?

— Самчхон, ты же знаешь, в каком положении наша семья сейчас. Тут я зарабатываю гроши — ни долги отдать, ни жену с ребенком прокормить. Она так и будет маяться, а я не могу на это смотреть.

— Дядюшка!

— Так что ты уж побудь рядом с моей Сэби. Я тебе одной доверяю ее, Самчхон.

— Не слушаете вы меня, дядюшка, совсем не слушаете. Ну как же так?

Такие беседы продолжались несколько дней подряд. Наконец осознав, что переубедить дядюшку Сэби не выйдет, прабабушка громко топнула, развернулась и ушла. Подходя к дому, она от ярости даже несколько раз пнула забор. Внутри все кипело, она чувствовала ненависть к благодетелю, которому была обязана по гроб жизни.

В день, когда провожали в путь дядюшку Сэби, прабабушке оставалось только лить слезы и молиться о его благополучии. Она горячо молилась за этого человека, у которого за душой не было ничего, кроме бесполезной веры в людей. В мире, где даже самый ловкий хитрец, как бы осторожно он ни жил, все равно набьет себе шишки, наивному до безрассудства дядюшке Сэби требовалось в сто раз больше удачи. Прабабушка поклялась ему, что будет заботиться о его жене и будущем ребенке. В тот день тетушка Сэби так и не вышла из комнаты. Она отказалась провожать мужа.

Тетушка Сэби сняла комнату в одном доме с прабабушкой. Она сворачивалась клубочком в уг-

лу, и пол комнатушки казался ей морской гладью. Словно она плывет на лодке посреди бескрайнего бушующего моря. Глотая слезы, тетушка Сэби тосковала по своему мужу, который на пароме пересекал Корейский пролив. Она горько раскаивалась в том, что поддалась минутному порыву и отказалась выйти проводить его в дальний путь. Ах, если бы ее беременность не была такой тяжелой, если бы у мужа не случилось астмы, нет, если бы изначально он не пошел работать на ту красильную фабрику. Тетушка Сэби неустанно перебирала в голове множество причин, но изменить уже было ничего нельзя. Она так никогда и не приняла решение мужа уехать.

— Никто не знает, что дядюшке Сэби пришлось пережить в Японии. Он тщательно скрывал это, — вздохнула бабушка и некоторое время просто смотрела в пол с безучастным выражением лица.

Казалось, она впала в рассеянность, забыв, что рядом с ней есть кто-то еще. Я поинтересовалась, не сохранилось ли у нее фотографий дядюшки Сэби, и бабушка покачала головой:

— Был рисунок, сделанный тетушкой Сэби. Она нарисовала его карандашом, не очень умело, но с первого взгляда было понятно, что это он.

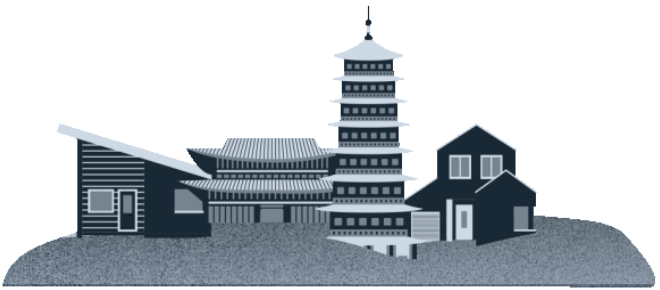
Рисунок тоже пропал, но… Благодаря тому, что ты меня слушаешь, кажется, что жизнь дядюшки Сэби продолжается. Хотя бы на время нашего разговора.

Я кивнула. Потому что тоже легко могла представить себе лицо дядюшки Сэби, хоть и не видела его ни разу в жизни. Высокий, с длинной шеей… Я так и видела перед собой парня лет двадцати, намного моложе меня сейчас; парня, который безропотно идет в дом незнакомого мясника, чтобы ухаживать за больной старухой; который не хочет никем командовать, носит жену на руках, а потом в одиночку отправляется в Японию. Этот образ не отражал его целиком, но таким он запомнился мне — человеку, который родился уже после его смерти.

Но разве это все имеет значение? Я не знала, есть ли смысл в том, что люди помнят друг друга, и зачем помнить того, кто ненадолго задержался в этом мире, прежде чем исчезнуть навсегда. Хочу ли я, чтобы помнили меня? Каждый раз, когда я задавала себе этот вопрос, ответ напрашивался один: нет, не хочу. Вне зависимости от моего желания, таков конечный исход человеческой жизни. Земля закончит свой век, пройдет еще много-много времени, энтропия достигнет

максимума, и тогда само время исчезнет. Человеческий род позабудет сам факт своего краткого существования в этой Вселенной. А Вселенная станет местом, лишенным способности хранить память о людях. Это и есть наш конечный исход.

Часть вторая



5

Мама считала, что у меня есть все, чего только можно желать. По ее мнению, у меня имелся целый ряд привилегий: родители с обеспеченной старостью, хороший муж и возможность заниматься любимым делом. Она была права. Удача в моей жизни била ключом.

Поскольку я была в курсе, что обладаю привилегиями, мне следовало молчать. Молчать об одиночестве, что я ощущала, будучи воспитываемой родителями, которые никогда не прислушивались ко мне и моим желаниям; молчать о пустоте, поселившейся в душе из-за жизни с мужем, не испытывавшим ко мне никаких чувств. Держа рот на замке, я должна была работать и поддерживать на плаву супружескую жизнь, от которой осталась одна лишь оболочка, и ни в коем случае не давать никому понять, что в глубине души хочу, чтобы меня понимали и любили. Я ведь счастливый человек. У меня есть все, чего только можно пожелать.

Только когда оболочку безжалостно содрали, я смогла наконец увидеть настоящую себя. Ту, которая бесшумно плачет, свернувшись в клубок

рядом с крепко спящим мужем; подгоняет саму себя и ставит высокие планки ради тех, кто будет отрицать мое существование, если я не напишу достойную научную статью; с каждым новым шагом, с каждым вдохом критикует и осыпает себя насмешками.

«Ты смогла получить должность выше только потому, что постоянно подгоняла себя. Если бы ты давала себе хоть небольшие поблажки, ты бы уже давно стала никем. Папа ведь говорил тебе: ты ничего не добьешься. И муж предупреждал: все, чего ты достигла, — это просто удача. Поэтому ты должна работать над собой. Ты ведь уже привыкла, что к тебе так относятся».

Я всегда сторонилась тех, кто обрушивался на меня с критикой, но внимательно слушала, что они говорили. Никто не был так жесток ко мне, как я сама. Наверное, так мне было легче. Легче позволять другим вытирать об меня ноги.

Когда через неделю я снова отправилась навестить маму, она уже выглядела гораздо лучше. Приподняв спинку кровати под углом и удобно устроившись в полусидячем положении, она смотрела на телефоне видео из «Ютьюба» и играла в игры. Иногда она прогуливалась по коридору, опираясь на стойку для капельницы, и смотрела

телевизор в комнате отдыха. Мама сообщила, что ее каждый день навещает тетя Мёнхи. Ее глаза блестели, когда она рассказывала, что подруга приехала в Корею впервые за пять лет и пробудет тут целых два месяца. Когда-то они вместе работали на почте, еще до маминого замужества.

Однажды тетя Мёнхи пришла в больницу, пока мама спала. Я помнила, что в детстве к нам домой приносили письма от нее из Мексики, но воспоминаний о встречах у меня не осталось. Она попросила меня уделить ей минутку, и мы спустились в кофейню на первом этаже.

— Ты бы не могла назвать мне номер счета твоей мамы? — спросила тетя Мёнхи после краткого обмена любезностями.

— Но зачем вам…

— Я очень обязана Мисон и хотела бы отплатить ей, — ответила она, теребя молнию на сумке.

— Обязаны?

— Дело давнее… Моя мама тогда сильно болела. Требовалось хирургическое вмешательство, но сама операция была сложная, а риск неудачи высок. Еще и очень дорого. Отец сделал все что мог, но, когда врачи сказали, что риски слишком высоки, отказался от операции. В ту ночь, когда он принял это решение, я позвонила Мисон. — Тетя

Мёнхи сцепила руки и отвернулась к стене. — На следующий день она приехала ко мне с конвертом денег. Сказала, чтобы я не делала того, о чем потом пожалею, и попыталась спасти маму. Я не могла отказаться от этих денег, не смогла даже сделать вид, что отказываюсь. Я пообещала твоей маме, что обязательно все верну, и бросилась искать врача.

— Операция прошла успешно?

Она сделала глоток кофе и кивнула.

— Мисон спасла мою маму. Я хочу отплатить ей, хотя бы таким образом. Если ты не дашь мне ее номер счета, я найду другой способ, так что скажи, пожалуйста.

Диктуя номер банковского счета, я не могла поверить в то, что мама могла пойти на такое ради подруги. Я никогда даже и подумать не могла, что у такого холодного и неприступного человека, как моя мама, есть и такая сторона.

В тот день после ухода тети Мёнхи я спросила у мамы:

— Это правда? То, что рассказала тетя Мёнхи?

— Ты о чем?

— Что ты оплатила ее маме операцию.

— А, — небрежно бросила мама, не отрываясь от игры в телефоне. — Мёнхи поступила бы точно

так же на моем месте. Она вернула мне все еще до отъезда в Мексику.

— Кажется, она до сих пор не забыла твоего поступка.

Ничего не ответив, она высморкалась в салфетку и снова сосредоточилась на игре.

Я улеглась на койку для опекуна спиной к ней и закрыла глаза. Интересно, что тетя Мёнхи значит для моей мамы? Об отъезде подруги в Мексику она лишь упоминала мимоходом. Таким же сухим, лишенным всяких эмоций тоном она говорила о погоде или спрашивала, сколько мне нужно на карманные расходы. Я совсем не знала ее. Мне было известно о ней меньше, чем тете Мёнхи, бабушке и… даже папе.

В день выписки тетя Мёнхи приехала на машине и подвезла нас с мамой до дома. От моего предложения подняться и выпить чая она вежливо отказалась под предлогом, что не хочет мешать папе.

— Мы же в Корее. И меня никто не приглашал. Я лучше загляну потом, когда твоего отца не будет дома.

— Корея тоже изменилась. Сейчас же не восьмидесятые годы.

— Чиён, для твоей мамы так будет лучше. Поза-

боться, чтобы она хорошо отдохнула.

Когда мы зашли домой, папа сидел за столом и ел рис, обложившись закусками из холодильника. Увидев нас, он коротко бросил «Как дела?» и снова принялся за еду. Тетя Мёнхи была права. Маме точно стало бы неловко, если бы отец и ее подруга оказались в одной комнате. Уложив маму на кровать, я отказалась от папиного предложения поесть и поехала в Хвирён. Уже был вечер воскресенья, и мне тоже требовался отдых.

Пока я каждые выходные ездила в Сеул, незаметно пролетел месяц и наступило раннее лето. Стоя у окна в гостиной, я рассеянно наблюдала за тем, как салатовая листва на деревьях постепенно приобретает густо-зеленый цвет. Это было первое лето после расставания с ним. Много всего произошло, мне было тяжело переварить последствия развода, но, к собственному удивлению, я чувствовала, что понемногу восстанавливаюсь. Я уже могла снова читать книги и даже опубликовала одну статью. Примерно в то же время я достала телескоп, который хранился в коробке в кладовке, и установила в гостиной. Просто поставив его к окну, я уже почувствовала, что сделала шаг вперед.

Вскоре я впервые за долгое время случайно

столкнулась в лифте с бабушкой. От радости я пригласила ее на этот раз в гости к себе, и она согласилась прийти в воскресенье.

Я накрыла стол, купив в супермаркете пульгоги[14] из говядины, кимчи и наполовину готовый хвантхэгук[15], сама же сварила только свежий рис.

— Я это все купила в супермаркете.

— Вот и молодец. Когда живешь одна, покупать еду дешевле, чем готовить. Ты и так занята на работе — откуда время на готовку? Я тоже такая. К тому же покупная еда вкуснее, чем та, что готовлю я.

Бабушка сидела за столом, на ее лице читалась радость. Покончив с едой, мы обе налили в чашки из-под риса воды и с наслаждением выпили. Затем сложили грязную посуду в раковину и налили кофе. Я вышла в гостиную и обнаружила, что бабушка стоит на балконе и любуется почти полной Луной.

— Хотите воспользоваться этим? — спросила

---

[14] Примечания: 14

Тонко нарезанные ломтики говядины или свинины, маринованные в сладком соусе, а затем жаренные на гриле или сковороде.

[15] Примечания: 15

Суп из измельченного сушеного минтая с добавлением зеленого лука и вареных яиц.

я, указывая на телескоп, притулившийся в углу гостиной.

Бабушка кивнула и достала из сумки очки.

— У меня ведь зрение плохое…

— Если смотреть через телескоп, Луна покажется совсем близко. — Я нажала на кнопку питания и настроила телескоп с помощью пульта. — Вот, смотрите.

Бабушка заглянула в окуляр и восхищенно выдохнула.

— Что это…

— Видно?

— Ой… это Луна?

— Да.

— Так близко. — Она вытянула руку вперед, словно пытаясь что-то ухватить. — Божечки!

Разинув рот от удивления, она не могла оторвать глаз от окуляра.

— Сегодня хорошая погода — можно даже Юпитер увидеть. Хотите посмотреть?

Однако бабушка только покачала головой:

— Мне этого хватит. Меня пугает это все.

Оторвавшись от окуляра, она перевела взгляд на меня.

— С этим телескопом нельзя заглянуть далеко. Видны только те светила, что находятся совсем

рядом.

— Значит, можно увидеть то, что находится еще дальше них?

— Конечно.

— А докуда?

Я показала бабушке изображения, полученные космическим телескопом «Хаббл» в период с 2003 по 2004 год. Те, что астрономы называют *Hubble Ultra Deep Field*. Галактики, сияющие оранжевым, фиолетовым, синим и белым светом, казались драгоценными камнями, рассыпанными на черном фоне.

— Так выглядел космос больше миллиарда лет назад.

— Как это так? Хочешь сказать, мы можем увидеть своими глазами такое далекое прошлое?

— Да, все верно.

— Не понимаю, что ты такое говоришь. Как мы можем увидеть то, что было так давно?

— Вот и я о том же. Но это возможно.

Бабушка прожгла меня взглядом.

— Значит, на работе ты занимаешься вот этим?

— Ничего особенного.

— Как это ничего? — Бабушка прикоснулась рукой к телескопу и прошептала: — Если бы моя

мама родилась сейчас, она бы тоже могла заниматься чем-то подобным. Ей было интересно всё на свете.

Я кивнула.

Спустя полгода после того, как дядюшка Сэби уехал в Японию, зимой 1942 года, тетушка Сэби родила ребенка. Девочку назвали Хвичжа. Тетушка Сэби мучилась от токсикоза вплоть до самых родов. Растить малышку оказалось непросто. Она постоянно просыпалась и плакала. Девочка родилась крепкой и подвижной, уследить за ней было очень сложно. Тетушка Сэби теряла силы и таяла на глазах. Подметая рис на мельнице с дочерью на спине, она чуть не падала на ходу.

Прабабушка возненавидела Хвичжу. Тетушка Сэби худела день ото дня, а пухлая малышка неуклонно набирала вес, не переставая нещадно истязать несчастную мать. Прабабушка не замечала, чтобы глаза подруги светились от любви к чаду, ей приходилось вскакивать каждый час — откуда в ней могли появиться добрые чувства к кому-либо?

Отношение к прабабушке тоже заметно изменилось. Она больше не улыбалась, когда та пыталась пошутить, и вместо этого злилась по мелочам. Прабабушка делала все ради тетушки

Сэби. Целый месяц после рождения ребенка она каждый день варила суп из водорослей и помогала присматривать за Хвичжой, чтобы несчастная могла хоть немного отдохнуть. Она даже стирала грязные пеленки и развешивала сушиться во дворе.

Теперь тетушка Сэби не хвалила готовку прабабушки, как раньше, и не благодарила ее за помощь. Иногда она без причины ударялась в слезы и прогоняла прабабушку в свою комнату. Прабабушке было больно наблюдать за тем, как подруга с каждым днем все больше выбивается из сил. Тетушка Сэби страдала сразу по многим причинам. Спустя пять месяцев после отъезда дядюшка Сэби начал присылать семье деньги, но их не хватало на то, чтобы покрыть все расходы и компенсировать все перенесенные за это время страдания.

Однажды ночью, когда Хвичжа плакала, не умолкая несколько часов кряду, прабабушка пришла в комнату тетушки Сэби. Подруга сидела на полу у стены, закрывая уши руками, по ее щекам градом катились слезы. Ребенок лежал поодаль. Когда прабабушка взяла младенца на руки, Хвичжа несколько раз громко всхлипнула напоследок и успокоилась.

— Я присмотрю за ней, а ты пока прикорни, — мягко, но настойчиво велела прабабушка.

— Не надо, оставь ее. Пускай ревет.

Прабабушка, проигнорировав слова подруги, прижала ребенка к себе и принялась укачивать.

— Ты бы поспала малость, — сказала прабабушка, подойдя ближе, но Сэби резко отпрянула. — Я присмотрю за ней, а ты поспи.

Прабабушка с трудом уложила подругу в постель и одной рукой стала нежно похлопывать по спине.

С наступлением рассвета тьма понемногу рассеялась. Глядя на спящую тетушку Сэби, прабабушка тяжело вздохнула, достала листок бумаги, который взяла на мельнице, и принялась писать письмо. В нем она перечисляла причины, по которым тетушка Сэби должна жить дальше, и к каждой из них прилагалось объяснение. Каждый день прабабушка снова и снова писала ей подобные письма.

К счастью, Хвичже исполнился год и присматривать за ней стало гораздо проще. Она все еще часто ревела во весь голос и устраивала истерики, но теперь хотя бы понимала, что ей говорят, и вела себя гораздо лучше.

Хвичжа обожала мою бабушку, которая была

на три года старше, и старалась подражать ей во всем. Прилипнув как репей, она то и дело норовила укусить ее то за палец, то за руку. Поняв, что спасу не будет, бабушка смирилась и начала присматривать за девочкой. Ей самой тогда было лет пять. Уже тогда бабушка старалась угодить взрослым.

— Не помню, когда я впервые услышала о том, что мама — дочь мясника. Сколько себя помню, мне всегда напоминали об этом.

— А вы помните что-нибудь еще из раннего детства?

— Конечно. Я сижу на берегу и смотрю на воду. День выдался погожий, солнечные лучи сверкают, отражаясь от поверхности реки. А мама наблюдает за мной. Мне кажется, большинство не может вспомнить свое раннее детство, а я четко помню даже то время, когда мне было всего три-четыре года.

— Я тоже.

— Правда? Я как-то пыталась поделиться этим, но мне никто не верил — с тех пор я предпочитаю не развивать тему. Но я помню дочь Сэби совсем маленькой. Как она орала до красноты и как в их комнате сладко пахло грудным молоком.

— Взрослые относились к вам плохо? Из-за того,

что прабабушка была дочерью мясника?

— По-разному. Кто-то даже не позволял детям играть со мной.

— А прабабушка и прадедушка ничего не делали?

— Я им не говорила, — улыбнулась бабушка, глядя на меня исподлобья.

Я прекрасно понимала, что она имеет в виду. Потому что была точно такой же. Столкнувшись на улице с чем-то неприятным или обидным, я не рассказывала об этом родителям. Прежде чем зайти домой, я умывалась холодной водой, чтобы они не заметили, что я плакала. Почему я так поступала? Думаю, в этом было что-то большее, чем просто нежелание беспокоить родителей. Я не хотела ранить свою гордость, признаваясь родителям, что подвергалась нападкам без всякой причины потому лишь, что у меня не было сил защищаться.

— И все же они, наверное, знали.

— Ну конечно. Мама даже ругалась с соседкой из-за этого.

— А прадедушка?

— Отец говорил, чтобы я не обращала внимания на подобные слова. Что я дочь своего отца и родилась в приличной семье. Что девка рождает-

ся от семени мужчины, а значит, принадлежит его роду. Раз я родилась от его семени, то все в порядке.

— Это как-то слишком.

— А ты как думала? Но отец считал, что говорит это ради моего же блага.

Бабушка поделилась, что чувствовала себя в безопасности только с мамой и тетушкой Сэби, и поэтому почти все ее первые воспоминания связаны с мельницей, на которой они работали.

Особенно много теплых воспоминаний у нее осталось о том, как ласково относилась к ней тетушка Сэби. Она вплетала ей в косы ленты и, усадив на колени, чистила уши от серы. От юбки тетушки Сэби, на которую бабушка любила класть голову, исходили запахи всех четырех сезонов. Запах полыни, травы минари, арбуза, сушеного перца, растопленной печи… Бабушка до сих пор помнила чувство спокойствия и умиротворения, которое ощущала, засыпая на коленях тетушки Сэби под теплыми солнечными лучами.

Когда тетушка Сэби брала работу на дом, бабушка крутилась рядом, помогая ей. Тетушка Сэби навешивала шелковые нити на бабушкины руки, чтобы затем намотать их на катушку. Слегка двигая ладонями, бабушка наблюдала,

как благодаря аккуратным движениям Сэби нить плавно обматывается вокруг катушки. Иногда они встречались глазами, и тетушка Сэби жизнерадостно улыбалась. Покончив с работой, они играли в игру «веревочка». Бабушка никак не могла насмотреться на разнообразные узоры, которые получались в их руках. За такими играми она не замечала, как летит время.

После рождения первого ребенка прабабушка больше не смогла забеременеть. Бабушка сказала, что, скорее всего, это случилось из-за того, что первые роды оказались слишком тяжелыми. Прадедушка так и не смог избавиться от угрызений совести из-за того, что пошел против воли родителей. Он считал, что Господь не дает ему других детей, потому что он согрешил. В те времена для мужчины не считалось предосудительным завести ребенка на стороне, если у жены не получалось родить сына. Но прадед так поступать не стал. Он боялся осуждения и непонимания дядюшки Сэби. Тот, несомненно, перестал бы считать его достойным человеком после такого поступка.

— Дядюшка Сэби часто писал вам?

— Он отправлял деньги вместе с открыткой каждый месяц. Тетушка Сэби, мама и папа пере-

давали открытку из рук в руки и перечитывали по нескольку раз. Хотя там всегда было написано примерно одно и то же: *«У меня все хорошо, скучаю по вам».*

Прошло какое-то время, и дядюшка Сэби стал присылать семье достаточно денег для нормальной жизни. Обещанные два года пролетели, а он так и не вернулся. В открытках он писал, что сейчас возвращаться будет невыгодно, и просил подождать еще немного. Так наступил 1945 год.

Если бы дядюшка Сэби вернулся, как и собирался, в 1944 году, многое пошло бы иначе. Но шестого августа 1945 года он находился в Хиросиме.

Услышав, что в тот день на Хиросиму сбросили атомную бомбу, подруги крепко вцепились друг в друга и завыли в голос. Тетушка Сэби несколько дней подряд не спала и не брала в рот ни крошки. Прабабушке оставалось только сходить с ума из-за того, что она ничем не может помочь. Однако даже тогда этих женщин не покидала странная надежда. Удивительная, похожая на сон вера в то, что дядюшка Сэби выжил. Потому что таковы любящие сердца. Они до самого конца надеются, что дорогие люди живы и вернутся домой в целости и невредимости.

Прабабушка сбила все ноги в попытках узнать

новости о дядюшке Сэби, но никто ничего не слышал о нем. Пока однажды вечером, в октябре того мучительного года он внезапно не объявился на пороге дома.

Человек, стоявший во дворе, выглядел ужасно, но это совершенно точно был дядюшка Сэби. У его жены, которая в этот момент вышла из дома, держа за руку дочь, при виде этого зрелища подкосились ноги, и она бессильно опустилась на землю.

— Дядюшка Сэби, это вы! — Первой к нему кинулась прабабушка. — Это ведь вы, точны вы! Да что же это творится!

Продолжая засыпать его вопросами, прабабушка без конца утирала слезы. Его образ надолго врезался в память бабушки. Добравшись из самой Японии, дядюшка выглядел грязным и ужасно измученным. Подбежав к сидящей в растерянности жене, он крепко прижал ее к себе и стал что-то шептать на ухо. Хвичжа рванула к бабушке и спряталась за ее спиной. Она испугалась, когда страшный незнакомый мужчина вдруг накинулся на ее мать с объятиями.

— Поначалу я тоже ужасно боялась дядюшку Сэби. Он понимал это и старался не заговаривать со мной первое время.

Бабушка призналась, что в тот день в первый и последний раз видела плачущего отца. Человек, который не выказал никакой реакции, услышав о том, что связь с дядюшкой Сэби пропала, не смог сдержать эмоций, когда друг вернулся домой живым. Отец рыдал во весь голос, крепко обнимая дядюшку Сэби.

— Если отец и любил кого-то, кроме своих родителей, то это был дядюшка Сэби.

— А вас? Разве вас он не любил?

— Любил ли меня мой отец? — Бабушка задумчиво уставилась на меня, открыв рот. — Давно это все было. Да, возможно, он и…

С этими словами она едва заметно покачала головой.

Тем вечером мы с бабушкой смотрели на Юпитер. На его размытые светлые и темные полосы. Бабушка восторгалась, словно ребенок, и долго не могла оторваться от телескопа.

Бабушка ушла, а я взяла телефон и долго разглядывала фотографию тетушки Сэби. Что она чувствовала, когда ее муж вернулся после того, как она ждала его два месяца, не в силах ни спать, ни есть? Как будто снова родилась? Будто получила в подарок вторую жизнь? Была счастлива до ужаса? Беспокоилась, что все это окажется сном?

В ту ночь мне приснился бывший муж. Во сне я забыла о том, какую боль он мне причинил, и просто была счастлива оттого, что мы снова встретились. Я держалась за его большую ладонь и обнимала его. Мне было спокойно и радостно. Проснувшись, я никак не могла понять, как мне мог присниться такой сон. Ведь это значит, что какая-то часть меня все еще скучает о том времени, что мы провели вместе; томится по той близости, которую я испытывала только с ним; помнит то ощущение спокойствия и уюта рядом с ним. Повторяя себе, что это нормально, я расплакалась, но быстро пришла в себя и встала с кровати.

Будь я на месте тетушки Сэби, я бы так же рыдала по своему мужу и была бы настолько же счастлива, когда он вернулся. Вот такую любовь отверг мой бывший муж. И если я потеряла обманщика, то он лишился искренней любви. Я не хотела соревноваться в том, кто потерял больше, но, по крайней мере, в этой битве проигравшей точно была не я.

6

Из Сеула приехала Чиу. Мы пообедали целым набором блюд из тофу в ресторанчике на набережной и отправились на прогулку вокруг озера. Это было обычное июньское воскресенье с жаркими лучами солнца и приятным ветерком. Мимо проносились люди на велосипедах. Мы медленно шли по прогулочной дорожке, лениво обмениваясь бессмысленными шутками.

— Как на работе? — поинтересовалась Чиу.

— Привыкаю, но вроде все нормально.

— А мама как?

— Отдыхает дома. Я же рассказывала тебе про тетю Мёнхи? Она часто навещает ее, а я приезжаю по выходным. Восстановление после операции идет хорошо…

— Ты отлично со всем справилась. Ты ведь и сама это знаешь?

— А как же, — ответила я и опустила голову.

— Я так переживала, когда ты сказала, что переезжаешь в Хвирён. И когда вдобавок услышала о твоей маме… Но ты посмотри, ты все это выдержала.

Я молчала.

— Ты постоянно твердишь: «Все нормально»... Можешь просто сказать: «Не переживай за меня», чтобы я прекратила волноваться?

Мы молча шли вдоль озера. Было слышно, как в лесу неподалеку шелестит на ветру листва.

С Чиу мы познакомились в университете в научном кружке по астрономии. Во время учебы мы были лучшими подругами, но после выпуска каждая пошла своим путем, а после моего замужества встречаться стало еще сложнее. Тем не менее мы иногда созванивались и виделись, а после моего развода Чиу помогла мне больше, чем кто бы то ни было.

«Ты достойна того, чтобы тебя любили, — сказала мне Чиу, когда в одну из встреч я не могла выдавить из себя ни слова и только молча плакала. — Впредь я буду любить тебя еще сильнее. Теперь ты будешь жить, зная, каково это, когда тебя любят».

Благодаря Чиу я узнала, что так же, как люди могут возненавидеть тебя без причины, они могут и любить тебя безо всяких на то причин.

— А чем вы занимаетесь, когда видитесь с бабушкой? — спросила Чиу.

— Просто разговариваем о том о сем.

— И о чем же? Вы ведь не виделись больше

двадцати лет?

Я достала телефон и показала Чиу фотографию прабабушки и тетушки Сэби.

— Она похожа на тебя. — Чиу с интересом указала пальцем на прабабушку.

— Удивительно, правда? Это моя прабабушка. Мама моей бабушки.

Чиу не могла оторвать глаз от снимка.

— Когда мы встречаемся, она рассказывает мне о прошлом. Странно, но от ее историй я чувствую, как мое сердце тянется к этим людям. А я ведь не видела их ни разу в жизни.

Я немного рассказала Чиу о прабабушке. На моменте возвращения дядюшки Сэби из Хиросимы она заметила:

— Я тоже слышала, что в то время в Хиросиме было много корейцев. Дальняя родственница моей мамы вернулась оттуда, она рано скончалась… А что случилось дальше с этим дядюшкой Сэби?

— Бабушка рассказала только до того момента, как он вернулся в Корею. Потом мы с ней в телескоп смотрели на Юпитер.

— Ого, ты достала телескоп?

— Ага.

Во взгляде Чиу читалась гордость.

В отличие от меня, которая до развода никогда

не жила одна, Чиу давным-давно отказалась от мыслей о замужестве и наслаждалась жизнью в одиночестве. А я даже представить себе не могла жизнь без семьи. Хотя теперь, поняв на собственном опыте, что такое брак, я решила, что ничто больше не заставит меня снова выйти замуж.

Однако мое воображение простиралось только в недалекое будущее. Я не могла представить себе, что будет со мной, когда я состарюсь в одиночестве, когда все члены моей семьи покинут этот мир. Мне становилось тоскливо на душе, потому что я и подумать не могла, каково это — не иметь близкого человека рядом и какой бы там ни было, но семьи.

Помню тот день, когда я рыдала, зарывшись носом в футболку, которая все еще хранила его запах. Я тосковала по его маленьким привычкам, казавшимся милыми только мне; по его слегка гнусавому голосу и задорному смеху; по его широкой спине и массивным лодыжкам; по его почти детскому выражению лица, когда, собираясь куда-нибудь, он спрашивал у меня: «Ну, как я выгляжу?»; по теплу его тела, которого я могла коснуться, просто протянув руку во сне.

В тот день, когда мы оба пришли в суд оформить развод по обоюдному согласию, сидя напротив

него в комнате ожидания, я хотела прикоснуться к нему. Хотела положить руку ему на грудь и сказать: «Я прощаю тебя, давай вернемся домой, давай просто забудем весь этот кошмар». Как было бы легко и спокойно, если бы я приняла его назад. Но, прокручивая это все в своей голове, я ни разу не взглянула на него. Потому что знала, что для меня это единственный способ выжить.

Я подумала о бабушке, которая столько лет прожила одна. Она посещала клуб для пенсионеров, работала на поле и проводила время с подругами. Чувствует ли она себя одиноко? На кого ей положиться? Что она чувствует, рассказывая мне истории о своем прошлом? Прогуливаясь вокруг озера с Чиу, я вдруг задумалась обо всем этом.

— Мы так долго были вместе, а в итоге оказалось, что это ничего не значит, — сказала я.

Чиу молча слушала меня.

— Конец всегда один и тот же. И мы с тобой тоже расстанемся. Когда-нибудь.

— Наверное.

— Не наверное, а точно.

— И тебе от этого грустно?

— Мне становится невыносимо, когда я думаю, что впредь вся моя жизнь — это череда расставаний.

— Это естественно, что сейчас ты так думаешь. Но, Чиён, ты же и сама понимаешь, что пройдет время и все изменится.

— Не уверена.

— Дай мне знать, если я окажусь права, — сказала Чиу. С таким видом, будто была уверена, что когда-нибудь я непременно передумаю.

Мы с Чиу объехали на машине весь Хвирён. Закупились на рынке морепродуктов и повалялись на Черепашьем пляже, расстелив коврик из серебристой фольги. Небо над головой казалось невероятно синим, и, лежа рядом с Чиу, я впервые за долгое время ощутила на душе краткий, но глубокий покой.

Вернувшись ко мне, мы заварили рамён и добавили в него королевские креветки, которые купили на рынке. День стал длиннее, и на улице было еще светло, хотя уже был седьмой час. Сидя в гостиной, мы наблюдали за тем, как небо медленно меняет свой цвет из голубого в нежно-молочный, розовый и оранжевый, а затем в глубокий индиго.

— Я помню, какой ты была, когда мы только познакомились. Ты в курсе, какой ты раньше была забавной? — сказала Чиу, делая глоток пива из банки.

— Я?

— Ты была такая смешная. Спрашивала обо всем. Все время удивлялась: «Почему? Как так?»

— Да, точно. Мне говорили, что я докучаю всех своими расспросами, так что я перестала так делать.

— Ты интересовалась всем на свете и постоянно смеялась.

— Зато ты, Чиу, ни капельки не изменилась. Ты и раньше всегда подбадривала меня. Умела хорошо выражать свои мысли. Я завидовала тебе. У меня так не получалось.

— Я не со всеми такая.

«Спасибо тебе за то, что ты моя подруга». Я не смогла произнести эти слова вслух. Чиу переночевала у меня и, поднявшись на рассвете, уехала в Сеул на первом поезде.

По пути домой с вокзала меня внезапно охватила тревога. Мне стало страшно, что в глазах Чиу я выгляжу как полнейшая неудачница. Заметно исхудавшая, с выпавшими волосами, постоянно повторяющая, что у нее все нормально.

В тот период я часто смотрела на фотографию прабабушки и тетушки Сэби. Глядя на лица двух женщин, слегка улыбающихся в камеру, я думала о том, что хотела бы встретиться с ними вживую.

О чем бы мы говорили с прабабушкой, если бы нам довелось увидеться тогда? Поскольку ее интересовало все на свете, она могла бы спросить меня об атмосфере и небесных светилах. Я бы рассказала ей все, что знаю, и расспросила бы ее о детстве.

Уже давненько я ее не видела. Я нередко встречала ее около дома — везущую за собой тележку или сидящую с другими старушками на лавочке перед клубом для пенсионеров, — но вот уже несколько недель бабушка не попадалась мне на глаза. Меня охватило беспокойство, и я позвонила ей.

— Ребро треснуло, — ответила она будничным тоном.

— Как так вышло?

— Поскользнулась в ванной, ничего особенного.

— Ходить можете?

— Могу понемногу, но придется пока посидеть дома. Ничего страшного, скоро пройдет.

«Я не хочу с тобой об этом говорить», — сказала мне однажды бабушка. Она не хотела становиться старушкой, которая жалуется внучке на свои болячки. Я вспомнила, какое у нее было выражение лица, когда она смотрела на Луну и Юпитер,

прижавшись одним глазком к окуляру телескопа. Бабушка не хотела становиться источником беспокойства и жалости, не хотела, чтобы за ней ухаживали и считали обузой. Она хотела просто рассказывать мне интересные истории, совсем как в детстве, смешить меня и быть хорошей собеседницей. Я сказала, что скоро зайду ее навестить, и бабушка охотно согласилась, добавив, что в таком случае будет ждать меня в пятницу после работы.

Бабушка выглядела лучше, чем я ожидала. Она ходила медленно, мелкими шажками, но все оказалось не так страшно, как я думала.

— Будешь цитрусовый чай?

— Где банка? Я налью, поберегите силы.

— Вон там…

Я вскипятила чайник и положила концентрированную смесь цитрона в чашки.

Бабушка, тихо наблюдавшая за моими действиями, произнесла:

— Уже почти все прошло. Думала, ты испугаешься, если скажу про трещину, — вот и не стала говорить.

— Знаю.

Она медленно поковыляла к дивану. Я налила кипяток в чашку, неспешно помешала напиток

ложкой и протянула ей.

— Вам не больно говорить?

— Поначалу было больно… но сейчас уже все нормально, почти прошло.

— Вам надо постелить что-то на полу в ванной.

— Ох, Инён, соседка с нижнего этажа, уже настелила мне там чего-то.

Беседуя с бабушкой, я вдруг вспомнила о странной тревоге, которая посещала меня, пока мы не виделись.

— Вы часто общаетесь с подругами?

— А то! Если я умру, это ведь им придется меня отсюда выносить.

Бабушка подняла чашку к лицу и принялась дуть на горячий чай. Я тоже сделала глоток и снова посмотрела на нее. Она выглядела худее, чем несколько недель назад.

— Вы хорошо питаетесь?

— Эй, Чиён!

— Что?

— Ты сюда волонтерить пришла? Помогать немощной старухе? Переживаешь, что я слишком старая, не могу еды себе приготовить? — с этими словами бабушка громко засмеялась, но тут же нахмурилась. Похоже, от боли.

Мы молчали. Не отводя взгляд от сушеной зеле-

ни на балконе, я решилась спросить:

— Бабушка.

— Что?

— Почему вы не подошли ко мне сразу, вы ведь сразу меня узнали?

Она молча уставилась на меня. На ее лице было написано, что ей есть что сказать, но для нас обеих будет лучше, если она промолчит. Мне казалось, я вижу в ее глазах отражение самой себя несколько месяцев назад, когда я только приехала в Хвирён и бродила по городу словно тень, пряча заплаканные глаза за солнечными очками.

— Мне было весело, в прошлом, — с трудом произнесла она. — Ты, наверное, уже не помнишь, но, когда тебе было десять, ты приезжала ко мне в гости на несколько дней. Мы даже на пляж вместе ходили.

— Конечно помню. Не знаю почему, но мне кажется, я тогда много смеялась. Вы мне нравились.

Сказав это, я вдруг поняла, что уже очень давно не признавалась никому в симпатии.

— Я думала, что никогда больше тебя не увижу, — сказала она. — Думала, ты забыла меня навсегда.

— Бабушка!

— Ты ничего не могла поделать, я знаю. Все потому, что у нас с Мисон разладилось все. Иногда я злилась на нее за то, что не могла повидать тебя. Да, я испытывала к ней именно такие чувства.

— Это естественно, — ответила я. — Но у мамы тоже есть свои причины.

— Ты права.

Бабушка взглянула на меня с улыбкой.

— Я часто думаю о том, что вы мне рассказывали.

— Правда?

— И о дядюшке Сэби.

— Я до сих пор помню его, как сейчас. — Бабушка опустила взгляд на чашку. — Я больше ни у кого не видела такой длинной шеи. Он смеялся как ребенок, и в уголках его глаз появлялись глубокие морщины. Помню, как он ходил всегда с прямой спиной, несмотря на высокий рост.

В тот день, когда дядюшка Сэби вернулся из Хиросимы, он упал в кровать и, даже не помывшись, проспал как убитый до следующего вечера. Проснувшись, накинулся на еду. Прабабушка испугалась, что он так подавится, и принялась журить его, но дядюшка запихивал в рот еду, будто и не слышал ее укоров.

Когда прабабушка спросила, что произошло, он не дал ей вразумительного ответа. Не добившись ничего даже после нескольких попыток, прабабушка поняла, что говорить о случившемся он не намерен, и прекратила допросы. В дальнейшем, кто бы ни спрашивал у дядюшки Сэби о произошедшем, он просто улыбался и избегал ответа. Еще он перестал ходить в церковь, которую раньше посещал каждое воскресенье. Несколько раз у них в доме появлялись прихожане и предлагали помолиться за него, но он отказывался. Он молчал, но скрыть то, что он получил тяжелую травму, у него не получалось. Это было понятно даже бабушке, которой на тот момент было не больше семи.

Вскоре он устроился на работу в продуктовый магазин. Один из клиентов прадедушки, которому он доставлял продукты, услышал историю дядюшки Сэби и предложил ему работу. Он высоко оценил выносливость, смелость и чувство ответственности человека, который рискнул отправиться в Японию в такое страшное время. Бабушка хорошо помнила, как все радовались новой работе дядюшки Сэби.

Однажды она возвращалась домой со школы, соседские дети в очередной раз стали дразнить

ее дочерью мясника. Она стояла на углу улицы и плакала, как вдруг заметила дядюшку Сэби. От растерянности она принялась растирать по лицу слезы, но дядюшка невозмутимо предложил пойти домой вместе. Шагая на расстоянии вытянутой руки, он рассказывал ей, какой милой и любимой всеми она была, когда только родилась, какая смелая и любящая у нее мама.

Дядюшка Сэби поведал ей, что раньше было принято делить людей на благородных и презренных в зависимости от того, кем были их родители. А потом пришли японцы, и для них все корейцы, будь то дворяне или простолюдины, стали считаться презренными.

— Люди такое любят, — пробормотал дядюшка Сэби с печальным выражением лица. — Вот ты, Ёнок, думаешь, корейцы презреннее, чем японцы?

Бабушка помотала головой, и дядюшка сказал, что настоящая презренность — это когда человек делит людей таким образом.

— Ёнок, ты ведь у нас такая живенькая, и кушаешь хорошо, и смеешься громко, и мяч пинать умеешь, и бегаешь вон как быстро. Еще и с Хвичжой дружишь. И рассказываешь интересно.

— А вы, дядюшка, высокий, и шея у вас длин-

ная. Еще вы смеетесь все время и кушаете тоже хорошо.

— Приятно слышать.

— Это еще не всё. Когда вы тут, матушка с батюшкой тоже смеются, и тетушка Сэби, и Хвичжа — все. Без вас было не так. Вы как солнышко. Я как солнышко увижу, сразу про вас вспоминаю.

— Ты погляди. А ты у нас никак поэтессой будешь.

За беседой с дядюшкой Сэби бабушка быстро забыла о том, что случилось с ней в школе. На душе стало спокойно. Прадедушка ругался, если бабушка слишком громко смеялась или играла в мяч, но дядюшка Сэби всегда относился к ней по-доброму. Он частенько приносил ей из магазина, где работал, сладости и тайком угощал ее, а когда она делилась своими историями, слушал с интересом и просил рассказать еще. Рядом с мужем тетушка Сэби постепенно набрала вес и стала выглядеть здоровее, на ее лице все чаще играла улыбка.

Бабушку немного беспокоило то, что у дядюшки Сэби часто краснеет и шелушится кожа на шее. Его постоянно преследовал кашель, хотя и не настолько сильный, чтобы мешать работе.

Однажды, ближе к концу весны, к ним во двор

прибежал щенок. Это был тощий кобелек с рыжей шерстью и небольшой примесью черного на хвосте. Прабабушка назвала его Веснушкой. Он бегал за ней хвостом, засыпал, уткнувшись мордой в башмаки, которые она оставляла на каменном крыльце, а когда она выходила на улицу, весело подпрыгивая, бежал рядом. Прабабушка притворно возмущалась, пытаясь прогнать щенка, но вскоре сдавалась и, присев на корточки, долго гладила его по голове. Если прабабушки долго не было дома, Веснушка ждал ее на околице и, завидев издалека, радостно несся навстречу. «За что ты меня так любишь?» — удивлялась прабабушка, гладя пса по загривку, и на ее лице проступала легкая печаль. Ее голос, когда она ругала Веснушку и просила не приставать к ней, звучал мягко и тепло. Прабабушке было непривычно видеть такую искреннюю любовь хоть от кого-то.

Так пролетело три года. Это время запомнилось бабушке полным радости. Дядюшка Сэби часто болел, но никто не считал это серьезной проблемой. Ведь он каждый раз поднимался и шел на работу.

Однажды, когда дядюшке Сэби было плохо дольше обычного, прабабушка отвела его в самую

известную больницу в Кэсоне. Врач западной медицины поставил ему диагноз: последняя стадия туберкулеза. Сделать уже было ничего нельзя — слишком сильно были повреждены легкие. Врач посоветовал ему просто отправиться на отдых в какое-нибудь тихое местечко. Прабабушка сообщила врачу, что дядюшка начал болеть после возвращения из Японии. Рассказала, что он был в Хиросиме, когда на город скинули атомную бомбу.

Врач поинтересовался, были ли у него тогда внешние повреждения, и, получив отрицательный ответ, сказал, что в медицине пока не существует способа выяснить, имеется ли связь между его состоянием и тем событием.

— А почему его кожа так выглядит? — спросила прабабушка, но врач и на это лишь покачал головой.

Впервые лучевую болезнь в Корее диагностировали только после Корейской войны. Но даже не зная причины, не зная, что такое «облучение», взрослые все равно верили, что именно произошедшее в Японии повлияло на здоровье дядюшки Сэби. Его болезнь отличалась от обычного туберкулеза. Кожа слезала, отовсюду сочились гной и сукровица, объяснить это обычным туберкуле-

зом не получалось.

В тот день, когда дядюшка Сэби вернулся из больницы, взрослые сказали, что им нужно поговорить, и выгнали детей во двор. Играя с Хвичжой и Веснушкой, бабушка нутром чувствовала, что происходит что-то плохое. Взрослые говорили шепотом и совсем не смеялись. Вскоре до улицы донеслись сдавленные рыдания тетушки Сэби. Бабушка стала прыгать и смеяться еще сильнее. Уже тогда она умела притворяться, что ничего не происходит.

— Супругам Сэби ничего не оставалось, как вернуться на родину, — сказала бабушка, сжимая в руке чашку и спокойно глядя мне в глаза.

Хвичжа устроила истерику, заявив, что не хочет уезжать. Она рыдала, хватала бабушку за руку, кричала, что ни за что не расстанется с ней, и крепко прижимала к себе Веснушку. Бабушка тоже не хотела расставаться с Хвичжой. И тем более с тетушкой Сэби. Она сотни раз спрашивала у нее: «Вам точно нужно уехать?» Тетушка Сэби выдавливала улыбку и со слезами на глазах отвечала: «Да».

— Ёнок, ты должна учиться. Если кто-то скажет, что девкам учеба ни к чему, ты просто улыбайся, но стой на своем. Учись. Учись, чтобы жить. Твоя

матушка… Приглядывай за ней. Она плохо питается, а ты смотри, чтобы она так не делала.

— Не беспокойтесь, тетушка.

— Я буду писать, поняла?

— Поняла.

— Не забывай нас. Не забудешь меня, Ёнок?

Бабушка лишь кивнула, не в силах ответить, и тетушка Сэби сжала ее в объятиях.

— Наша умница Ёнок. Ты не плакала, даже когда была совсем малышкой, как же тебе было тяжко все время скрывать свои чувства, как же одиноко! Тетушка все знает. Ты для меня все равно что родная доченька. Сегодня уж поплачь вволю, выплесни все наружу.

— Тетушка, когда же мы свидимся теперь? Как я буду жить без вас? Тетушка, тетушка!

Все вместе они отправились на вокзал. День был настолько холодным, что заледенели ресницы. На платформе прабабушка вручила тетушке Сэби сваренные дома яйца и запеченный батат.

И прабабушка, и тетушка Сэби выглядели спокойными. Даже Хвичжа перестала упрямиться, осознав, что ничего уже не поделать. Семья Сэби погрузилась на поезд. Тетушка Сэби села у окна и махала провожающим рукой, но, как только поезд тронулся, тут же спрятала лицо в ладонях.

Бабушка хотела напоследок еще раз увидеть ее лицо и долго кричала: «Тетушка, тетушка», но та так и не обернулась. Вернувшись домой, прабабушка, которая все это время выглядела безучастной, слегла больной на несколько дней.

Я не могла даже представить себе, что чувствовала прабабушка после расставания с тетушкой Сэби. Что происходило на душе у человека, который был вынужден расстаться со своей первой и единственной подругой, с той, кто принимал и любил ее такой, какая она есть?

— Может, было бы лучше, если бы они вообще не встретились?

— В смысле?

— Могу представить, как больно им было расставаться. Если бы они не встретились вообще, то им не пришлось бы проходить через такое. Если бы они жили, не зная друг друга.

— Ты правда так думаешь?

Я промолчала и сделала глоток чая. Я и сама не знала, что думаю на самом деле.

— Наверное, печальный конец и вправду может навести на подобные мысли, — сказала бабушка, глядя на меня с ласковой улыбкой. — Тетушка Сэби была маминой болью. Но еще она была ее гордостью. Этот отъезд сбил маму с ног, но само

существование подруги, пусть и далеко, каждый раз придавало ей сил снова подняться. Вспоминая о тетушке Сэби, мама нередко повторяла: «Как же она любила меня, как дорожила мной!» Эта судьбоносная встреча принесла маме много страданий, но, вспоминая о ней, она улыбалась. Как будто уносилась мыслями в другой мир. Если бы они не встретились, маме не пришлось бы испытать такую боль, но для нее…

— Значит, если бы можно было выбирать, она все равно бы выбрала жизнь, в которой было место для тетушки Сэби.

— Да, в этом была вся моя мама.

Бабушка посмотрела на меня с улыбкой, в которой читалась жалость ко мне. Чай совсем остыл. Я прошла на кухню, долила в чашки горячей воды и протянула одну бабушке.

— Бабушка!

— М-м?

— Помните, вы показывали мне коробку с письмами? Вы еще сказали, что любили их читать, но теперь не можете.

— Да. И что?

— Я почитаю их вам. Мне тоже интересно, какие письма получала моя прабабушка.

— Не стоит тебе так утруждаться.

— Если честно, я поверить не могла. Никогда в жизни не видела таких старых писем.

Бабушка ненадолго задумалась, прежде чем ответить:

— Мне-то только в радость. Но ты не слишком усердствуй. Я буду благодарна, если прочтешь хотя бы одно-два.

— Можно принести их прямо сейчас?

— Конечно.

Я пошла в кладовку и достала из шкафа коробку. Открыв крышку, я обнаружила конверты, аккуратно разложенные в несколько вертикальных рядов. Они лежали так плотно, что было невозможно понять, где какое письмо.

Бабушка заглянула в коробку и вытащила три пожелтевших от времени конверта.

— Это самые первые письма.

— Вы можете определить это просто по конвертам?

— Я раньше мучилась от бессонницы. И постоянно читала эти письма, и однажды, когда мне совсем не спалось, до самого рассвета раскладывала их по порядку. Вот отсюда начинаются самые первые.

Бабушка встряхнула один конверт, и на ладонь ей выпали выцветшие от времени листы.

— Я будто в музее. Как вы умудрились сохранить их?

— Сама не знаю. В войну столько всего пришлось пережить — и как они не потерялись?

Бабушка протянула мне листы.

— Можешь разобрать?

Я кивнула. Все слова были записаны хангылем[16], в убористом почерке чувствовалась сила. Было заметно, что тот, кто писал письмо, старался вычерчивать буквы разборчиво, следуя правилам чистописания. Местами попадались выцветшие желтые пятна, но почерк был крупным и четким, поэтому читать его оказалось легко.

— Пойдем в спальню.

Бабушка сказала, что хочет прилечь, и мы отправились в ее спальню. Она улеглась на толстый матрац и жестом подала мне знак приступать.

Я начала читать письмо.

Моей Самчхон.

Как ты там поживаешь? Как дела у Ёнок и батюшки Ёнок[17]? У меня все хорошо.

---

[16] Примечания: 16

Корейская письменность.

[17] Примечания: 17

В Корее существует традиция после рождения детей обращаться к родителям по имени их первого ребенка.

Пишу тебе, чтобы ты не переживала за меня. Так и вижу, как ты беспокоишься, не заболела ли я, не голодаю ли. Не переживай. Я хорошо питаюсь. И муж мой тоже на родине выглядит спокойнее.

Я много рассказывала тебе о нашем Сэби. Людям здесь живется хорошо. Вода у нас славится своей чистотой, а земля так хорошо впитывает влагу, что даже после сильного дождя не хлюпаешь в грязи. Здесь тихо, потому что мы окружены горами, а еще далеко разошлись слухи о том, что люди в нашей деревне любят посмеяться. И впрямь, куда ни пойдешь, повсюду народ рассказывает смешные истории и хохочет. А какая вкусная тут еда! Издавна всем известно, что в деревне Сэби умеют готовить.

Я столько рассказывала тебе о своем родном городе, а ты никогда и словом не обмолвилась о твоем Самчхоне. Это совсем близко, но я ни разу там не была, поэтому мне многое было интересно. Ты говорила только о том, что на родине тебе довелось испытать много боли. Если бы я родилась в Самчхоне, если бы встрети-

ла тебя еще в детстве, я бы все сделала, чтобы защитить тебя от плохих людей. Я хоть с виду и слаба, но драться умею еще как!

Моя Самчхон, ты хорошо питаешься? А спишь как? Когда думаю о тебе, часто вспоминаю, как кричала на тебя и бросалась нехорошими словами. Хвичжа тогда только родилась, и я была совсем не в себе. Я хотела говорить тебе только самые ласковые слова, которые существуют на этом свете, но не смогла. Как мне теперь оправдать себя? Я не знаю. Прости меня, Самчхон.

Приехав в Сэби, я перечитала письма, что ты мне писала. Ты перечисляла причины, по которым мне стоит жить. Снова читая их в Сэби, я только и могла, что лить слезы. Тогда благодаря твоим письмам я пришла в себя и решила, что должна жить дальше. Хотя бы ради тебя. Ты ведь так мне помогала. Если бы не ты, не было бы меня уже в этом мире. Правда. Ты меня спасла.

Помнишь, что сказал врач в кэсонской больнице? Если повезет, он протянет еще

год. Тогда тетушка Тонни сказала мне: «Какой ужас, лучше бы отец Хвичжи погиб в Хиросиме — тогда не пришлось бы вам все эти тяготы сносить». Как знать, может, и другие люди так думают. Все равно конец один. Я до сих пор боюсь говорить такое вслух, но если уж отцу Хвичжи суждено умереть… может, мне и впрямь было бы легче, если бы не пришлось на это смотреть…

Быть может… может, для него так было бы и лучше… Если бы все закончилось в один миг. Тогда ему не пришлось бы сносить все эти страдания. И все же я считаю, что так лучше. Можешь ругать меня за мою жадность. Ругай меня за то, что думаю о себе больше, чем об отце Хвичжи. Но я все равно рада, что он вернулся к нам, хотя бы и так, что побыл подольше со мной и дочкой.

Как-то я думала о том, о чем бы молилась, если бы он погиб в Хиросиме… Я бы мечтала увидеть его, прикоснуться, обнять… хотя бы на денечек, на час, на десять минут. Многие спрашивали у меня, не хуже ли, не больнее ли мне оттого,

что после его возвращения мы смогли прожить вместе всего несколько лет. Но знаешь, Самчхон. Ведь эти несколько лет были куда длиннее, чем один час и один день. Я страшно дорожу им. Да, скоро он нас покинет. Как подумаю об этом — просто с ума схожу. И все же так лучше. Как бы там ни было, сейчас он рядом со мной.

Самчхон, в Сэби сейчас азалии в самом цвету. А в Кэсоне? Я вспоминаю о том, как мы с тобой собирали цветы и пили нектар. Как делали блины и тток из полыни. Я думаю о тебе каждый раз, когда вижу цветы или траву. Когда на небе всходят звезды и луна, я вспоминаю твое лицо, как ты задирала голову, любуясь ими. «Сэби, глянь, это же чудо какое-то!» — говаривала ты, глядя в ночное небо. Моя Самчхон, все-то тебе казалось необычным и чудесным. Я не перестаю думать о тебе.

Береги себя, моя Самчхон.

20 марта
1950 года,
Сэби

Бабушка слушала меня, лежа на спине и глядя в потолок. Иногда она поворачивала голову ко мне и сцепляла руки вместе. Я читала письмо, наблюдая за ней боковым зрением. У меня было странное ощущение от того, что я в принципе держу в руках письмо, написанное шестьдесят семь лет назад, но еще больше я поражалась тому, что сквозь эти строки как наяву слышался голос тетушки Сэби. Как будто она проникла внутрь меня, чтобы поведать свою историю. Еще я чувствовала внутри себя прабабушку, которой предназначалось это письмо. Я словно своими глазами видела, как прабабушка восклицает, глядя в ночное небо: «Глянь, это же чудо какое-то!» Я аккуратно сложила письмо и убрала его обратно в конверт.

— Прочитать вам еще одно?

— Нет, ты и так устала. Ты так стараешься ради меня, а я тут лежу…

— Мне самой интересно почитать еще.

Я открыла второй конверт. Буквы были более размытые, чем в первом письме, а бумага сохранилась хуже, поэтому мне пришлось поднести лист поближе к глазам.

Моей Самчхон.

Все ли у тебя хорошо? Я написала эти слова и долго размышляла. Что мне рассказать дальше?

Ты ведь такая мудрая. Просто… если бы ты просто была рядом со мной, все было куда лучше.

Я буду писать это письмо и мечтать, что мы вместе, что я разговариваю с тобой вживую.

Самчхон… Отцу Хвичжи уже недолго осталось. Мы посадили его в телегу, запряженную волом, и повезли в ближайшую от Сэби большую больницу. Мое сердце бьется так сильно, что я не могу уснуть. Мне тяжело просто сидеть тут и смотреть на него — вот и решила написать тебе.

Я думала, что после возвращения в Сэби отец Хвичжи смирился с реальностью. Но это не так.

Помнишь, он ни в какую не хотел рассказывать о том, что с ним случилось в Японии? Не хотел пугать меня. Но недавно, когда ему ненадолго стало получше, он схватил меня за руку и сказал: «Матушка Хвичжи, я должен высказаться. Ты запомнишь мои слова?» — «Конечно, не

держи все в себе, поделись со мной», — ответила я, и он, немного помолчав, заговорил.

В тот день… отец Хвичжи остался цел и невредим. Это произошло, когда он работал на складе в подвале фабрики, где не было даже окон. Он сказал, что раздался такой сильный грохот, какого он не слышал ни разу в жизни. Выбежав наружу, он увидел обрушившиеся здания, улицы были заполнены мертвыми и умирающими людьми — их тела пронзены осколками стекла. А с неба шел черный дождь. Пахло чем-то вроде нефти. Поначалу он подумал, что это разбрызгивают нефть с самолетов. Он бегал кругами под черным дождем в поисках хоть кого-то знакомого с фабрики, а на земле повсюду лежали трупы тех, кто в момент атаки оказался на улице.

Он сказал, что погибло много чосонцев[18]. В то время в Хиросиме многие были из Кореи. Таких, как отец Хвичжи,

[18] Примечания: 18

Чосон — историческое название Кореи, использовавшееся с 1392 года и сохранявшееся вплоть до японского колониального периода (1910–1945).

приехавших туда по собственной воле, можно было по пальцам перечесть, в основном всех перевезли насильно, точное их число никто не знает[19]. Я тоже не знала об этом, пока мне не рассказал отец Хвичжи. По его словам, там было много народу из Хвачхона[20]. Если бы можно было хотя бы узнать адреса, он бы написал родным погибших, рассказал, что случилось. Он так жалел, что не смог этого сделать. Ты бы видела, как он рыдал, рассказывая все это… Я просто не могла смотреть ему в глаза.

Отец Хвичжи сказал, что никто не заслуживает такой смерти — ни чосонцы, ни японцы, ни китайцы… во всем мире не сыщешь настолько же бессмысленной, ужасной кончины. «Это сделали люди. Люди сделали это!» Отец Хвичжи сжимал мою руку, без конца повторяя эту фразу.

Ты же знаешь, что́ он был за человек.

---

[19] Примечания: 19

Во время бомбардировки Хиросимы в городе проживало около 140 тысяч корейцев, большинство из которых оказались там в результате принудительной трудовой мобилизации. Около 20 процентов непосредственных жертв бомбардировок были корейцами.

[20] Примечания: 20

Уезд в провинции Канвондо, Южная Корея.

Он был благодарен за все, каждый день благодарил Господа за то, что дарует ему жизнь… Самчхон, знаешь, когда мы еще жили в Сэби давным-давно и страшно голодали, он ведь был всегда благодарен просто за то, что мы прожили очередной день. Поначалу я даже думала: вот ведь дурной человек, но таким уж он уродился. В моей семье тоже все католики, и меня крестили в детстве, но такой сильной веры у меня не было. А вот отец Хвичжи был другим.

И такой человек хватает меня за руку и говорит: «Матушка Хвичжи, я ведь больше не могу молиться. Чем был занят Господь в тот момент? Что он делал, когда умирали дети, невинные люди, когда их разрывало на куски?»

«Это не вина Господа, — ответила я, — это люди, люди совершили такое. У Господа тоже болит сердце».

«Матушка Хвичжи, почему же всемогущий Господь наблюдал за этим сложа руки? Я не хочу каяться перед Господом, который просто грустил за нас. Не хочу молить его, говоря, что все это моя вина.

Если он и вправду существует, я хочу потребовать от него ответа. Чем он был занят в тот момент? Я не могу стоять на коленях перед ним, как раньше, и благодарить за все. Да, он спас меня. Но если я буду благодарить его за это… то что насчет остальных? Тех, кто погиб там?»

Самчхон, я хоть и не такая верующая, но меня многому учили. Слова отца Хвичжи страсть как меня испугали. Я впервые видела, чтобы он на кого-то так злился, и смотри, это оказался Господь. «Батюшка Хвичжи, грешно это, не говори так», — взмолилась я, но без толку. Раньше он бы твердил: «Спасибо тебе, Господи!», каждый день благодарил бы его за то, что спас его и позволил вернуться в Чосон. А теперь он хочет, чтобы Господь просил прощения у него самого. Страшное это дело.

В тот день отец Хвичжи поведал мне столько всего, что трудно поверить, а на следующий день ему резко стало хуже. Как подумаю, что он так и уйдет в иной мир — злой на людей, злой на Господа, в такой печали, — у меня сердце разры-

вается.

«Ты запомнишь? Запомнишь?» — он несколько раз спросил у меня, никак не успокаивался. «Конечно. Я запомню все, что ты мне поведал, батюшка Хвичжи, все сохраню в памяти», — ответила я тогда. Это последнее, что я могла для него сделать.

Ох, Самчхон, сколько я всего понаписала. Помнишь, я писала, что рада тому, что отец Хвичжи побыл с нами хотя бы недолго? Что это лучше, чем проститься, ни разу не увидевшись? Это все неправда. Я не могу смотреть на то, как он мучается. Даже в аду не так плохо, как здесь, Самчхон. Глупости это все, глупости. Я не могу этого вынести. Я не выдержу, не выдержу.

Самчхон, прошу тебя, ты уж запомни отца Хвичжи. Это его последний завет. Помни о нем, моя Самчхон.

30 апреля
1950 года,
Сэби

Мой голос так сильно дрожал, что мне несколь-

ко раз приходилось останавливаться.

— Нелегкое чтение, да, — сказала бабушка.

Я молчала.

— Ощущения совсем другие. Слушать твой голос… Не то что я читаю себе сама.

Бабушка закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Так, значит, после расставания в Кэсоне вы так и не увиделись с дядюшкой Сэби?

— В тот день на вокзале я видела его в последний раз. Он улыбнулся мне. До сих пор помню ту рассеянную улыбку. Когда он скончался, никому не удалось поехать в Сэби.

— Даже прабабушке?

— Отец тоже не смог поехать, уж не знаю почему. Отец с матерью были не из тех, кто показывает свои слезы. Насколько я помню, в моем присутствии они никогда не плакали. Отец выглядел рассерженным, а мама работала как сумасшедшая. В такой атмосфере я не могла даже заговорить о дядюшке Сэби. Поэтому мне было одиноко. Я сидела одна под забором и шептала: «Дядюшка, как вы там? Дядюшка, дядюшка». Мне ведь уже почти восемьдесят, много людей пришлось проводить в последний путь. Но я никак не могу забыть смерть дядюшки Сэби — может, потому, что я тогда впервые столкнулась с ней.

Мне казалось, он так близко, в моем сердце он был совсем рядом. До сих пор не верится, что он ушел навсегда, что я больше не смогу дотянуться до него. — В конце этой длинной тирады бабушка резко нахмурилась. Похоже, ее опять пронзила боль. — Так странно рассказывать тебе об этом… С тех пор как он покинул нас, прошло столько времени, что теперь я вспоминаю о нем с улыбкой.

Бабушка улыбнулась и посмотрела на меня. Я встретила ее взгляд, а затем достала очередное письмо и снова приступила к чтению.

Моей Самчхон.

Похороны отца Хвичжи прошли хорошо. Я опять вернулась в дом свекрови. Кроме старшей невестки и Хвичжи, никто со мной не разговаривает. Все меня избегают.

Мне было досадно, и я вдруг вспомнила о тебе. Помнишь, хозяин мельницы однажды накричал на меня? Ругался, что я двигаюсь слишком медленно. По дороге домой я жаловалась, что мне досадно, а ты тогда сказала: «Что еще за досадно? Если грустно, то скажи, что тебе грустно, если злишься, то скажи, что злишься.

Какая еще досада? Терпеть не могу это слово. Если рассердилась, так и скажи. Если не можешь признаться, то что мы за друзья?» Так вот, сидела я во дворе, вспоминала об этом и поняла: неправда это, что мне досадно. Какая уж тут досада! Это злость. Самчхон, помнишь, как ты мне говорила? Если твердить все время, что тебе тоскливо и грустно, и ни разу даже не разозлиться, то это чувство сточит тебя изнутри. Теперь я вспоминаю твои слова.

В мае в Сэби задул теплый ветерок, и мы смогли проводить отца Хвичжи, не дрожа от холода. Земля оттаяла — копать было не так тяжело. В холода земля замерзает так, что лопата не входит, — вот он и продержался до тепла. Он говорил об этом в шутку, но, может, и впрямь оно помогло ему отпустить душу.

Отец Хвичжи перед смертью очень просил меня об одном. Сказал, что не хочет

принимать Елеосвящение[21]. Он даже написал письмо, когда был еще в сознании. Там несколько раз повторялось только о том, что он в твердом уме отказывается от обряда просто потому, что не хочет. Перед его смертью в больницу пришел знакомый священник. Я показала ему письмо отца Хвичжи в присутствии всей семьи и сообщила, что он отказался принимать Елеосвящение. Святой отец ответил, что тогда он не вправе проводить обряд. Как бы свекровь с деверем его ни умоляли, он заявил, что не будет проводить обряд против воли умирающего, и ушел.

И тогда… свекровь обозвала меня сумасшедшей бабой и дала пощечину. Меня впервые в жизни ударили по лицу. Но не могла же я ответить ей тем же? Но и промолчать не могла. Так что я посмотрела ей прямо в глаза и заявила, что не нарушу даже самого малого обещания, данного мужу. А она мне в ответ: «Мерзавка, ты

[21] Примечания: 21

В католической традиции таинство, совершаемое над тяжелобольным или умирающим человеком. Оно включает исповедь, помазание освященным елеем и молитвы, чтобы простить грехи, укрепить душу и подготовить к смерти.

закрыла двери в рай для моего сына!» Я тогда схватила ее за плечи и закричала: «Матушка, а ну возьмите свои слова назад! Если батюшка Хвичжи не попадет в рай, то никому на этом свете нет туда дороги! Господь все понимает, он поймет, почему батюшка Хвичжи так поступил! Следите за языком!»

Я хоть и не сильно верую, но, говоря те слова, вдруг подумала: а ведь и правда! Господь все понимает, он примет отца Хвичжи, приголубит его. Поначалу мне и самой было неспокойно. Не могла я слушать о том, что он хочет извинений от самого Господа, что злится на него. Я же страшная трусиха. Но нет… Если бы он взаправду отрекся от Господа, он бы не злился так и позволил бы родным провести обряд. Если бы он не любил Господа, пошел бы в церковь, посидел бы тихонько на мессе. Он бы не стал так упрямиться.

Опустили мы отца Хвичжи в могилу, а на пути домой я увидела на небе луну средь бела дня. «Ох, не любоваться ему больше своими прекрасными глазами на эту луну. Не видать ему любимых вещей…

ни неба синего, ни цветущих майских полей, ни доченьки нашей», — зарыдала я. Но иду дальше, а луна все впереди меня. Как будто хочет что-то мне сказать. Удивилась я, подняла глаза к небу, а эта круглая луна выглядит точно дверь в небеса. Он откроет эту дверь и войдет. Мой муженек… Войдет туда и встретится лицом к лицу со своим Господом, которого так ненавидел и любил… Я ничуточки не сомневаюсь в этом. Только этими мыслями и держусь.

Самчхон, я так скучаю по тебе. И почему я не писала тебе об этом раньше? Береги себя, моя Самчхон.

14 мая
1950 года,
Сэби

Некоторое время мы просто молчали, окунувшись с головой в рассказ тетушки Сэби. Я вложила письмо обратно в конверт, затем в коробку и закрыла крышку.

— Вам пора отдыхать.

— Задержала я тебя сегодня, — сказала бабушка, бросив взгляд на настенные часы.

— Все равно мне дома нечего делать.

— Пристала к молодой девушке, заставляю письма мне читать.

— Все в порядке. Я потом еще вам почитаю.

— Ну спасибо тебе, — с этими словами бабушка слегка коснулась моей ладони.

Не прошло и пары минут, как ее дыхание выровнялось и она заснула. Я осторожно сняла ее руку со своей, взяла чашки и отнесла их на кухню. Вымыв посуду, я снова зашла в спальню и, стоя в тишине, рассматривала лицо бабушки. Она спала на спине, повернув голову влево и слегка приоткрыв рот. На ее лбу проступили морщины, и казалось, что ей снится что-то плохое. Я подумала о том, что где-то на этом лице все еще остается отпечаток двенадцатилетней Ёнок, которой пришлось похоронить свою тоску по дядюшке Сэби, не говоря никому ни слова, в одиночку плача у забора. Я достала сложенное в углу одеяло, укрыла бабушку, беззвучно вышла в подъезд и закрыла за собой дверь.

Мы блуждаем по темному океану в круглой голубой лодке, зная, что большинство из нас покинет этот мир, не дожив и до ста лет. Куда мы отправляемся потом? Иногда меня посещают такие мысли. По сравнению с возрастом Вселенной

или даже возрастом Земли, что куда короче, разве наша жизнь не слишком мимолетна? Я не понимала, почему столь короткая жизнь временами кажется такой длинной и полной боли. Я ведь могла быть дубом или диким гусем, так почему мне суждено было родиться именно человеком?

Намерение лишить жизни стольких людей с помощью атомной бомбы и сила, что воплотила это намерение в жизнь, — все это исходило от людей. Я тоже такой же человек, как они. Я долго думала о страданиях, что приносит человек, сотворенный из звездной пыли, и о том, каким образом сложились пылинки звезд, чтобы появился человеческий род. Прикасаясь к своему телу, я думала о том, что когда-то, возможно, тоже была звездой или осколком во вспышке сверхновой. Все воспринималось с неожиданной новизной.

7

Приехав на выходные в Сеул, я с мамой отправилась на прогулку к Горе с маяком, располагавшейся неподалеку от ее дома. Люди называли ее так, потому что на вершине стоял сигнальный маяк, но на самом деле это была не гора, а небольшой холм, высотой метров сто пятьдесят. Мама сказала, что с тех пор, как к ней стали возвращаться силы, она гуляет там по тропинке и иногда даже доходит до вершины. Холм был маленьким, но сплошь усажен деревьями, в воздухе пахло зеленью, и казалось, что мы в настоящих горах.

Медленно шагая, мама широко размахивала руками. Это показалось мне милым, я рассмеялась и принялась повторять за ней. Она нарочно замахала руками еще сильнее и тоже расхохоталась, словно иронизируя сама над собой. Июльское солнце жарило так сильно, что пот лился ручьем даже без лишних движений. То ли от жары, то ли от радости прогулки я расслабилась и впервые за долгое время общалась с мамой безо всякого напряжения. Мне хотелось показать ей, что вопреки ее ожиданиям у меня все идет хорошо.

— Вы часто видитесь с тетей Мёнхи?

— Ну да. Мёнхи живет по шестой ветке метро, ей удобно приезжать ко мне. Мы вместе ходим обедать.

— А когда она уезжает в Мексику? — осторожно поинтересовалась я.

— Скоро. Кстати, я как раз хотела сказать тебе… — Мама отвернулась, избегая моего взгляда. — Я собираюсь поехать вместе с ней, в гости.

Я удивилась. Потому что даже подумать не могла, что она может решиться на такое. Мама никогда не говорила о том, чего хочет сама. Видеть ее такой, как сегодня, было необычно, но приятно.

— Переживаю, чем твой отец будет питаться… Хотя перед домом как раз недавно открыли магазинчик с домашними закусками, я наказала ему покупать еду там.

— А он что?

— Говорит, я совсем сбрендила, — сказала мама и громко рассмеялась. — Ну да, я сбрендила. Собралась куда-то вместо того, чтобы мужу еду готовить. В какую-то Мексику.

Мама снова засмеялась, а потом продолжила спокойным тоном:

— Мёнхи и раньше звала меня в Мексику, но я почему-то думала, что это невозможно. Пом-

нишь? Когда мне сделали операцию в первый раз, я велела тебе пойти домой и приготовить отцу поесть. Настолько я была не в своем уме. Но теперь, снова встретив Мёнхи, я больше не хочу упускать…

— Что упускать?

— Жизнь.

Человек, который ни разу в жизни никуда не ездил, даже с друзьями в поездку с ночевкой, не был за границей, за исключением одной совместной поездки с мужем в Японию, стоял передо мной и заявлял, что не хочет упускать жизнь.

— Мёнхи недавно напомнила мне кое-что. Я рассказывала ей, когда мы еще работали на почте, что хочу посмотреть мир, поездить везде. Но я вышла замуж, а дальше ты сама знаешь… — Мама подошла к лавочке и присела. — Это ненадолго. Я пробуду там всего месяц. Отдохну в гостях у Мёнхи.

Мама умоляюще посмотрела на меня, как подросток, отпрашивающийся у родителей в первое в жизни путешествие с рюкзаком за плечами.

— Мам, живи как тебе хочется. Только будь осторожна. Главное, чтобы ты была в безопасности. Это единственное, что меня волнует. И не беспокойся о папиной еде.

— Хорошо, спасибо тебе.

Она выдохнула с облегчением. Как будто не решилась бы поехать без моего разрешения. Она сказала, что, несмотря на возражения отца, уже забронировала себе билеты в Мексику. На мое замечание о том, что я и не подозревала, что у нее есть и такая сторона, она ответила, что и сама не знала о ней до сих пор.

— Да это прямо революция, — пошутила я, и мама захохотала, хлопая в ладоши.

Воспользовавшись благоприятной атмосферой, я поделилась с ней, что уже несколько раз виделась с бабушкой. Что приглашала ее к себе домой, мы вместе ужинали, а бабушка рассказывала мне о прошлом. Мама выслушала меня, закусив губу, и кивнула в конце:

— Я иногда думала о том, что, несмотря на наши с ней разногласия, было неправильно не давать тебе видеться с бабушкой.

— Ты не думаешь, что не приглашать ее на мою свадьбу было уж слишком?

— Ты так считаешь?.. — Мама поднялась со скамейки и посмотрела на меня сверху вниз. — Это так странно. Человек, который причинил тебе столько боли, для другого может быть хорошим.

Я смотрела на маму, пытаясь понять, что

она чувствует. Она говорила тихо, безо всяких эмоций в голосе, но при этом казалась слегка рассерженной и недовольной тем, что ей вообще приходится обсуждать это. Повернувшись ко мне спиной, мама побрела дальше в гору. Я поспешила догнать ее.

— И все же я рада. Что у тебя там есть человек, которому ты можешь довериться, — сказала мама.

— На работе коллеги тоже хорошие.

— Правда?

— Честно.

— Как бы ты там насовсем не осталась.

— Я сама знаю, что лучше для меня, мам.

Оставив меня без ответа, она молча зашагала дальше с каменным лицом.

— Ты не можешь хотя бы раз просто довериться мне? Это так сложно?

Мама остановилась, повернулась и посмотрела на меня с усталым выражением лица.

— Ты могла бы жить намного лучше, чем сейчас. Ты ведь такая умная, такая яркая — мне иногда даже не верилось, что ты моя дочь.

— Тебе настолько не нравится то, как я живу сейчас? — спросила я со слезами в голосе, и она растерялась:

— Я ведь не это имела в виду. Просто я желаю для тебя лучшей жизни.

— Мам, для меня это потолок. Знаешь, сколько в этом мире людей умнее меня? Я не такая уж особенная. Даже моя работа сейчас намного выше моих способностей, мне повезло.

— Я же не только о работе говорю.

— Хватит, мам.

— Ладно, — коротко бросила мама и прибавила скорости. Она тоже понимала, что, если мы продолжим этот разговор, ничего хорошего не выйдет.

Всю мою жизнь мама возлагала на меня надежды и разочаровывалась во мне. По ее мнению, такая умная и образованная женщина, как я, просто обязана была жить жизнью, о которой она сама и мечтать не смела. Когда я решила выйти замуж за парня из бедной семьи, без гроша за душой, мама сначала сильно расстроилась, но потом быстро передумала, удовлетворившись тем фактом, что я в принципе выхожу замуж и буду иметь нормальную семью. Мама окружила зятя заботой. Она ожидала, что мы с ним обустроим семейную жизнь и будем выглядеть приличной парой в глазах общества.

Я не смогла оправдать даже этих скромных на-

дежд. И заставила ее совершенно разочароваться во мне. Я понимала, что вместо того, чтобы пытаться заслужить мамино одобрение и каждый раз чувствовать себя уязвленной, мне стоит удовлетвориться тем, что я получаю признание на работе и поддержку от друзей. Однако сердце отказывалось принимать то, что я понимала умом. Ребенок — это не сувенир, который мать может выставить на свою витрину, кричала я про себя, но мое сердце все еще болело, потому что я знала: мамино желание не ограничивается только тем, чтобы хвастаться мной перед знакомыми. В нем таится что-то еще.

Мы молча брели вверх, пока не достигли вершины холма. На смотровой площадке мы остановились, чтобы полюбоваться открывавшимся с нее видом.

— Как много зданий! — заметила я.

— Ну это же Сеул. Посмотри туда, Чиён. — Мама показала на горы, которые открывались нашему взгляду. — Это Намсан. А вон там слева — Кванаксан.

— Точно?

— Конечно точно.

Мы поднимались медленно, но мама все равно до сих пор не могла отдышаться.

— Мам, тебе надо усерднее заниматься спортом. Раз уж ты собралась в Мексику.

— Буду заниматься ходьбой до отъезда.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Мама посмотрела на меня со смущенной улыбкой. Глядя на нее, я подумала, что не чувствую с ней прежней близости. В ее взгляде, направленном на меня, тоже читалась дистанция. В наших отношениях больше не существовало психологических поединков, как раньше, когда мы по нескольку дней подряд соревновались друг с дружкой в презрительном молчании. Мы больше не позволяли разгораться крупному пожару: вместо этого, бросив в собеседницу лишь малую искру, мы тут же чувствовали смущение. Это означало, что наши отношения больше нельзя было назвать близкими. В глазах обеих читался страх того, что случайно нанесенная рана может стать поворотным моментом, после которого уже ничего будет не вернуть. Мы больше не могли ругаться до победного конца. Из боязни, что этот конец действительно наступит. Спускаясь с холма, мы обменивались ничего не значащими фразами.

Спустя несколько дней по пути с работы я за-

метила на противоположной стороне дороги бабушку, толкающую перед собой тележку в сиреневую клетку. Я развернула машину и притормозила.

— Вам разве можно уже выходить? Садитесь в машину. — Я вышла из автомобиля и погрузила тележку на заднее сиденье. — Куда вы идете?

— Никуда не иду, — ответила бабушка с шаловливой улыбкой.

— Но вы же шли.

— Это я спортом занималась. Упражнялась ходить. Врач сказал, что я слишком засиделась дома и скоро совсем без мышц останусь, велел ходить. А ты куда едешь?

— Я ехала с работы и развернулась, чтобы вас подвезти.

— Ужинала?

— А вы?

— Еще нет.

— Не хотите поесть онсими[22]? Я знаю одно местечко рядом с автовокзалом.

Бабушка кивнула.

С началом пляжного сезона в центре Хвирёна стало довольно оживленно. Перед ресторанами,

---

[22] Примечания: 22
Суп из картофельных клецок.

известными вкусной едой, нередко можно было заметить длинные очереди. Это зрелище очень отличалось от облика городка зимой. Дорога до ресторанчика тоже оказалась более людной, чем обычно.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовалась я после того, как мы с бабушкой уселись друг напротив друга за столик и заказали клецки с кунжутом.

— А, ты про ребро? Уже почти зажило, — отмахнулась бабушка, разливая по стаканам воду. — В прошлый раз я заснула и даже не слышала, как ты ушла… Нынче только голову к подушке поднесу — сразу засыпаю.

Мы не стали обсуждать письма, которые читали в прошлый раз. Бабушка в очередной раз извинилась, что заставила меня так утруждаться, а я почувствовала обиду на нее. Если бы наши отношения были как у настоящих бабушки с внучкой, она бы не стала каждый раз так церемониться и извиняться.

Мы ели почти в полном молчании. Водрузив картофельную клецку на ложку, бабушка несколько раз усердно дула на нее, прежде чем отправить в рот, и это живо напомнило мне маму. Та тоже не любила есть горячую еду, и на

то, чтобы съесть миску лапши с бульоном, у нее всегда уходило много времени — она ждала, пока та остынет.

Я выпила чай сучжонгва[23], который подавали на десерт, и поднялась, чтобы рассчитаться, но бабушка остановила меня, велев не тратиться на нее, и заплатила сама.

— Заплатишь в следующий раз, — сказала она.

После ужина на улице все еще было светло, и небо было окрашено в синие тона. Я усадила бабушку на пассажирское сиденье и поехала в сторону пляжа. Я чувствовала усталость, но мне не хотелось упускать такой прекрасный летний вечер.

Напротив пляжа рядами выстроились ресторанчики с морепродуктами, которые от берега отделяли широкая автомобильная дорога и просторный тротуар. Я достала с заднего сиденья тележку и подала бабушке. Она оперлась обеими руками на ручку и медленно двинулась вперед. На пляже весело болтали туристы, кто-то запускал в небо фейерверки. На уличных столиках перед ресторанами веселые компании наслаждались алкоголем. В воздухе явно ощущался

[23] Примечания: 23

Традиционный корейский сладкий напиток из корицы и имбиря, подают в охлажденном виде.

запах лета.

— Кстати, о той фотографии. Прабабушка и тетушка Сэби выглядят на ней лет на тридцать. Значит, они еще раз встретились после той разлуки?

— А, то фото. Оно было сделано уже после войны.

— Тетушка Сэби вернулась в Кэсон?

Бабушка с улыбкой укорила меня:

— Как, по-твоему, они оказались бы в Кэсоне после войны? Тогда мы с тобой сейчас были бы в Северной Корее.

— Тогда…

— Они были в Хвирёне, — ответила бабушка и опять хитро улыбнулась.

— Здесь?

— Ну да. Это фото было сделано в Хвирёне после войны.

Я достала телефон и снова вгляделась в снимок.

— Посмотри туда.

Бабушка указывала пальцем на белого воздушного змея в форме ромба, с двумя длинными хвостами, который развевался высоко в небе над морем. Мы замедлили шаг и остановились полюбоваться им. Слух ласкал шум прибрежных

волн.

— Бабушка!

— Да?

— Как прабабушка оказалась в Хвирёне?

— Как тебе сказать… — задумчиво протянула она и замолчала.

Только спустя пару минут она, словно колеблясь, нерешительно продолжила.

В то утро шел дождь. Откуда-то издалека доносился грохот. Вскоре появились солдаты, марширующие ровными шеренгами. Грохот не умолкал и со временем становился все ближе. Ночью раздался такой шум, будто разверзлись небеса. Бабушка сказала, что только позднее поняла, что это был звук низко летающих истребителей.

Как-то раз она играла на улице, когда мимо нее со связанными руками среди прочих протащили хозяина мельницы, где работал прадедушка. Она до сих пор не могла забыть, как на одно мгновение встретилась с ним глазами. Мгновение, когда человек, который всегда казался ей непобедимым, посмотрел на нее обреченным взглядом пленника.

На следующий день хозяина мельницы расстреляли на стадионе школы, в которую ходила

бабушка. Все жители округи, включая детей, должны были прийти на этот стадион — доказать, что не являются политическими преступниками. Прабабушка и прадедушка тоже были в этой толпе. Вместе с Ёнок, своей двенадцатилетней дочерью.

Бабушка сказала, что так и не поняла, зачем детей тоже заставляли смотреть на это зрелище. Ей пришлось бессильно наблюдать за тем, как солдаты пускали по несколько пуль в каждого человека. Кричать или плакать было нельзя, поэтому она просто стояла, застыв как дерево, и притворялась, что ничего не чувствует. День был жаркий, но ей было зябко из-за проступившего холодного пота. Бабушка сжимала кулаки, пока на ладонях не проступила кровь, мечтая лишь о том, чтобы все это скорее закончилось, чтобы они убили жертв с одного выстрела, чтобы им не пришлось долго мучиться. Она изо всех сил пыталась держать себя в руках.

Только когда закончилась казнь всех десятерых преступников, людям было позволено покинуть стадион. По дороге домой прабабушка просто молча смотрела перед собой. Даже двенадцатилетней девочке в тот момент было ясно, что демонстрация эмоций может быть опасной. Стра-

шась взглядов окружающих, она тоже старалась вести себя как ни в чем не бывало. Даже вернувшись домой и закрыв за собой дверь, прабабушка то и дело повторяла: «Надо держать себя в руках, мы выживем, только если будем держать себя в руках».

Бабушка сказала, что в тот день умерли не только те десять человек. Умерла и прежняя Ёнок, а та Ёнок, что родилась после того события, стала совершенно жалким человеком. До самой смерти ее родителей бабушка ни разу не заговаривала с ними о том дне. Но каждый из них был надломлен по-своему. Внешне сильнее всех изменилась прабабушка. Даже после окончания войны она не могла заснуть без снотворного. Она стала мнительной и терзалась от мыслей о том, что в любой момент кто-то легко может расправиться и с ней. Никто не мог заставить ее думать обратное.

— Я впервые рассказываю кому-то об этом. Раньше я отнекивалась, говорила, что позабыла все, потому что это было слишком тяжело. Забудешь тут, как же! С возрастом воспоминания становятся только ярче. Разве такое забудешь?

Бабушка призналась, что война глубоко изъела ее сердце червоточиной.

— Червоточиной?

— Да. Я превратилась в жалкого, отвратительного человека… И по отношению к твоей матери тоже.

Бабушка тихо всхлипнула. Я удивилась такому проявлению чувств, но сделала вид, что ничего не заметила, и просто тихо шла рядом с ней.

Она сказала, что некоторые сцены из прошлого до сих пор живо стоят перед ее глазами. Она ясно помнила, как родители тихо шептались о том, что надо бежать на Юг, а издалека доносился гул бомбардировок.

Однажды посреди ночи бабушка вдруг услышала, как кто-то зовет ее по имени. Судя по задорному лаю Веснушки, это был кто-то знакомый. Пока прадедушка поднимался с постели и вопрошал в темноту: «Кто там?», прабабушка уже торопливо распахнула двери и тут же воскликнула: «Сэби!» Был уже конец осени, и в комнату резко хлынул прохладный воздух. На пороге стояли тетушка Сэби и Хвичжа.

— Батюшка Ёнок, вы уж простите, что мы так ворвались посреди ночи, — с этими словами тетушка Сэби пропустила Хвичжу внутрь и вошла следом за ней. Прабабушка зажгла керосиновую лампу. Слабый свет озарил застывшие лица ночных гостей. Тетушка Сэби держала в руках

огромный узел, у Хвичжи тоже были с собой вещи. Раньше прадедушка и прабабушка накинулись бы на визитеров с радостными объятиями, но теперь они смотрели на них с обеспокоенными лицами.

— Матушка Хвичжи, что случилось? — наконец спросил прадедушка.

— Батюшка Ёнок, позволите нам остаться у вас на пару дней? Мы идем в Тэгу. Там живет моя тетя по отцовской линии…

— Можете оставаться сколько хотите, но в чем же дело? Вы так внезапно… Хотя бы расскажите, что произошло.

— Мы не принесем вам вреда. Только пару дней…

Тетушка Сэби застыла в нерешительности, и вместо нее встряла Хвичжа:

— В Сэби был переполох, дядю утащили в горы…

— Хвичжа! — тетушка Сэби резко оборвала дочь.

Она молчала, но потом все же рассказала о случившемся. Ее брата поймали по пути на поле, утащили в горы и расстреляли. Тетушка Сэби несколько раз подчеркнула, что ее брат не был связан ни с какой идеологией.

Услышав новости, свекровь приказала тетушке Сэби убираться из ее дома. Причина была проста: она не хотела, чтобы семью заподозрили в связях с политическим преступником. Если бы Хвичжа родилась мальчиком, разговор был бы другим, но к внучке свекровь не питала никаких чувств. Когда невестке велели немедленно забрать ребенка и больше никогда не возвращаться, тетушка Сэби тут же собрала вещи и покинула тот дом.

— Мы только на пару дней, мы не принесем вам вреда.

— Хорошо, но только на пару дней. Вам надо поспешить в Тэгу.

— Спасибо, батюшка Ёнок! Спасибо! — рассыпалась в благодарностях тетушка Сэби, но бабушка с грустью наблюдала за ее растерянным лицом.

Прадедушка, который вначале сказал, что они могут оставаться сколько угодно, услышав о произошедшем в Сэби, заявил, что они могут пробыть только пару дней. Повел бы он себя так же, если бы дядюшка Сэби был еще жив? Бабушка заметила, как сильно это задело тетушку Сэби.

— А ты, Хвичжа, больше никому не рассказывай о том, что случилось с твоим дядей. Нигде и никогда. Это ради вашего же блага. Поняла? Ёнок, ты тоже смотри мне, никому ни слова.

— Поняла, дядюшка, — ответила Хвичжа и спрятала лицо на груди матери.

— Вот и хорошо. Вы, стало быть, устали от дальней дороги. Отдыхайте, — сказал прадедушка и улегся спать.

Только теперь прабабушка и тетушка Сэби смогли наконец выказать всю радость от воссоединения. Хвичжа тут же принялась обнимать подругу.

На следующий день прабабушка и тетушка Сэби поднялись рано, еще до восхода солнца. Сидя на постели, тетушка Сэби шепотом рассказывала прабабушке о том, что произошло с ней в родной деревне.

Когда свекровь велела ей убираться из дома, старшая невестка в слезах принялась удерживать ее, но тетушка Сэби спокойно отправилась собирать вещи. Она вышла из дома не оглядываясь, но вдруг услышала, как сзади что-то разбилось. Это Хвичжа кинула камнем в керамический чан для хранения соевой пасты. Свекровь больше всего на свете дорожила своими бочками с пастой из цельных бобов. В нос ударил терпкий густой запах.

— Эта мерзавка совсем ума лишилась! — завопила свекровь и ударила девочку по голове.

Она и раньше несколько раз поднимала на внучку руку, но тетушка Сэби боялась вставать на защиту дочери. Однако, увидев, как свекровь бьет девятилетнего ребенка, которого только что выставила из дома в самый разгар войны, тетушка Сэби не выдержала.

— Уберите от нее руки! Она ведь больше не ваша внучка, или не так? Даже звери знают, что нельзя бить по голове!

— Что ты сказала?

— Вы всё еще считаете себя человеком после такого? Это низко!

С этими словами тетушка Сэби плюнула на землю к ногам свекрови, схватила дочь за руку и ринулась прочь.

У прабабушки болело сердце от рассказа тетушки Сэби. Даже потеряв родного брата, та изо всех сил старалась держать себя в руках, и, похоже, ей ни разу не удалось оплакать его кончину. А теперь она одна, без мужа, с маленькой дочерью направлялась в совершенно незнакомое ей место. Прабабушка хотела бы предложить ей остаться у них, но прадедушка беспокоился, что история с тетушкой Сэби может плохо сказаться и на их семье.

— Береги себя, Сэби. Я так за тебя переживаю…

В глазах прабабушки стояли слезы. Она больше не доверяла людям. Представляя, с чем придется столкнуться тетушке Сэби с дочерью на пути в Тэгу, она не могла отыскать в себе ни проблеска оптимизма.

— Ну чего ты плачешь… — Тетушка Сэби успокаивающе постучала прабабушку по спине. — Я же не умерла. Вот она я, тут.

— Я думала, что, когда мы увидимся снова, будет одна только радость. Думала, мы будем рассказывать друг другу о том, что с нами случилось за это время, и спрашивать: «Правда? Да ты что?» Думала, мы будем смеяться вместе, как раньше.

— Посмотри на себя, ты, оказывается, и плакать умеешь, Самчхон. Ты же вечно меня дразнила плаксой, а теперь кто из нас плакса?

— Я бы и не плакала, если б не ты.

Прабабушка утерла слезы рукавом и взглянула на подругу. Поступила бы она так на ее месте? Она не могла за это поручиться. Прабабушка не была уверена, что осмелилась бы покинуть дом и пуститься в опасную дальнюю дорогу с девятилетней дочерью.

— Разве нет другого пути? — взмолилась она, но тетушка Сэби лишь покачала головой.

— Говорят, от Кэсона до Сеула четыре дня пеш-

ком. Сначала пойдем в Сеул…

— Как твоя свекровь могла так поступить? Разве ж это по-людски…

— Нам пришлось бы уйти, даже если бы она нас не выгнала. Нынче людей хватают и убивают по любому поводу — как тут выживешь?

Тетушка Сэби приложила ладонь ко лбу и посмотрела на прабабушку.

— Самчхон.

— М?

— Мой брат… он ничего не знал.

— Знаю.

— Идеология или что там — он даже слов-то таких не знал.

— Да знаю я.

— Правда.

— Сэби, я все понимаю.

Тетушка Сэби повторила одно и то же еще несколько раз. Бабушка следила за ней с тревогой.

Хвичжа рассказала бабушке, что тетя в Тэгу, к которой они направляются, очень богата и живет в огромном доме. Она сказала, что в Тэгу тепло даже зимой и они с мамой прекрасно заживут там, ни разу не заскучав по Северу.

— Только по тебе буду скучать, онни[24].

Хвичжа принялась вспоминать о временах, когда они вместе жили в Кэсоне. «А помнишь? Помнишь?» — без конца спрашивала она, пытаясь проверить, помнит ли бабушка столько же, сколько она. Некоторые вещи бабушка уже забыла, но все равно отвечала, что помнит, чтобы не расстроить Хвичжу. Конечно, она и сама помнила немало. Например, о том, как прабабушка приносила с мельницы тток инчжольми[25] и делила их поровну между двумя девочками, как однажды бабушка упала на холме перед школой и сильно поранила лодыжку, как дядюшка Сэби прыгал через скакалку вместе с Хвичжой, как они вместе дули на опавшие лепестки магнолии, как играли в камешки и, поругавшись, не разговаривали потом несколько дней.

Воспоминания Хвичжи были на удивление подробными и многочисленными. Она бесконечно говорила о прошлом, как человек, томимый необъяснимой жаждой. Немного спустя бабушка

---

[24] Примечания: 24

Обращение, которое женщины в Корее используют к старшим по возрасту женщинам, будь то сестра или подруга.

[25] Примечания: 25

Один из традиционных видов ттока; рисовые клецки, приготовленные из выпаренного клейкого риса, нарезанного на квадратики и обваленного в гороховой или фасолевой присыпке.

спросила ее о том, как она поживала в Сэби.

— Ничего особенного. Ходила в школу, потом помогала по хозяйству.

И на этом всё. Хвичжа не поведала о Сэби ничего больше и тут же вернулась к обсуждению их прошлой жизни в Кэсоне. Двенадцатилетняя бабушка не понимала, почему она так себя ведет. О самых мелких и незначительных деталях их жизни в Кэсоне Хвичжа говорила так, будто это было что-то чрезвычайно важное, придавая им особый смысл. Пока бабушке наконец не надоело.

— Хвичжа, может, поговорим о чем-нибудь другом?

С лица девочки пропала улыбка.

— Так ты все забыла, онни.

— Нет, я все помню. Просто ты слишком много про это говоришь.

— Тебе это не нравится, да?

— Не то чтобы не нравится, просто хочу поговорить о другом.

— О чем? О том, что было в Сэби? Что мы бежим на Юг? Нечего мне про это сказать.

Глядя на Хвичжу, которая, сидя на корточках, камнем рисовала на земле узоры, бабушка осознала, что не сумела понять чувства подруги.

— Хвичжа, а помнишь, ты тайком наелась жа-

реной кукурузы, а дядюшка тебя подловил?

— Ага! Я так наелась, что потом пукала весь день! — тут же откликнулась Хвичжа с радостной улыбкой.

Глядя на ее смеющееся лицо, бабушка не могла не вспомнить о дядюшке Сэби.

— Я помню, как дядюшка догонял тебя и дразнил. Обзывал тебя пукающим призраком.

— Точно! Мы тогда так смеялись, прямо до слез.

— Это точно.

Девочки посмотрели друг на друга и расхохотались.

— Когда это все закончится, давай жить вместе. Ты, я, тетушка Самчхон, моя мама и Веснушка.

— Давай.

— Я замуж не пойду, буду с тобой жить, онни. Я тебя больше всех люблю.

— Глупости.

Бабушка с улыбкой погладила Хвичжу по коротким волосам. Ей было девять, но она выглядела младше своего возраста, а двенадцатилетняя Ёнок, наоборот, была выше своих ровесников, поэтому их разница в возрасте казалась больше. Бабушка относилась к девочке как к любимой младшей сестренке, а та в ответ тянулась к ней

всем сердцем и во всем полагалась на старшую подругу. Однако Хвичже и тетушке Сэби нельзя было задерживаться у них надолго. Через четыре дня они собрались в путь. На улице едва занимался рассвет.

Прабабушка вручила тетушке Сэби деньги, которые откладывала на черный день. Она щедро отсыпала ей риса и ячменя, положила немного кукурузы. Подруга не смогла даже сделать вид, что отказывается из вежливости, и покорно приняла все, что ей дали.

— Если вам тоже придется бежать на Юг, вам есть куда идти? — спросила тетушка Сэби. Она и без того знала, что у прабабушки нет родственников, которые могли бы ей помочь.

— У отца Ёнок дядя живет в Сеуле.

— Я оставлю тебе адрес моей тети. Если вдруг некуда будет податься, приезжай к нам.

Тетушка Сэби написала на клочке бумаги адрес в Тэгу и протянула его прабабушке.

— Будьте осторожны, Сэби, Хвичжа, — с трудом выдавила прабабушка, ее душили рыдания.

— Хвичжа, мы обязательно увидимся, когда все это закончится. Тетушка Сэби, мы еще увидимся!

— Ну конечно, конечно. Будьте здоровы, еще увидимся.

Тетушка Сэби водрузила узел с вещами на голову и ушла, ни разу не обернувшись, несмотря на то что дочка, которую она держала за руку, без конца оглядывалась. Прабабушка махала вслед подруге и кричала: «Увидимся! Еще увидимся!» — и только когда та скрылась из виду, бессильно опустилась на землю. Она сидела повесив голову и не шевелилась. Не зная, что делать, бабушка нарезáла круги вокруг матери. Веснушка, который выбежал на улицу вслед за тетушкой Сэби, вернулся только спустя несколько часов и, уткнувшись носом в прабабушкину ладонь, жалостливо уставился на нее снизу вверх.

— Иногда мне кажется, что это все мне приснилось. Неужели я и правда жила в Кэсоне? Неужели действительно сидела во дворе и смотрела, как уходят тетушка Сэби с Хвичжой? — Бабушка устало посмотрела на меня. — Не знаю, почему мне так тяжело рассказывать об этом. Ведь столько лет прошло.

— Поедем домой?

— Постой, хочу полюбоваться на море еще немного.

Бабушка оставила тележку у входа на пляж и, осторожно ступив на песок, маленькими шажками направилась к морю. Ее слегка покачивало,

когда ноги зарывались в песок, но она все равно дошла до кромки воды.

— Вы ноги намочите!

Бабушка отступила назад, убегая от волны, и засмеялась.

— Посидим тут немного?

Мы уселись на холодный песок, задрав головы. На небе ярко светил полумесяц. Рядом с ним в высоте развевался белый воздушный змей с длинными хвостами.

Бабушка сказала, что, если бы та Хвичжа сейчас была здесь, она бы без конца спрашивала у нее: «Помнишь? Помнишь?» — и вспоминала бы тот день, когда они запускали воздушного змея вместе с дядюшкой Сэби. У нее перед глазами так и стояла картина: они все вместе делают воздушного змея, а потом поднимаются на холм, и дядюшка бежит впереди всех, подставив лицо навстречу ветру. Хвичжа вспоминала бы о том, как сильно они смеялись в тот день, как долго бегали на улице, пока их лица окончательно не замерзли от зимнего ветра. И тогда бабушка ответила бы ей: «Конечно, я тоже все помню» — и посмеялась вместе с ней.

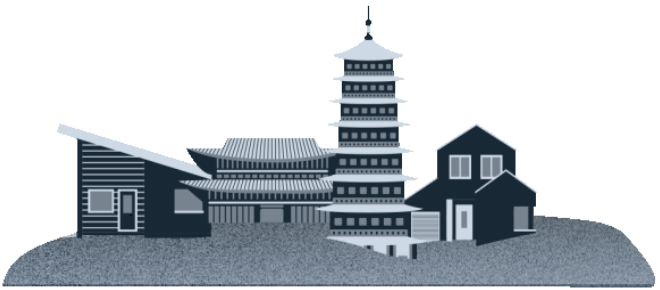
Я подумала, что Хвичжа с помощью ветра памяти возносила в своем сердце те воспоминания,

которые не хотела забывать, словно запуская воздушного змея в далекие небеса. Хотя жить с таким ветром в сердце, похоже, было не так уж радостно.

Мы не собирались задерживаться, но в итоге долго просидели в полном молчании на пляже, любуясь на море, луну и белого воздушного змея.

Издалека доносились веселый гомон и смех людей.

Часть третья



8

Спустя месяц после решения бросить принимать антидепрессанты без консультации с врачом я снова вернулась в клинику за лекарствами. В последнее время я думала, что мне понемногу становится лучше, но состояние резко ухудшилось. По вечерам у меня внезапно пересыхало в горле и учащался пульс. Усталость никак не проходила, и снова стало трудно засыпать.

Друзья говорили, что единственный способ отомстить бывшему мужу — просто счастливо жить дальше и не оглядываться назад. И я старалась. Старалась не оглядываться назад, не обращать внимания, не чувствовать ярости и грусти, забыть, сосредоточиться на настоящем, быть в порядке. И какое-то время мне казалось, что у меня получается. Поэтому я сначала снизила дозу антидепрессантов, а затем и вовсе перестала их принимать. Хотела показать всем, что мне действительно стало лучше.

Раньше я верила, что время лечит. Или просто хотела верить, что весной буду чувствовать себя лучше, чем зимой, а летом лучше, чем весной. Но меня одолела тревога. Я беспокоилась, потому

что мое состояние не улучшалось так быстро, как я ожидала. Я была одержима мыслями о том, что должна стать лучше, чем была до развода, должна стать счастливее. Тем временем заботливые голоса, утверждавшие, что я должна жить счастливо, чтобы отомстить ему, должна радоваться хотя бы и напоказ, превращались из ласково похлопывающей по спине ладони в кнут, которым меня безжалостно хлестали по спине.

В болоте боли время не было линейным. Я постоянно оступалась, делала шаг назад и проваливалась в знакомую дыру. Мной владел смешанный с тревогой страх, что мне уже никогда не выбраться из этого состояния. Почему я не могу стать такой сильной, как мне хотелось? Я ведь стараюсь изо всех сил, так почему лучше не становится? Однажды ночью, в очередной раз не в силах уснуть, вся в слезах от накативших мыслей, я решила посмотреть в лицо своей слабости.

Я всегда считала, что терпеливость — это мое преимущество. Ведь благодаря терпению мне удалось достичь большего, чем позволяли мои способности. Почему я так старалась терпеть, даже когда чувствовала, что это ломает меня? Может, чтобы доказать, что я существую? Когда это началось? С каких пор моя жизнь стала рути-

ной, где нет места наслаждению, бесконечным спискам дел, которые нужно выполнить? В какой момент жизнь превратилась в игру на выживание, где нужно решать сложные и скучные задачи, наваленные горой до самого потолка, делать работу над ошибками, сдавать экзамены и получать баллы, чтобы перейти на следующий уровень? Я не умела жить, не доказывая право на свое существование, думала, что без своих достижений не значу ничего. Это вгоняло меня в отчаяние и заставляло выкладываться на всю катушку, почти за пределами возможного. Людям, чья жизнь имеет смысл и ценность просто благодаря самому факту их существования, нет необходимости что-то доказывать. Но это с самого начала было не про меня…

Наша научная группа занималась сбором данных об астероидах в Солнечной системе. Всего нас было трое, включая меня, начальница отдела была старше меня на десять лет и когда-то училась в том же университете, что и я, у моего научного руководителя. Поэтому она приблизительно знала, что со мной произошло и почему я развелась, но в моем присутствии старалась не подавать вида.

В первый день сезона дождей мы вдвоем задер-

жались допоздна, и мне пришлось подвезти ее до дома, потому что ее старый автомобиль утром сломался посреди дороги и его отбуксировали в ремонт. Я села на водительское место, стараясь не показывать усталости. Несколько минут мы провели в молчании. В тишине я чувствовала, что она мысленно подбирает слова.

— Как тебе у нас работается?

— Никаких сложностей, все так хорошо ко мне относятся.

Снова повисла тишина.

— Сколько тебе было, когда ты поступила в магистратуру?

— Двадцать два. У меня день рождения в начале года.

— Я отлично помню тебя в том возрасте, а уже десять лет прошло. На встрече подопечных у нашего научного руководителя ты рассказывала, почему выбрала эту специальность, и твои глаза горели энтузиазмом. Я тогда страшно уставала от всего. Мне было столько же, сколько тебе сейчас. В то время мне все казалось скучным и бессмысленным, поэтому в памяти отложилось, как юная студентка воодушевленно рассказывала, почему решила учиться дальше.

— Это я? Так рассказывала?

— Да, Чиён, именно вы.

Разговор снова прервался. Слушая, как капли дождя барабанят по крыше машины, я вдруг захотела сказать вслух: «Вы ведь другое имели в виду? Вам жаль, что девушка, которая раньше была такой веселой и полной надежд, теперь еле справляется со своей работой и живет скучной и бессмысленной жизнью?»

— Мне запомнились ваши слова в тот вечер. Вы сказали, что для вас это занятие как глоток свежего воздуха. Что, изучая астрономию, вы ощущаете свободу и спокойствие.

Мне лучше, чем кому бы то ни было, известно, что я чувствовала тогда. Сам факт того, что за пределами Земли существует бесконечный мир, который человеку не дано объять, примирял меня с осознанием собственной ограниченности. По сравнению со Вселенной я была всего лишь каплей росы на траве или крошечным насекомым, чья жизнь мимолетна, как одно мгновение. Я помню, что при мысли об этом груз моего существования, всегда давивший на мои плечи, словно становился легче. Я знала, что звезды на ночном небе, связанные в узоры созвездий, на самом деле совершенно одиноки, а сгустившиеся в одну точку объекты в расши-

ряющейся Вселенной стремительно удаляются друг от друга, и этот факт словно объяснял ту печаль, которую я носила в себе с самого детства. Однако моя бесхитростная любовь к космосу поблекла после поступления в аспирантуру, и на ее место пришли желания земных масштабов. То, что казалось мне глотком воздуха в схватке за существование, стало просто моей работой, и на осознание того, что мои возможности ограничены, не ушло много времени.

— Почему вы выбрали астрономию?

— В детстве посмотрела в кинотеатре «Инопланетянина».

Я растерялась, не зная, как ответить на неловкую шутку, но начальница продолжила:

— Главный герой Е. Т. ведь добрый малый. Он лечит людей своим светящимся пальцем, становится для них другом. Мы с мамой пошли в кинотеатр на этот фильм, и вот в одной из сцен Е. Т. посмотрел прямо на меня. Не в камеру, не на всех зрителей, а именно на меня, сидящую в первом ряду. Как будто бы знал, что это я там сижу. Я до сих пор помню этот момент. Я так рыдала, когда в финале он отправился на свою планету, что маме было стыдно за меня. С тех пор у меня появилась привычка смотреть на небо по ночам.

В детстве у меня не было друзей. Но, глядя в небо, я думала, что где-то там живет мой друг.

Высадив начальницу, по пути домой я представила себе ее в детстве. Девочка, смотрящая в ночное небо. Всегда безукоризненно вежливая, правильно подбирающая слова, никогда не нарушающая личные границы, сегодня она показала мне свою слабость. Меня немного удивило, что это принесло мне утешение. Уже улегшись в постель, я подумала, что, возможно, таким способом она и вправду пыталась утешить меня.

Мама присылала мне фотографии из путешествия с тетей Мёнхи по Мексике. На снимках она дегустировала текилу на кактусовой ферме, загорала на пляже, играла в мяч на широком поле и наслаждалась разными блюдами. На ее коже лежал красивый загар, а на лице не было ни капли макияжа. И это у моей мамы, которая считала, что женщинам в возрасте непозволительно ходить без макияжа, и тщательно красилась даже для похода в ближайший супермаркет. Я отправляла ей в ответ веселые и непринужденные сообщения. Интересно, что бы она сказала, если бы узнала, что я снова начала ходить к психотерапевту? Что бы это ни было, это бы явно обидело меня.

В субботу после обеда мне позвонила бабушка.

Я проснулась поздно и, залив кипятком удон, собиралась выпить таблетки. Бабушка спросила, не хочу ли я пойти вместе с ней в ее старый дом, если у меня есть время. У меня совершенно не было сил, и я собиралась просто валяться весь день, но от ее предложения в душе что-то дрогнуло. Мне стало любопытно, что я почувствую, снова оказавшись в том доме.

Иногда мне снился бабушкин старый дом. Бетонные стены, выкрашенные белой краской, под крышей из голубого шифера. На небольшом дворе росли перцы, листья салата и низенькие цветы. Если залезть на каменную ограду, окружавшую дом, под холмом можно было увидеть море. Там пахло травой и мокрой землей.

Мы с бабушкой встретились у входа в наш жилой комплекс и медленно двинулись в путь. Вскоре по правую руку от нас показалось море. Мы остановились и молча уставились на водную гладь.

— У тебя все хорошо?

— Да, — соврала я, прекрасно зная, что бабушку не проведешь.

— Я спрашиваю, потому что ты не выглядишь хорошо.

— Со мной все нормально.

Я и сама заметила, что мой голос прозвучал слишком нервно. Бабушка замолчала.

— Давай присядем здесь, отдохнем немного.

Она села на лавочку на автобусной остановке и исподлобья посмотрела на меня. Я устроилась рядом. От нее пахло смесью чеснока и имбиря. При взгляде на меня она не могла скрыть беспокойства.

— Если бы мы остались в Кэсоне, я бы могла никогда не увидеть моря. Никогда не увидела бы этой красоты, — наконец произнесла она.

— Значит, вы сбежали на Юг во время войны?

— В первую зиму после начала войны… Мы с родителями покинули Кэсон в жгучий мороз.

В тот день дул свирепый ледяной ветер и шел мокрый снег. Бабушка собрала последние вещи и отдала остатки еды Веснушке. Глядя, как пес торопливо грызет полузасохшую кефаль, она не могла выдавить из себя ни слова. Когда семья погрузила на спины узлы и вышла из дома, Веснушка с лаем кинулся следом. Обычно, если пес выбегал за ворота за кем-то из домашних, достаточно было одного слова, чтобы он повернул обратно. Однако в тот день, как бы бабушка ни увещевала его, Веснушка упрямо следовал за ними до большой дороги. Он выл и упрямился,

будто понимая, что люди бросают его. Прабабушка опустилась на корточки на развилке большой дороги и принялась гладить пса по голове, приговаривая:

— Веснушка, малыш.

Он улегся, прижавшись пузом к земле, и жалобно смотрел на нее снизу вверх.

— Мы должны расстаться здесь. Больше не иди за нами. Прости меня…

Не успела она договорить, как пес поднялся с земли, обнюхал по очереди каждого из членов семьи и потрусил в сторону дома. Он обернулся всего лишь раз, отбежав уже довольно далеко. Бабушка не смела даже позвать его по имени, боясь, что Веснушка снова последует за ними. Глядя ему вслед, она лишь беззвучно плакала, пока шарф на ее шее не вымок насквозь. С тех пор никто из членов семьи больше не заговаривал о Веснушке. Как будто его никогда не существовало в их жизни. Это просто собака, пыталась убедить себя бабушка, но эта ложь не могла ее утешить.

Семья направлялась в Хехвадон, район Сеула, где жил дядя прадедушки. Они пустились в путь после того, как услышали, что родители прадедушки перебрались туда. Уже в дороге прадедушка узнал, что из Сеула народ тоже бежит

на Юг. Царил сплошной хаос. Люди с телегами, запряженными волами, с малыми детьми за спиной, с тюками на головах, старики и дети — разношерстная толпа рекой текла по большим дорогам и тропинкам вдоль рисовых полей. Бабушка сказала, что до сих пор помнит повалившиеся ивы и телеграфные столбы вдоль дороги, лежащие на земле оборванные провода. Когда мимо проносились военные внедорожники, толпу разрезало на две половины. На дороге тут и там лежали гильзы и обломки кирпичей. Часто встречались наполовину сгоревшие или разбомбленные дома. У прабабушки и прадедушки были при себе удостоверения жителей провинции[26], но они все равно нервничали каждый раз, когда проходили мимо блокпостов военной полиции.

Тройка беглецов готовила еду, разводя огонь под жаровней, которую они захватили из дома. После заката солнца они пристраивались на ночлег в крестьянских кухнях, амбарах или, если не хватало места, просто во дворах. Все трое жа-

---

[26] Примечания: 26

Во время Корейской войны удостоверение жителя провинции служило основным средством идентификации личности граждан, по нему военные и чиновники могли понять, из какого района человек родом, и это могло стать вопросом жизни и смерти. Отсутствие удостоверения или «подозрительное» место выдачи могло повлечь обвинение в дезертирстве или сотрудничестве с врагом.

лись друг к дружке под одним ватным одеялом, пытаясь согреться теплом своих тел. Голод, холод и усталость не позволяли уснуть. Сердце уходило в пятки каждый раз, когда мимо низко пролетал военный истребитель. Так, спустя несколько дней они добрались до Сеула.

Это случилось, когда они только пересекли район Купхабаль[27] и шли в сторону ворот Тонниммун[28]. Бабушка внезапно почувствовала, как ее нижнее белье намокло, а тело словно окоченело. Она побежала в туалет и обнаружила, что у нее начались первые месячные. До этого о месячных она слышала всего один раз, когда старшие девочки в школе обсуждали это на перемене, и теперь, не зная, что делать, решила просто терпеть. Только когда холод от промокших панталон пробрал ее до костей, она наконец призналась прабабушке.

В первое мгновение прабабушка растерялась, но затем, достав из сумки чистые панталоны и кусочек ткани, протянула их бабушке и велела менять ткань, когда она станет тяжелой. Спину

---

[27] Примечания: 27

Район в северо-западной части Сеула.

[28] Примечания: 28

Ворота Независимости — мемориальное сооружение в Сеуле, построенное в 1897 году как символ независимости Кореи от Китая.

ломило от боли, живот вздулся. Бабушка отделилась от толпы, спряталась за телеграфным столбом и мучительно извергла содержимое своего желудка.

В ту ночь они нашли себе ночлег в заброшенном амбаре, но не успела бабушка погрузиться в сон, как мать позвала ее:

— Ёнок, иди за мной.

Прабабушка привела дочь к колодцу.

— Это нужно сделать, пока есть вода.

Прабабушка до краев наполнила жестяной ковш и пошла на задний двор. Достав из-за пазухи кровавые тряпки, она велела бабушке полить их водой. Руки заледенели сразу, как только их коснулась холодная вода. Был самый разгар зимы, и бабушка почти не чувствовала рук.

— Матушка, вода совсем ледяная.

— Лей, говорю, чего стоишь.

— Но, матушка…

— Если руки замерзли, надо их полить холодной водой. Если польешь теплой, они и вовсе заледенеют. Лей, кому говорю.

Бабушка залила кусочки ткани, пропитанные кровью, холодной водой. А затем выстирала их, выжала и повесила в неприметном углу двора. Ее руки болели так, будто их рвали ледяными

щипцами.

Замерзшие путники прошли мимо района Синчхон и Женского университета Ихва. Спрашивая дорогу у каждого встречного, они наконец добрались до места назначения, но вместо дома родственников нашли лишь обугленные руины, по которым невозможно было даже понять, как это здание выглядело раньше. Молодая женщина, которая шла мимо с жестяным кувшином в руках, приблизилась к ним и сказала:

— Позавчера была сильная бомбежка. Утром выхожу за водой, а дом весь сгорел.

— Там были люди? — дрожащим голосом спросил прадедушка.

— Какие люди, тут и муравьи сто лет как не водились. Домов, где еще остались люди, мало… Эти тоже давно ушли.

С этими словами женщина двинулась дальше по своим делам. Прадедушка нашел длинную хворостину и долго рылся в засыпанных пеплом руинах. Словно пытаясь отыскать в них останки людей. Бабушка тоже бродила по черным как уголь обломкам, поддевая кончиком носка куски разбитой черепицы, и притворялась, что ищет. На улице был зверский холод, но с прадедушки градом лился пот, пока он без устали обыскивал

руины. Бабушка замерзла и проголодалась, но прадедушка был настолько погружен в свое занятие, что она не могла сказать ему, что хочет уйти. К тому времени, когда он наконец убедился, что в развалинах дома нет человеческих останков, солнце уже давно зашло. Они нашли пустой дом неподалеку и провели ночь там. Прадедушка еще несколько дней не произносил ни слова.

На следующее утро они снова пустились в дорогу. На этот раз целью был адрес в Тэгу, оставленный тетушкой Сэби. Обмотав обувь соломенными жгутами, они пересекли замерзшую реку Ханган. По льду, подталкивая друг друга, брело бесчисленное множество беженцев.

— Интересно, Сэби добиралась из Сеула пешком или на поезде… — пробормотала прабабушка, глядя на мужа. Однако прадедушка не отвечал, и она будто говорила сама с собой. — Она ведь такая маленькая, да еще и с дитем, как же они… — на этих словах прабабушка замолчала.

Такие фразы иногда слетали с ее языка от беспокойства, но она тут же обрывала себя. Бабушка ловила себя на том, что временами ненавидит своего отца за то, что не остановил тогда тетушку Сэби и Хвичжу. Он не должен был так поступать, не должен был отпускать их.

— И все же хорошо, что ты с нами, батюшка Ёнок, — повторяла прабабушка.

Но бабушке все равно было страшно. Этот страх не проходил, когда они спали в заброшенных сараях, на дворах и задворках или, если повезет, в домах или амбарах. Для женщин было неважно, кого они встречают на своем пути — солдат армии Юга или Севера, американские войска или добровольцев из Китая. Не было смысла различать, к какой из армий относятся солдаты, которые каждую ночь рыскали по жилым кварталам, насилуя женщин.

Так, спустя несколько дней они достигли Тэджона и двинулись в сторону Тэгу вдоль железнодорожных путей. Уже на подходе к городу у них практически закончились съестные припасы. Иногда в деревнях кто-то, сжалившись, угощал их рисовыми шариками и водой, но чаще всего троим путникам приходилось обходиться одним скудным приемом пищи в день. Однажды, жуя на ходу полученные от добрых жителей рисовые шарики, бабушка столкнулась с незнакомой девочкой. На вид ребенку было не больше шести лет, и она была совсем одна, без семьи. Один глаз у нее опух из-за ячменя, а одета она была в тоненький весенний плащ. Девочка крепко вце-

пилась пальчиками в подол юбки прабабушки и не сводила с нее взгляда.

Прабабушка достала из узла теплую одежду бабушки, надела на ребенка и укутала ей голову шарфом. Отделив несколько вареных картофелин и немного батата, завернула их в платок и протянула девочке. Затем она оторвала ее руки от своей юбки и зашагала прочь. Девочка догнала прабабушку и снова схватилась за ее подол, но та опять убрала ее руки и закричала: «Не ходи за нами! Уходи!»

— Матушка, давайте возьмем ее с собой.

Услышав просьбу бабушки, девочка кинулась в ее объятия. Люди с тюками и узлами второпях обходили их. Некоторые бросали ругательства, возмущенные тем, что две девочки стоят посреди дороги и преграждают им путь. Прабабушка опустила вещи на землю и оторвала ребенка от дочери.

— Матушка!

— Перестань.

— Мы что, просто так уйдем?

— Да.

— Матушка, как вы так можете…

Не успела она договорить, как прабабушка с размаху ударила ее по щеке. Потом второй раз,

третий, дальше удары посыпались на голову. Пока бабушка не упала на землю, пока не вмешался прадедушка. Девочка больше не шла за ними. Бабушка брела вперед, закусив губу, пока не зашло солнце. Настала безлунная ночь. На низком ночном небе ярко светили звезды. Глядя на них, бабушка думала. Разве есть у нас право любоваться на такую красоту? Ужасные, презренные создания! Мы ведь хуже животных. Мы должны исчезнуть с лица земли.

У бабушки легко получалось рассказывать о своей матери, но когда речь заходила о ней самой в прошлом, слова давались ей с трудом.

Мы довольно долго шли вдоль побережья, пока на обочине не показался ресторанчик с холодной лапшой. Бабушка указала на низкий холм позади. Поднявшись по тропинке, мы увидели внизу автомобильную дорогу с двумя полосами. Справа от дороги простирались поля, на которых плотными рядами были высажены перцы и тыквы, а слева местами виднелись небольшие домики. Подойдя поближе, я почувствовала, как в голове оживают картинки из прошлого.

— Тут же раньше не было такого шоссе?

— Да, тут была просто гравийная дорога.

— А вон там мы с вами играли в бадминтон,

да?

Я радостно указала пальцем на парковку перед китайским ресторанчиком. Бабушка кивнула.

— А где ваш дом? Он же точно был где-то здесь…

Бабушка указала на пустырь на противоположной стороне дороги. Там плотным ковром росли дикие астры, местами валялись обломки кирпичей. За пустырем виднелось море. Бабушка подошла ближе.

— Вот, это здесь.

Она посмотрела на меня с грустной улыбкой. Я искренне была уверена, что бабушкин дом стоит на своем месте. Пусть и не в прежнем виде, но я верила, что он все еще существует. Потеряв дар речи, я побрела к пустырю. Откуда-то доносился запах жженой сухой травы.

— Следующий после меня хозяин продал землю. Кажется, они собирались что-то построить здесь, но сейчас… — Бабушка присела на землю. — Я тоже давно тут не была. С тех пор как они снесли все, мне было слишком больно сюда приходить. Но сегодня мне вдруг подумалось, что с тобой я смогу снова побывать здесь.

Бабушкины слова мягко коснулись моего сердца.

— Твоя прабабушка умерла примерно в это время года. После похорон я вернулась домой, но не смогла заставить себя войти… Стояла и топталась тут на обочине. Мне было страшно. Казалось, если зайду домой и своими глазами увижу, что там никого, то придется окончательно признать, что мамы больше нет на этом свете. Вот я и топталась тут. Верно в старину говорили: плач дочери и на том свете слышен… Так я промучилась целый год, а потом приехала погостить ты. Не представляешь, как я была рада. Я ведь думала, что моя жизнь кончена. Но тут появилась ты, и я поняла, что это не так.

Бабушка легко коснулась ладонью цветов. «Я знаю, что сейчас ты тоже плачешь втайне от всех. Но не думай, что твоя жизнь кончается на этом» — именно такой посыл я услышала в ее словах.

— Я бы тоже хотела увидеть прабабушку.

— А ты ее видела. Ты этого не помнишь, но, когда тебе было три, Мисон привозила тебя и твою сестру в Хвирён. Вы пробыли тут несколько дней, и ты все время хвостиком бегала за моей мамой.

Я уставилась на море, раскинувшееся за пустырем. В трехлетнем возрасте я была на этом же месте с прабабушкой, бабушкой и мамой. Мы вместе ели, спали и смеялись. Я и сейчас ясно

могла представить себе бабушкин дом, каким он был, когда мне было три. И свою старшую сестру, с которой была неразлучна.

9

В пять лет я не понимала до конца, что такое смерть. Ведь сестра все еще оставалась рядом со мной. Она носила свою любимую голубую футболку и джинсовые шорты, а во рту по-прежнему не хватало двух передних зубов. «То, что мы с тобой играем, — это секрет», — шептала мне сестра. Мы играли на детской площадке, строя город из мокрого после дождя песка. Огромную лужу мы назвали морем, вырыли в песке канавки, чтобы направить поток воды, и настроили поверх них мостов. Сидя на скамейке, мы вместе наблюдали за ребятами, катающимися на роликах. Когда я ездила на велосипеде, сестра пристраивалась сзади на багажник и распевала песни. По ночам она забиралась ко мне под одеяло и шептала на ухо интересные истории. Я визжала от радости и смеялась в полный голос. Задирая голову вверх, я часто видела ее сидящей на ветке ближайшего дерева. Она весело махала мне рукой. Когда она звала меня по имени, я понимала, что сестра сейчас находится одновременно и здесь, и где-то в другом месте, но это не вызывало во мне никакого внутреннего противоречия.

Когда я рассказала маме о том, что играю с мертвой сестрой, мама начала колотить меня по спине, со слезами в голосе повторяя: «Не смей врать! Не смей причинять матери боль таким ужасным враньем!» Видя маму в таком состоянии, я не осмелилась возражать ей. Поэтому я сказала неправду: «Прости меня, мамочка! Прости, что соврала тебе». Я молила ее о прощении до тех пор, пока мама наконец не сменила гнев на милость. Сидевшая в уголке комнаты сестра наблюдала за нами, натянув одеяло до самой головы.

С тех пор как сестра появлялась рядом, я стала отталкивать ее: «Уходи, не подходи ко мне!» Она выглядела печальной, и от этого мне тоже становилось грустно. Вскоре сестра исчезла из моего мира. Иногда я вспоминала истории, которые она мне рассказывала, и свои ощущения рядом с ней, но все это постепенно переставало быть реальным, словно странный сон — из тех, что снятся, когда засыпаешь ненадолго посреди дня.

Я пошла в школу, выучила цифры и хангыль, научилась определять время по часам и узнала очевидные факты: например, что мертвые люди не умеют воскресать, и если уж они нас покинули, то никак не могут одновременно су-

ществовать в разных местах. Я вспомнила о том, как рассказала маме, что вижу мертвую сестру. Какой смысл был в том, чтобы бахвалиться своей искренностью перед человеком, испытывающим такую невообразимую боль? Моя искренность не имела никакой ценности в сравнении с маминой болью. Степень ее горя была совершенно несопоставима с моими переживаниями. Поэтому я продолжала врать. Со мной все хорошо, все в порядке, я отлично сплю, прекрасно питаюсь, никаких проблем. Я всегда улыбалась, будучи ребенком, и стала такой же взрослой. Улыбка не сходила с моего лица, даже когда внутри я корчилась от боли.

Вскоре после похода к превратившемуся в пустырь бабушкиному дому меня свалила с ног летняя простуда. Температура поднялась такая, что ночью мне было холодно, даже лежа под одеялом в одежде с длинными рукавами. Горло опухло, и каждый глоток отдавался болью в ушах.

Летний отпуск, запланированный на первую неделю августа, мне пришлось провести в постели. Возможно, это было и к лучшему, поскольку я совсем недавно вышла на работу и просить больничный было бы неловко. Я отправилась в

больницу, чтобы поставить капельницу, и, лежа там, ощущала, как по венам из моего тела вытекает часть меня. Я думала, что хорошо справляюсь с жизнью в одиночку, но, заболев и потеряв на время способность управлять своим телом, внезапно пала духом.

Я принимала таблетки, пила воду и спала сутки напролет, обливаясь холодным по́том. По утрам заваривала кашу быстрого приготовления и снова ходила в больницу на капельницу. Проведя таким образом несколько дней, я вдруг осознала, что уже давно не находилась без дела так долго. С большим запозданием я поняла, что за все то время, пока я писала докторскую диссертацию, устраивалась на работу, участвовала в проектах, узнавала об измене мужа, разводилась, собирала по коробкам свою жизнь в Сеуле и переезжала в незнакомый Хвирён, я ни разу толком не отдохнула. Все это время я бежала, глядя только вперед. Если мне причиняли боль, я отказывалась чувствовать ее и тем самым делала себе еще больнее.

После приема таблеток от простуды мне снились яркие цветные сны. Во сне я долго шла без отдыха, смешавшись с толпой беженцев из бабушкиных рассказов. С трудом добравшись до

какого-то дома, я с ужасом обнаруживала, что он сгорел дотла, и резко просыпалась. Во снах время не имело смысла. Однажды мне приснился бывший муж. Мы всё еще были женаты, хотя развелись. Мы шли по улице. Я сказала: «Ты предашь меня. Ты сделаешь мне больно». Во сне я осознавала, что он уже изменил мне, но продолжала говорить в будущем времени. Он разозлился и велел мне не говорить глупостей. «Уже ничего не вернуть! Хватит мне врать!» — закричала я и проснулась.

Бывший муж верил, что чему быть, того не миновать. Он часто говорил, что время — это не текущая река, а замерзшая. Время — лишь иллюзия, а прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Еще он считал, что вера в то, что у человека есть свободная воля и право выбора, — это тоже огромное заблуждение. У такого образа мышления есть свои достоинства. В первую очередь он освобождает человека от мук сожаления. Позволяет вырваться из бесплодного круговорота мыслей о том, что, если бы в прошлом я сделала иной выбор, мне не пришлось бы испытать такую боль в настоящем. Интересно, обманывая меня столько времени, он оправдывал себя именно этой философией? Говорил себе,

что ничего не может с этим поделать? Чему быть, того не миновать, так?

Простуда полностью прошла только к концу отпуска. Вернувшись на работу после недельного отсутствия, я начала наводить порядок на столе, когда ко мне подошел мой куратор и протянул какую-то папку.

— Чиён, данные, которые вы собрали перед отпуском, оказались ошибочными.

Я была уверена, что не могла допустить ошибку в такой простой задаче, но, проверив, убедилась, что коллега был прав. Он посетовал на то, что из-за неправильных данных промучился несколько дней, и предупредил, чтобы такое не повторялось. Я всегда скрупулезно делала свою работу, по два-три раза перепроверяя даже самые простые вещи, и теперь сама не могла поверить, что допустила такую ошибку. Мое лицо залилось краской от стыда. Я несколько раз извинилась и заверила, что непременно отплачу ему в будущем за помощь. Коллега пристально посмотрел на меня. На его лице читалось сожаление.

— Бывает. Главное, чтобы такое не повторялось впредь, — сказал он и добавил с улыбкой: — Я все понимаю, Чиён, я ведь слышал о вашей ситуации. Но нельзя позволять, чтобы личная жизнь

влияла на работу.

Я снова попросила у него прощения. Как только коллега вернулся на свое место, я снова пробежала глазами по файлу. Я все еще не могла поверить, что допустила подобную ошибку. «Я все понимаю, Чиён, я ведь слышал о вашей ситуации». Какую ситуацию, что он имел в виду? Откуда эта уверенность, что я допустила ошибку из-за проблем в личной жизни, и почему он думает, что вправе говорить мне об этом? Всё, хватит! Проблема в самой оплошности, которая привела к тому, что мне пришлось выслушивать такое. Как я могла совершить такую глупость? Из кондиционера дул холодный воздух — меня пробирала дрожь. Я обязана взять себя в руки. Должна стараться больше, чем обычно, чтобы не давать людям повода для упреков.

Проработав весь день в сильном напряжении, я вернулась домой выжатая как лимон. Рухнула на кровать, даже не переодевшись, и мгновенно заснула. Не знаю, сколько прошло времени, но меня разбудил звонок в дверь. На пороге я обнаружила бабушку, которая стояла со своей тележкой. За то время, пока мы не виделись, ее лицо сильно загорело.

— Ты же сама сказала прийти сегодня в это

время, — с упреком заявила она, заметив мою растерянность.

Только после этого я вспомнила, что на днях разговаривала с ней, пребывая в тумане из-за температуры и таблеток. Бабушка вошла в квартиру и принялась выкладывать на пол в гостиной всевозможную снедь из тележки. Один за другим появились огромный термос, герметичный контейнер с нарезанным кубиками арбузом, контейнеры с закусками, имбирный сироп и три маленькие дыни. Она взяла термос и, пройдя на кухню, принялась что-то искать.

— Где у тебя глубокие тарелки?

Я достала свою единственную тарелку, и бабушка, ополоснув ее, выложила в нее содержимое своего термоса. Кухню наполнил аппетитный запах каши с морскими ушками. Длинные лучи заходящего солнца проникали в гостиную и тянулись до самой кухни. Теплый свет падал на бабушкины руки и тарелку с кашей. Внезапно я поняла, как сильно проголодалась. Я принялась запихивать в себя еду, едва успевая дуть на горячую кашу. Как обычно, бабушкина еда оказалась слегка пересоленной, но ее глубокий вкус был несравним с кашей быстрого приготовления из магазина.

— Вкусно, — сказала я, и бабушка усмехнулась. — А вы не будете?

— Я поела перед приходом.

Она открыла контейнеры с закусками и придвинула поближе ко мне. Внутри оказались жареное кимчи и пряный салат из маринованных огурцов. Пока я была занята едой, она сложила в пустой холодильник оставшиеся контейнеры, дыни и имбирный сироп и, подойдя к балкону, посмотрела в окно. Я вся вспотела, пока ела кашу, в желудке стало так тепло, что я ощутила прилив сил. Покончив с целой тарелкой, я выскребла из термоса остатки и доела их. К тому времени бабушка снова вернулась к столу и теперь наблюдала за мной.

— Было очень вкусно, — снова поблагодарила я.

Бабушка достала из холодильника контейнер и открыла крышку.

— Вот, еще арбуз[29] поешь.

Я с готовностью принялась за арбуз. Впервые после болезни я ела так много. Еда больше не казалась мне горькой на вкус, во рту не ощущалась сухость.

---

[29] Примечания: 29

Арбуз в Корее стоит довольно дорого, его подают как особенный десерт.

— Ты сегодня устала на работе, ложись отдыхай. Я пойду.

Бабушка смотрела на меня с серьезным лицом. Я чувствовала, что она беспокоится, глядя на то, как жадно я ем, не обращая внимания на растекшийся макияж и всклокоченные волосы. Мне вдруг захотелось, чтобы она была рядом. Хотелось побыть с ней хотя бы еще чуть-чуть. Я не могла снова оставаться одна.

— Выпейте хотя бы чая перед уходом, — почти взмолилась я.

Она смерила меня долгим взглядом и снова села за стол. Я вытащила из кухонного шкафчика две кружки и положила в них по ложке имбирного сиропа. Бабушка сидела ко мне спиной и смотрела на пейзаж за окном. Мы не произносили ни слова, пока в чайнике кипятилась вода. Я протянула ей кружку с чаем, и она улыбнулась.

— Любишь имбирный чай?

— Да, потому что я часто мерзну.

— Мама тоже его любила. Она заваривала его даже летом. Кажется, она начала так делать после того, как мы сбежали из Кэсона.

Бабушка осторожно подула на чай, сделала глоток и посмотрела мне в глаза.

Дом родственницы тетушки Сэби находился в

Тэгу в районе под названием Бисан. В окрестностях располагался лагерь для беженцев, поэтому все улицы и переулки были так запружены толпами людей — шагу невозможно было ступить, чтобы не столкнуться с кем-то лбами.

Люди с младенцами за спиной или на руках, люди с огромными узлами на головах, человек, громко зовущий кого-то по имени «Кымсук! Кымсук!», продавец сладкой тянучки, продавец рисовых шариков, человек, сидящий на углу и продающий гнилые яблоки, беременные, кричащие, беззвучно плачущие, люди с посохами, корейские солдаты, американские солдаты, люди, наполовину потерявшие разум, босиком, яростно спорящие… все они находились в толпе слишком близко друг к другу. Здесь смешивались диалекты выходцев из Сеула, провинций Чхунчхондо, Кёнсандо, Хванхэдо и прочих мест, иногда слышались отдельные реплики на китайском и английском. Казалось, всех этих людей смешали, словно зернышки в каше, и вывалили в одну большую тарелку. Эта теснота была уютной. Всех новоприбывших ничто не связывало с этим местом и друг с другом, кроме одного — желания выжить.

К тому времени, когда они добрались до нуж-

ного дома, на улице уже стемнело. Он находился довольно высоко даже по меркам этого холмистого района[30]. Деревянная табличка на воротах гласила: «Ким Мёнсук». Бабушка разинула рот от удивления, поскольку женское имя на дверных табличках в то время было большой редкостью. Прадедушка несколько раз постучал в калитку, но изнутри не донеслось ни звука. Бабушке хотелось просто лечь на землю и не вставать. От мысли о том, что они наконец добрались до пункта назначения, на нее навалилась страшная усталость.

— Сэби!

— Тетушка Сэби!

Наперебой громко закричали прабабушка с бабушкой. Но из дома по-прежнему не доносилось ни звука. Начал моросить дождь.

— Тетушка Сэби!

Бабушка и ее родители обменялись взглядами, в которых читался тот самый страх, что они до сих пор упорно гнали от себя. Страх, что тетушки Сэби здесь нет, что она не пережила путь с Севера.

— Сэби, ты там? Открой дверь! Это я, Самчхон.

---

[30] Примечания: 30

В районах на холмах и горных склонах исторически проживали небогатые люди.

Голос прабабушки понемногу слабел. Струи дождя хлестали все сильнее, и трое путников, дрожа от холода, спрятались под козырьком. Прадедушка предложил подождать еще немного и, если никто не появится, пойти в лагерь для беженцев. Прабабушка молча кивнула. Стоя рядом с матерью, бабушка думала о тетушке Сэби и Хвичже. Это ее семья вытолкнула их на ту опасную дорогу. Она изо всех сил старалась не думать об этом, но в голове возник образ Веснушки, которого они бросили в Кэсоне. Перед глазами проносились страшные картины, которые они видели по пути сюда. Все это время бабушка старалась думать как можно меньше, но в тот момент, прячась под козырьком крыши от холодного ливня, она почувствовала, как все тщательно запрятанные вглубь воспоминания вырываются на свободу, словно только того и ждали. Все бессмысленные воспоминания, за которые не получишь ни зернышка риса, ни полена для печи.

Спустя некоторое время на бабушку напал кашель. Она вспомнила, как Хвичжа хвасталась, что в Тэгу тепло даже зимой. Ее и так одолевала слабость и усталость, а теперь еще и одежда вымокла насквозь, и все тело дрожало от холода. Бабушка молча смотрела на струи дождя, пада-

ющие на землю перед ней. Лицо Хвичжи в ее мыслях наложилось на лицо девочки, брошенной на дороге, и голову пронзила острая режущая боль. Сколько они простояли так? Внезапно издалека донеслись тихие женские голоса. С каждой секундой они становились все ближе. Один низкий голос был похож на голос тетушки Сэби, но бабушка не могла заставить себя повернуться.

— Ёнок!

Только услышав свое имя, она наконец подняла голову. Перед ней стояли тетушка Сэби, Хвичжа и какая-то незнакомая женщина. Хвичжа смотрела на бабушку, вытирая капли дождя со стекол очков.

— Ёнок-онни!

У бабушки подкосились колени, она упала на землю и разрыдалась, закрыв лицо руками. Она плакала не только из-за радости от встречи. Это был страх, о котором она боялась заговорить вслух, страх, который овладевал ею по нескольку раз за день, — наконец он покидал ее тело. Страх — удивительное чувство. Он ощущается сильнее всего именно в тот момент, когда исчезает. Бабушка осознала, что все это время ни секунды не верила в то, что тетушка Сэби и Хвичжа добрались до Тэгу живыми. Она шла по этой дороге,

отбросив все надежды, потому что боялась не справиться с потрясением, если в конце пути эти надежды разобьются в прах. Бабушка долго рыдала, спрятав лицо в ладонях, но потом все же поднялась и крепко прижала к себе Хвичжу. Оказавшись в ее объятиях, девочка тоже ударилась в слезы. Тем временем дождь постепенно превратился в мокрый снег.

— Вы так все простудитесь. Полно, успокаивайтесь и заходите в дом, — с укором сказала незнакомая женщина и, открыв калитку, впустила всех во двор. — Поговорите обо всем завтра, а пока всем спать. Но сначала выпейте рисового отвара…

Голос женщины звучал сухо, и бабушка подумала, что та явно не рада появлению незнакомцев. На вид хозяйке дома было не меньше шестидесяти, она носила белые носки и черные туфли, а ее волосы были убраны в тугой пучок и заколоты шпилькой. Это была сестра отца тетушки Сэби, тетушка Мёнсук.

Усевшись в теплом углу комнаты, бабушка выпила предложенный тетушкой Мёнсук рисовый отвар, и ее тут же сморило. В ту ночь она впервые после побега из Кэсона крепко заснула. Провалилась в сон на том же месте, где сидела, даже не

переодевшись.

На следующее утро бабушку разбудил звук, который она слышала впервые в жизни. В углу комнаты тетушка Мёнсук работала на швейной машинке, мерно нажимая ногой на педаль. Вдыхая запах ниток и масла из швейной машинки, бабушка встала и принялась неловко складывать за собой одеяло. В комнате не было никого, кроме них двоих. Женщина боковым зрением покосилась на бабушку и снова сосредоточилась на работе. Даже не подумав поинтересоваться, как спалось гостье.

— А матушка…

Тетушка Мёнсук ответила не сразу.

— Пошла получать продовольствие по пайку. Трясла тебя, но ты никак не просыпалась, — наконец тихо произнесла она, все еще не глядя в сторону бабушки.

У этой женщины не было никаких причин пускать их семью к себе в дом. Они не приходились ей ни родными, ни знакомыми. И все же холодное поведение тетушки Мёнсук надолго отпечаталось в бабушкином сердце.

— Я нагрела воды, иди вымойся и переоденься.

Бабушка отодвинула раздвижную дверь и вышла во двор. После ночного дождя небо выглядело

ясным и чистым. Только теперь бабушке удалось разглядеть дом снаружи. Двор оказался настолько маленьким, что от крыльца до калитки хватало всего нескольких шагов, его окружала высокая ограда, сверху из которой торчали острые черепки. В Кэсоне бабушка ни разу не видела таких высоких заборов. Зачем строить такую высокую ограду для маленького дома, в котором всего-то две комнатки, кухня да уборная? Бабушка прошла в кухню, развела приготовленную тетушкой Мёнсук горячую воду холодной и впервые за долгие дни полностью помылась. Переодевшись, она снова вышла во двор, где уже сидели вернувшиеся домой прабабушка, тетушка Сэби и Хвичжа. Из большой комнаты все еще доносился стрекот работающей швейной машинки.

— Вот это да, Ёнок! Как же ты вымоталась, бедненькая, что так крепко уснула! — с улыбкой сказала тетушка Сэби, тепло глядя на бабушку. Это зрелище показалось ей нереальным. Рядом с тетушкой Сэби и прабабушкой лежал мешочек с крупой. Обе женщины выглядели счастливыми и спокойными. Хвичжа тихо сидела рядом с матерью и не сводила глаз с бабушки. Раньше она бы уже накинулась на старшую подругу с криками и объятиями, но сейчас смотрела на нее как

на незнакомку. За несколько месяцев разлуки Хвичжа похудела и вытянулась, даже ее брови теперь выглядели гуще. Бабушка растерянно застыла на крыльце, но потом взяла себя в руки и присела рядом. Только теперь девочка одарила ее слабой улыбкой.

Тетушка Мёнсук родилась в конце эпохи Чосон, и вся ее молодость пришлась на период японского колониального правления. В восемнадцать лет она своими руками отрезала себе косу и вступила в женский монастырь в Кэсоне. Орден монахинь, главный монастырь которого находился во Франции, в те времена имел два приората — в Кэсоне и Тэгу, — и после окончания периода послушничества тетушку Мёнсук отправили в Тэгу, где она и жила с тех пор. У тетушки Мёнсук с юности были золотые руки, она занималась пошивом сутан, а в свободное время латала одежды монахинь. Прожив двадцать лет своей жизни в монастыре, в тридцать восемь лет она сняла с себя монашеское одеяние.

— Но почему? — спросила бабушка, однако Хвичжа лишь покачала головой в ответ.

Покинув орден монахинь, тетушка Мёнсук не вернулась на родину и вместо этого осталась жить в Тэгу. Собрав все свои скромные накопле-

ния и получив немного финансовой поддержки от семьи, она купила маленький дом, обнесла его высоким забором и начала заниматься ремонтом одежды. С иголкой и ниткой она умела обращаться как никто другой, и вскоре люди стали приезжать к ней издалека, много было и тех, кто доверял тетушке Мёнсук дорогие западные костюмы, пошитые на заказ. Женщина не отказывалась ни от какой работы и днями напролет сидела за швейной машинкой.

Тетушка Мёнсук холодно отнеслась к семье бабушки не потому, что они были приживалами. Она относилась одинаково ко всем. На ее лице редко можно было заметить улыбку, даже когда она общалась с клиентами. Прожив в одном доме с тетушкой Мёнсук несколько месяцев, бабушка поняла, что у той в принципе не очень хорошо получается выражать свои эмоции.

«Тетушка — особенный человек», — говаривала иногда тетушка Сэби. Не странный, а особенный. Если задуматься, это действительно было так: взять только тот факт, что она позволила бабушкиной семье остановиться в ее доме. Благодаря тетушке Мёнсук бабушка и ее родители могли чувствовать себя в безопасности. Широкая улица к югу от мэрии Тэгу, вокзал, северные и восточные

районы города и даже пригороды были до отказа заполнены беженцами. Люди тянулись сюда со всех уголков страны, и в лагере для беженцев не хватало места. Возможность жить в приличном доме, спать в тепле и питаться ячневой кашей казалась просто мечтой и привилегией, особенно в военное время. Если бы не тетушка Мёнсук, бабушке, возможно, пришлось бы ночевать под мостом. Тетушка Сэби была права: для семьи бабушки тетушка Мёнсук тоже стала особенным человеком.

К ней в дом каждый день приходили гости. Это всегда были жительницы Тэгу, среди которых встречались самые разные персонажи: дамы в белых ханбоках[31] с чинно убранными в пучок волосами, девушки в потрепанных платьях с объемными прическами на японский манер или каре, женщины с детьми на руках, модницы с ярким макияжем и красивыми дамскими сумочками. Некоторые без лишних слов просто оставляли одежду, другие присаживались рядом с тетушкой Мёнсук и под мерный стук швейной машинки делились своими историями. Казалось, все гостьи знакомы с тетушкой Мёнсук долгие

[31] Примечания: 31
Традиционный корейский костюм.

годы. В беседе она ловко переходила на диалект Тэгу. Поначалу бабушке было сложно разобрать эту манеру речи, но понемногу она привыкла к новому говору и начала понимать многие слова. Иногда гостьи спрашивали у тетушки Мёнсук про бабушку:

— А это кто такая?

— Племянницы моей дочка.

— Небось тоже с Севера?

— Да, из Кэсона пришли.

— Ох, надо же, вы и дочь племянницы у себя приютили, где еще такую добрую душу сыщешь. Эй, девочка, ты уж будь благодарна тетушке. Видала, что на улицах творится? Неразбериха, сплошная неразбериха.

— Ну что ты несешь, ребенок же слышит.

Пока тетушка Мёнсук целыми днями строчила на своей швейной машинке, тетушка Сэби закупалась фруктами на оптовом рынке и продавала их, сидя на улице. Прабабушка поначалу помогала ей, а впоследствии начала заодно торговать импортными сигаретами и американскими жвачками. Прадедушка подрядился носильщиком на поденную работу. Хвичжа ходила во временную школу. Около сотни детей набивались в большой барак, где им приходилось

заниматься даже без учебников, среди них Хвичжа всегда сидела в первом ряду. Очки, которые родители купили ей в Кэсоне много лет назад, уже давно не помогали упавшему зрению.

Хвичжа больше не разговаривала с бабушкой о времени, проведенном в Кэсоне. Если речь заходила об этом во время беседы, она тут же замолкала. Она взрослела и становилась всё более молчаливой. Бабушка уже не могла представить себе прежнюю Хвичжу, которая могла любого утомить своей болтовней.

Еще до прихода весны прадедушка добровольцем подался в армию Юга.

Однажды во время семейного обеда прадедушка внезапно заявил, что на выходных отправится на тренировочный полигон. По его словам, многие беженцы из Тэгу добровольно вступали в армию, семья сможет часто навещать его, ведь полигон недалеко от дома. Бабушка смотрела на него, потеряв дар речи. Прабабушка, сидевшая рядом, как ни в чем не бывало жевала клецки, будто не расслышала его слов. Клецки были картофельные. С тех пор бабушка всегда вспоминала тот день, когда ела картофельные клецки.

Стоял теплый солнечный апрельский день. Хвичжа вышла во двор с книгой в руках и села

на крыльцо. Из-за сильной близорукости ей приходилось держать книгу почти у самого лица, и вскоре она, утомившись, захлопнула обложку. Бабушка подошла к подруге и осторожно потрогала переплет. Тетушка Мёнсук очень дорожила этим изданием, и до сих пор бабушка не осмеливалась притрагиваться к нему. На обложке было написано: «Робинзон Крузо». Бабушка поднесла книгу к лицу и вдохнула аромат. Ей вспомнились времена, когда она еще ходила в государственную школу.

— «Робинзон Крузо. Даниэль Дефо», — прочла бабушка вслух и посмотрела на Хвичжу.

— Читай дальше, — сказала Хвичжа, не сводя с нее глаз.

Бабушка начала читать книгу вслух. Слушая ее чтение, Хвичжа временами тяжко вздыхала или вставляла что-то вроде: «Ха, забавно!» или «Интересно!» Бабушка уже давно не видела подругу такой оживленной, поэтому продолжила читать с еще бóльшим увлечением. Сколько же прошло времени? Обернувшись, бабушка вдруг обнаружила, что позади нее, вытянув ноги, сидит тетушка Мёнсук.

— Читай, читай, — махнула та рукой.

Бабушка послушно продолжила. Тетушка Мён-

сук внимала ей с задумчивым выражением лица. Бабушка тоже впервые за долгое время смогла освободиться от тяжелых мыслей и искренне наслаждалась чтением. С тех пор почти каждый день после возвращения Хвичжи с занятий они устраивались на крыльце и бабушка читала вслух. В такие моменты тетушка Мёнсук отрывалась от своего шитья и тихо пристраивалась рядом.

Однажды бабушка, как обычно, закончила читать и выпила воды, когда тетушка Мёнсук внезапно заговорила с ней. При этом ее взгляд был направлен не на собеседницу, а куда-то в сторону калитки, так что казалось, она разговаривает сама с собой.

— В детстве мне тоже читали романы, в книжной лавке. «Сказание о Хон Гильдоне», «Скитания госпожи Са по югу» и «Летопись Имджинской войны»[32]. Мне очень нравились эти истории. Слушая их, я забывала обо всем. Матушка ворчала, что любить сказки — к бедности, но я ничего не могла с собой поделать. Так я их любила.

На этих словах на лице тетушки Мёнсук расцвела мягкая улыбка.

---

[32] Примечания: 32
Произведения классической корейской литературы.

10

Мама вернулась из Мексики, и на выходных я отправилась в Сеул. Ехать за рулем так далеко я не решилась и вместо этого села на междугородний автобус, а затем на такси. Мамина кожа покрылась красивым загаром, и она выглядела намного счастливее, чем раньше.

— Мам, ты что, проколола уши?

— Ну да. Я давно хотела — вот подруга мне и проколола.

Мама невозмутимо тряхнула головой. В ее ушах болтались жемчужные серьги в форме капелек.

— Это Мёнхи мне подарила. Как надену их — настроение сразу поднимается.

Она принесла телефон и показала мне фотографии и видео. На снимках она была в соломенной шляпе и солнечных очках, с небрежной улыбкой на лице. Рассказывая о поездке, мама казалась радостнее, чем когда-либо.

Из Мексики она привезла множество сувениров. Передо мной один за другим начали появляться магнит с изображением Фриды Кало, текила «Дон Хулио», гуакамоле, сальса и украшения ручной работы в виде букв алфавита,

сплетенные из разноцветных нитей. Показывая мне каждый из сувениров, мама с энтузиазмом рассказывала, чем отличается вкус гуакамоле в Мексике от того, что она пробовала в Корее, и насколько огромные там фабрики по расфасовке авокадо. Затем она протянула мне четки и сообщила, что помолилась за меня в Базилике Девы Марии Гваделупской. Притом что она была человеком неверующим.

— Ты помолилась за меня? И о чем же?

— Чтобы ты стала сильнее.

— И каким образом я должна стать сильнее?

Мамины слова вызвали у меня внутреннее сопротивление, но я через силу улыбнулась, не отрывая взгляда от блестящих четок. Они были собраны из черных пластиковых бусин с медальоном, изображающим Деву Марию Гваделупскую в голубой мантии.

— Что с твоим лицом? — спросила мама, внимательно всматриваясь в глаза.

— Ничего.

— Что еще за ничего? Говори.

— Что я должна сказать? Ты же сама просила больше не заговаривать об этом. Не упоминать о моем разводе. Что еще я могу тебе сказать?

— Тебе что, больше не о чем поговорить с мате-

рью? Я просто хочу, чтобы ты мыслила позитивно. Прошлое осталось в прошлом. Зачем постоянно оглядываться назад? Надо смотреть в будущее. У тебя с детства была привычка цепляться за старое. Потому ты и говорила, что видишь то, чего нет…

Мама, казалось, пришла в сильное волнение. В этот момент в моей голове поверх ее облика словно наложилось ее лицо в молодости, когда она так же смотрела на меня в детстве. Лицо с выражением страха и отвращения.

— Ты цеплялась за прошлое, потому что была слишком слабой. Вечно витала где-то в облаках и разговаривала сама с собой. Я боялась, что ты снова… — Мама вдруг резко оборвала фразу, на ее лице мелькнуло замешательство. Она словно сама испугалась нечаянно вырвавшихся слов.

— Я устала, хочу поспать. Оставь.

С этими словами я легла и, отвернувшись к стенке, закрыла глаза. Мама вышла из комнаты. Снаружи послышались шум воды в раковине, звон посуды и стук дверки холодильника. Я попыталась успокоиться и сосредоточиться на внешних звуках, но сердце все еще бешено стучало, и меня слегка подташнивало.

Вскоре мама снова тихо открыла дверь и вошла

в комнату.

— У тебя правда все хорошо? — спросила она, садясь на кровать рядом.

— Все нормально.

— Я спрашиваю, потому что ты не выглядишь нормально. Ты точно перестала пить антидепрессанты?

— Я же сказала, что бросила.

«Вот только… — хотелось сказать мне, — я хотела бросить таблетки, но мне стало еще тяжелее, поэтому я начала снова их принимать, это не зависит от моей решимости, и я не могу восстановиться так быстро, как хочется тебе». Но я знала, что если произнесу это вслух, то получу в ответ лишь критику и осуждение.

— Тогда что это?

Мама протянула мне полупрозрачный пакетик с таблетками. Я мгновенно выхватила его из ее руки.

— Я не нарочно рылась. Просто твой телефон зазвонил, и я хотела подать его тебе, а в сумке оказалось это.

— Ты не могла просто сделать вид, что не заметила?

— Не пытайся все время выбрать легкий путь. В жизни так не бывает.

Однажды, когда я еще жила в Сеуле, мама пришла ко мне домой и наткнулась на мои антидепрессанты. Тщательно погуглив каждое из названий, напечатанных на коробочках, она холодно сказала: «Я в тебе разочарована. Я понимаю, что тебе тяжело, но это не значит, что нужно безрассудно глотать таблетки». Я не хотела с ней ссориться и просто пообещала, что скоро брошу. Если бы я попыталась спорить, она бы заявила, что пережила страдания похуже моих, но не полагалась ни на какие таблетки.

— И каким же образом я выбираю легкий путь?

— Ты сдаешься там, где могла бы справиться своими силами. Вот взять твой брак…

— Хватит, мам. Это уже в прошлом. Ты до сих пор считаешь, что я легко отказалась от своего брака?

— Да, — ответила она и продолжила дальше, будто этого было недостаточно: — Мы с твоим отцом не сдались даже после того, что случилось с твоей сестрой. А ты…

— Да лучше бы вы сдались! Чем жить в тени этого всего, лучше бы вы сдались! Это тебе надо было обратиться к психиатру, мам! Кому-кому, а тебе уж точно стоило бы принимать лекарства!

Придя в себя, я вдруг обнаружила, что размахиваю пакетиком с таблетками прямо перед ее лицом. Мама вытирала слезы тыльной стороной ладони, избегая моего взгляда.

— Мам, прости.

Она продолжала молча плакать, опустив голову вниз.

— Прости меня, я в последнее время сама не своя, — со слезами в голосе произнесла я и потянулась к ней.

Но она тут же оттолкнула меня.

— Давай пока не будем видеться.

С этими словами мама вылетела из комнаты.

Я собрала сумку и вышла на улицу, сердце стучало как бешеное. Мы с мамой многим пожертвовали по отношению друг к другу только для того, чтобы не вступать больше в такие конфликты. Как так вышло, что мы снова свернули не туда? Я в очередной раз оказалась в замкнутом кругу, где для того, чтобы защитить себя, я в конечном счете нападала на маму. Я не хотела ранить ее, но не могла выносить, когда она критиковала меня, не замечая своих недостатков.

Уже за полночь я приехала на автовокзал Хвирёна, села на такси и отправилась домой. Выйдя из такси, я брела к подъезду, когда откуда-то до-

неслось тихое тявканье. Повернувшись на звук, я обнаружила, что из-под клумбы на меня смотрит маленькая собачка. Я протянула к ней руку, но она быстро попятилась, спрятавшись за куст азалий. Пришлось сделать вид, что я ухожу, чтобы она снова выползла из укрытия. Это был желтый шпиц с черными кругами вокруг глаз. Я взяла его на руки. Песик оказался настолько худым, что можно было пересчитать все косточки, от него несло застоявшимся запахом грязи. Похоже, у него совсем не осталось сил, потому что он даже не попытался вырваться. Не выпуская его из рук, я зашла домой.

Опустив собаку на пол в гостиной, я подала ей воды в глубокой миске. Он накинулся на нее с жадностью. При свете лампы оказалось, что это совсем молодой пес, почти щенок. Я поджарила ему остатки куриной грудки из холодильника, и он тут же проглотил ее, почти не жуя. Голодный. Я дала ему кусочек хлеба, потому что больше ничего не нашлось, и он мгновенно расправился и с ним. Я поджарила два яйца — он и их умял в один присест, начисто вылизав блюдце. «Больше мне нечего тебе дать, — сказала я, — сегодня был тяжелый день. Предлагаю отдохнуть для начала. А утром разберемся со всем остальным».

Когда я вышла из душа, пес уже спал без задних ног, уткнувшись мордочкой в коврик под раковиной. Интересно, что с ним случилось? Я подошла поближе, но он спал так крепко, что даже не пошевелился. Видимо, он долго пробыл на улице, потому что подушечки ног у него были черными от грязи, а нос совсем сухим. «Спокойной ночи», — прошептала я и тоже пошла спать.

— Это кто у нас тут такой? — с умилением заворковала бабушка, увидев пса.

Он поначалу отнесся к гостье настороженно, но убедился, что понравился ей, и тут же прильнул к ногам, поднявшись на задние лапки. Я рассказала, что случилось. Упомянула, что ищу хозяина, но если не смогу найти хорошего человека, то готова оставить его себе.

— А как его зовут?

— Квири[33]. В ветеринарной клинике спросили, как его зовут, и я сказала первое, что взбрело в голову.

— Так ты у нас Квири. Хороший песик. — Бабушка играючи приблизилась к нему. — Если тебе куда-то нужно или надо помочь, оставляй его со мной. Я присмотрю.

---

[33] Примечания: 33
Дословно «овес, овсянка».

Бабушка достала принесенную с собой одежду и выложила на стол. В прошлый раз она осмотрела мои вещи, раскиданные по квартире, и унесла с собой все предметы гардероба, требующие ремонта. Теперь все потерянные пуговицы были на месте, а порванные подолы тщательно подшиты. Все выглядело так аккуратно, что было совершенно незаметно, что кто-то приложил к этому руку.

— Спасибо.

Бабушка замахала руками со словами:

— Это мне вообще ничего не стоит. Наоборот, даже весело. Может, у тебя еще что есть?

В бабушкином голосе слышалась гордость. Когда я приезжала к ней в гости в детстве, она занималась ремонтом одежды. У нее были золотые руки.

— Я помню, в детстве вы сшили мне платье на швейной машинке. А еще сделали корону из цветной бумаги.

Бабушка с улыбкой кивнула.

— Ремонт одежды… вы бросили из-за зрения? — осторожно поинтересовалась я.

— Да, стала плохо видеть, но больше из-за рук…

— Рук?

— Да, болят. Если берусь за иголку ненадолго,

то еще ничего, а вот если долго работать…

Бабушке явно не хотелось говорить об этом. Я поспешила сменить тему:

— А когда вы научились шитью?

— Еще в Тэгу.

Бабушка мечтательно улыбнулась, уносясь мыслями в прошлое.

Однажды бабушка подметала пол, когда тетушка Мёнсук жестом подозвала ее к себе и произнесла:

— А ну-ка, возьми, — приказала она, протягивая бабушке иглу. — Вдень в нее нитку.

Бабушка смочила кончик хлопковой нитки слюной и вдела ее в ушко, тогда тетушка Мёнсук велела ей накинуть нитку на указательный палец и положить его на иголку. Бабушка послушалась.

— Так, а теперь трижды обмотай нитку вокруг иголки, вот так, прижми пальцем, все, вытаскивай иглу.

На конце нитки образовался крошечный узелок.

— Глянь-ка, а ручонки-то у тебя ловкие, — восхитилась тетушка Мёнсук, глядя на узелок. — Так, теперь вытаскивай иголку с изнанки. Расстояние между стежками должно быть одинаковое.

Тетушка Мёнсук показала пример, и бабушка начала медленно шить. К ее удивлению, с иглой в руках беспокойные мысли, не дававшие ей покоя, понемногу стихли. Не сходя с места, тетушка Мёнсук научила ее делать двойную строчку, обметку и подшивочный шов. Бабушка старательно повторяла все, что ей показывали.

— Надо же, неплохо выходит, — рассеянно бросила тетушка Мёнсук, ни к кому не обращаясь, но от этой похвалы бабушкино сердце пустилось в пляс.

Бабушкины первые стежки наверняка были кривыми и неумелыми. Она просто имела в виду, что у девочки неплохо выходит для первой попытки. Но после этих слов бабушка подумала, что может обладать особым талантом. Потому что подобную похвалу она слышала впервые в жизни. С тех пор она целыми днями крутилась вокруг тетушки Мёнсук, старательно обучаясь швейному ремеслу.

Тетушка Мёнсук не отличалась ни чувствительностью, ни способностью выражать эмоции. Сосредоточившись на работе, она постоянно хмурила брови и настолько погружалась в свой собственный мир, что зачастую даже не слышала, когда кто-то заговаривал с ней. Такое за ней

водилось не только во время работы. Тетушка Мёнсук не умела подстраиваться под общее настроение и в обычной жизни: когда вся семья покатывалась со смеху от очередного забавного рассказа прабабушки, она одна сидела за столом с суровым выражением лица.

Люди зачастую говорят в лицо хорошее, а за спиной поносят на чем свет стоит или доброжелательно улыбаются, в душе замышляя что-то иное. Возможно, такое поведение заложено в самой природе человека. В этом смысле тетушка Мёнсук больше походила на кошку. Это проявлялось не только в ее привычке бесшумно передвигаться по дому, но и в ее отношениях с людьми. Даже среди кошек ее скорее можно было отнести к тем упрямицам, что никогда не запрыгивают на колени к хозяевам и не терпят ласк от человеческих рук. Кошка, которая всегда сидит спиной к человеку, кошка, которая наблюдает издалека, но тут же отворачивается, стоит только взглянуть в ее сторону. Вот на такую кошку была похожа тетушка Мёнсук. Кошка, мастерски владеющая искусством работы на швейной машинке. Представив себе эту картину, бабушка рассмеялась.

Бабушке нравилось болтать о всяком, сидя со своим шитьем рядом с тетушкой Мёнсук. Она

делилась с ней тем, о чем не рассказывала даже прабабушке или Хвичже. Что бы она ни говорила, тетушка Мёнсук никогда не судила ее и не пыталась поправить. Чаще всего эта пожилая женщина вообще оставляла ее без ответа, но ни разу за все время не перебила.

— По пути сюда я видела много сумасшедших женщин, — заявила однажды бабушка, наблюдая за тем, как тетушка Мёнсук снимает с лапки швейной машинки запутавшуюся нитку. — Странно, но мне всегда хотелось подойти к ним, ощутить их боль вблизи.

Тетушка Мёнсук оторвалась от своего занятия и, пристально посмотрев на бабушку, сказала:

— Не знаю, судьба ли тебе всю жизнь провести за шитьем. Но смотрю на тебя, и думается мне, что это от тебя зависит.

С этими словами она поднялась со стула и жестом подозвала бабушку к себе:

— Садись.

Заметив, что бабушка мнется в нерешительности, тетушка Мёнсук поторопила ее:

— Садись, говорю, чего стоишь.

Бабушка осторожно опустилась на стул. В тот день тетушка Мёнсук впервые показала ей, как вставлять иглу в швейную машинку, как нажи-

мать на педаль, что делать, если нить запуталась в лапке, и самое главное — как работать так, чтобы не поранить руки.

— Отвлечешься, и игла воткнется тебе в палец, — строго предупредила тетушка Мёнсук, нахмурив переносицу.

— А у вас такое случалось?

На лице женщины появилась легкая улыбка.

— Я же люблю поспать — что в прошлом, что сейчас. Бывало, начну носом клевать — и случается всякое.

— Ой!

Бабушка поежилась, и тетушка Мёнсук, снова напустив на себя обычный суровый вид, продолжила:

— Ну все, вставай. У меня еще работы непочатый край.

С тех пор тетушка Мёнсук каждый день выделяла время, чтобы учить подопечную работе на швейной машинке. Бабушке нравилось ощущение, когда катушка с ниткой мерно крутилась, а от нажатия ногой на педаль на ткани появлялся ровный шов.

По ночам бабушке часто снился прадедушка. Во сне война заканчивалась, и она встречала отца, вернувшегося домой. Местом действия всегда

выступал их старый дом в Кэсоне. Странно, но во сне появлялся Веснушка, еще щенок, с ушками, плотно прижатыми к голове. «Надо же, пока шла война, Веснушка снова превратился в щеночка», — восторгалась бабушка и вместе с четвероногим другом бежала навстречу отцу. Она знала, что это именно ее отец, но никогда не видела его лица. Очнувшись после такого сна, бабушка чувствовала, как сердце сдавливает тисками, и ее охватывало дурное предчувствие, что прадедушка не вернется с войны. Она не понимала, почему отец решил вступить в армию добровольцем. И просто всем сердцем надеялась, что он не погибнет.

Бабушкой постоянно владело странное чувство вины, будь то во время еды, занятий шитьем, когда она провожала на работу мать и тетушку Сэби или просто болтала с Хвичжой. Особенно остро оно проявлялось, когда во время беседы у нее нечаянно проскальзывала улыбка. Бабушка избегала любых проявлений радости, словно закон отныне запрещал смеху доноситься из их дома.

Однажды в начале зимы тетушка Сэби принесла домой бутылку самогона. Какая-то старушка купила у нее яблоки и вместо денег расплатилась выпивкой. Тетушка Сэби была слишком добра,

чтобы отказать ей. Прабабушка, бабушка, тетушка Сэби, Хвичжа и тетушка Мёнсук поставили в центре большой комнаты низкий обеденный столик, водрузили на него миску с кимчи из редьки, расселись кругом и принялись пробовать алкоголь. Прабабушка ради веселья позволила бабушке сделать один глоток. Выпивка оказалась горькой и отвратительной на вкус. Хвичжа тоже рискнула пригубить и тут же сморщилась. Тетушка Сэби выпила залпом целую стопку и начала громко смеяться, хлопая в ладоши. Ее лицо и шея мгновенно пошли алыми пятнами.

— Ты глянь на нее, вся в отца! Что отец твой, что брат тоже пить не умели, — цокнула языком тетушка Мёнсук, глядя на племянницу.

Сама старая женщина быстро поглощала самогон, ловко закусывая его кимчи.

— А вы, тетушка, в монастыре так пить научились? — ткнув в нее пальцем, поинтересовалась тетушка Сэби и снова залилась смехом.

— Эх ты, вот дурная! Пей уж да смейся вволю.

Бабушка до сих пор помнила выражение лица тетушки Мёнсук, с которым она смотрела на племянницу. В тот день она заметила на ее вечно безэмоциональном лице легкую грусть, желание утешить и сожаление от неумения сделать это,

а еще — глубокую привязанность и любовь к тетушке Сэби, которой полнилось ее сердце.

От души насмеявшись, тетушка Сэби обняла прабабушку за плечи и прислонилась к ней головой.

— Самчхон, моя Самчхон, — ласково пробормотала она и, улегшись ей на колени, прикрыла глаза.

Прабабушка нежно приложила ладонь к ее лбу.

— Кто ж знал, что ты настолько не умеешь пить… — прошептала прабабушка и усмехнулась.

То ли из-за выпивки, то ли благодаря заразительному смеху тетушки Сэби в тот день женщины хохотали без остановки, наслаждаясь легкой беседой. Прабабушка казалась такой же непосредственной, как в прошлом, а лежащая на ее коленях тетушка Сэби радовалась как ребенок. Это был редкий момент, когда тяжелая атмосфера в доме ненадолго рассеялась.

Однако даже сидя за столом в тот вечер, бабушка не могла избавиться от чувства тревоги. Она боялась, что беда может настигнуть их именно в тот момент, когда они ослабили бдительность, сбросили напряжение, когда были уверены, что

ничего плохого не случится, когда почувствовали себя свободнее и избавились от грустных мыслей, когда позволили себе насладиться мгновением. Бабушка была уверена, что если постоянно бояться худшего и дрожать от страха, то, возможно, все обойдется, но стоит только расслабиться на секунду, как жизнь подкрадется сзади и ударит обухом по голове. Несчастья любят такие коварства. Стоит только вздохнуть с облегчением и решить, что жизнь наладилась, — они сразу тут как тут.

Такой образ мыслей передался ей от прабабушки. Стоило бабушке сказать вслух, что она счастлива, рада или довольна, — мать сразу же одергивала ее и предупреждала, что такими словами она непременно накликает беду. Она утверждала, что чем красивее дети, тем они глупее, чем счастливее человек, тем лучше он должен это скрывать — иначе злые духи позавидуют его счастью. Бабушка сказала, что, оглядываясь назад, понимает, что больше всего в жизни сожалеет об одном. О том, что вместо того, чтобы наслаждаться моментами смеха, радости и тепла, она поддавалась тревоге. На свете есть вещи, которых не избежать, как ни старайся. От них не уйти, даже если изо дня в день трястись

от страха и не позволять себе наслаждаться прекрасными моментами.

Словно в насмешку над бабушкиными страхами, та ночь пролетела, но ничего плохого так и не случилось. Разве что ученый-конфуцианец, живший по соседству, заявился на следующий день в своей шляпе и с укором заявил, что слышал посреди ночи разнузданный женский смех, доносящийся из-за их ограды. Тетушка Мёнсук молча покосилась на него и снова склонилась над швейной машинкой. Прабабушка театрально низко поклонилась, рассыпавшись в извинениях, и господин удалился. Хвичжа закрыла лицо руками и затряслась от смеха.

Так пролетело время, и наступил июль 1953 года, было провозглашено перемирие[34].

Прабабушка с бабушкой плакали, держась за руки, но не осмеливались заговорить вслух о прадедушке. От страха, что могут потерять его, если сболтнут лишнее. Никто не был ни в чем уверен до того самого момента, когда прадедушка

---

[34] Примечания: 34

Корейская война завершилась подписанием Соглашения о перемирии 27 июля 1953 года в Пханмунчжоме между представителями КНДР, Китая, СССР с одной стороны и силами ООН, США и Южной Кореи с другой. Этот договор остановил боевые действия, но не положил конец войне — мирный договор так и не был подписан.

открыл калитку и ступил во двор. Сколько же раз бабушке снилось, что ее отец вернулся… Вот только во сне у нее не получалось испытывать исключительно радость от возвращения отца, лица которого ей не удавалось разглядеть. Подобные сны снились ей так часто, что она и впрямь позабыла, как выглядит его лицо.

Прадедушка не погиб, не попал в плен и не получил ранений. Он вернулся домой вскоре после объявления перемирия. Когда нога мужа ступила во двор, прабабушка не бросилась к нему и лишь молча ощупала его глазами. Прадедушка немного поколебался, прежде чем одной рукой притянуть ее к себе. Бабушка, Хвичжа и тетушка Сэби окружили их, утирая слезы. Тетушка Мёнсук отвлеклась от швейной машинки и молча наблюдала за происходящим.

В отличие от бабушкиных снов, в реальности у вернувшегося отца имелось лицо. Коротко остриженные волосы, загорелая дотемна кожа и знакомые черты. Только теперь на его лице еще светилась довольная улыбка, которой не замечалось за ним в прошлом. Прадедушка смотрел на дочь с удивлением, словно увидел что-то необычное. Оказавшись в его объятиях, бабушка подумала, что не забудет этот момент никогда

в жизни.

После возвращения прадедушка проспал целые сутки. Проснувшись, он жадно проглотил две тарелки ячменной каши и только после этого заговорил с женщинами, смотревшими на него во все глаза.

— В армии я встретил земляка. Он поведал мне, что видел в Сеуле моего второго брата и отца с матушкой. Они бежали из Сеула, не погибли там.

Бабушка впервые видела, чтобы отец рассказывал о чем-то с таким восторгом.

— Так вот, земляк спросил у моего батюшки, куда они собираются, и тот ответил, что они пойдут в Хвирён. Он уже знал, что там собрались многие из провинции Хванхэдо.

— И что теперь? — осторожно поинтересовалась прабабушка.

— Как что? Надо ехать.

— Куда…

— Надо скорее ехать к отцу. Ёнок, пришла пора и тебе жить рядом с дедушкой и бабушкой.

— Мы уезжаем из Тэгу? — задала вопрос бабушка, сознавая, что спрашивает очевидное.

Тэгу был их убежищем после эвакуации, но они не собирались оставаться там навечно. Бабушка понимала, что когда-нибудь им придется уехать,

но она так привыкла к жизни с тетушкой Сэби, Хвичжой и тетушкой Мёнсук, что необходимость покидать их стала для нее потрясением.

— Пока нам нельзя возвращаться в Кэсон. Но ничего, поживем в Хвирёне с дедушкой и бабушкой, а там, глядишь, и на родину вернемся.

Поведение отца казалось бабушке до странности жизнерадостным. Он словно парил в облаках. Он был оптимистичен до абсурда и часто пускался в длинные рассуждения о том, как хорошо они заживут в Хвирёне. Он с аппетитом ел, чересчур часто улыбался и цеплялся к каждому прохожему, чтобы поболтать. Не только бабушка замечала, что в подобном поведении отца кроется что-то большее, нежели простая радость от возвращения живым с войны. С первого взгляда прадедушка выглядел нормальным, но что-то явно надломилось в нем. С тех пор до самой смерти он то парил в облаках, то брыкался, словно тонул в трясине, то снова воспарял в небеса.

Бабушка не верила отцу, когда он утверждал, что его родители находятся в Хвирёне.

«Почему я не могу поверить батюшке?» — задавалась вопросом она, сидя на крыльце. Возможно, потому, что ей не хотелось расставаться с Тэгу, с домом с высокой оградой, с тетушкой Сэби и Хви-

чжой, с тетушкой Мёнсук. Возможно, проблема была не в отце, а в ней самой. В последний месяц перед отъездом бабушка беспричинно злилась то на тетушку Сэби, то на Хвичжу, то на тетушку Мёнсук. Она не хотела этого делать, но так случалось помимо ее воли.

В тот день бабушка тоже с самого утра пребывала в сварливом настроении. Тетушка Сэби подошла к ней и мягко сказала:

— Тебе необязательно так себя вести.

Бабушка ничего не ответила и только молча взглянула на нее.

— Помнишь, как мы уезжали в Сэби? Нам ведь уже приходилось расставаться.

— …

— Я знаю, что вы с моей тетушкой сильно привязались друг к дружке, — неожиданно заметила тетушка Сэби.

Бабушка закусила губу.

— И я знаю, как ты любишь Хвичжу.

— Тетушка, я…

— Просто поплачь.

Глядя, как бабушка тыльной стороной ладони утирает слезы, тетушка Сэби тихо продолжила:

— Ёнок, я говорю тебе это не просто так. Мы еще встретимся. Вот увидишь. Я знаю это, потому

и не грущу. Мы обязательно встретимся снова.

Бабушка кивнула, хотя и не поверила уговорам тетушки Сэби.

Зато тетушка Мёнсук не стала говорить ничего. До самого последнего дня в Тэгу она обучала бабушку швейному мастерству. И вела себя как обычно. Даже ее манера молча слушать бабушкину болтовню, не отрываясь от швейной машинки, оставалась неизменной до самого конца.

Было раннее сентябрьское утро. Не успев даже позавтракать, семья бабушки подхватила свои вещи и вышла во двор. Тетушка Сэби и Хвичжа последовали за ними.

— Вот, съешьте хотя бы это, — с этими словами тетушка Сэби протянула рисовые шарики.

Путники пережевывали еду, стоя во дворе.

— Не торопитесь. Вот, водички попейте. Самчхон, дай сюда этот узел, я подержу.

В этот момент тетушка Мёнсук вышла из спальни и остановилась на крыльце. Немного постояв, она прошла в большую комнату, села перед швейной машинкой и, сложив обе руки на колени, уставилась на бабушку и ее родителей, жующих рисовые шарики.

— Тетушка, идите сюда. Они же уходят, — позвала ее тетушка Сэби, но старая женщина, не

сдвинувшись с места, только что-то произнесла.

Ее голос прозвучал так тихо, что тетушке Сэби пришлось попросить ее повторить погромче. Тетушка Мёнсук немного помолчала, прежде чем снова сказать.

— Счастливого пути, — коротко бросила она и отвернулась к стене.

Прабабушка и прадедушка долго прощались с тетушкой Мёнсук. Они благодарили ее за то, что позволила пожить в ее доме, обещали, что не забудут ее доброты до самой смерти и что когда-нибудь обязательно отплатят ей тем же. Неестественно прямая спина тетушки Мёнсук слегка дрогнула. Низко опустив голову, она сказала:

— Ну, идите.

— Тетушка! — позвала ее бабушка.

Она хотела подойти к ней поближе, чтобы попрощаться, но не осмеливалась, боясь, что тетушка Мёнсук этого не одобрит. Со страхом и печалью в душе бабушка окликнула ее еще несколько раз. Тетушка Мёнсук продолжала сидеть спиной, притворяясь, что ничего не слышит. Затем она повернулась и, строго нахмурившись, жестом приказала им уходить. Бабушка понимала, что на самом деле тетушке Мёнсук тоже

тяжело, но ничего не могла поделать. Сердце разрывалось так, что, казалось, она не вынесет больше ни минуты.

— Матушка, пойдемте, — сказала бабушка.

— Попрощайся с тетушкой. Куда это ты собралась не попрощавшись? Она ведь так о тебе заботилась.

Бабушка повернулась к тетушке Мёнсук и вежливо поклонилась.

— До свидания, — тихо прошептала она и выбежала из калитки.

Спускаясь вниз по холму, бабушка чувствовала, как в груди все горит пламенем. Она не понимала, от чего ей так больно: от расставания с тетушкой Мёнсук или от ее холодного поведения.

Так и не разобравшись в своих чувствах, вся в слезах, бабушка пришла с родителями к автовокзалу. Тетушка Сэби вытерла ей слезы своим платочком и прошептала на ухо:

— Точно тебе говорю: мы еще увидимся. Я положила тебе монетку в карман юбки — потратишь сама, ни с кем не делись.

С этими словами она вложила платок бабушке в руку.

— Онни, пиши мне обязательно, ладно?

— Хорошо.

— Кушай хорошо.

Хвичжа сняла очки и потерла кулачками покрасневшие глаза.

— Ты тоже.

— Еще увидимся.

— Да, еще увидимся.

— Еще увидимся, онни.

— До встречи!

В ожидании автобуса тетушка Сэби и прабабушка крепко обнимали друг друга. Тетушка Сэби заботливо похлопывала по спине еле сдерживающую рыдания прабабушку и через силу улыбалась.

— Сэби, когда вы бежали из Кэсона…

— Знаю, — перебила прабабушку тетушка Сэби. — Знаю, я все знаю, Самчхон.

Тетушка Сэби знала, о чем думает прабабушка. Знала, как совестно ей было все это время за то, что они практически прогнали мать с дочерью, когда те пришли просить у них помощи в Кэсоне.

Окно в автобусе было таким грязным, что сквозь него почти не были видны лица тетушки Сэби и Хвичжи. Но, возможно, это было и к лучшему — не стоило им видеть выражений лиц друг друга в тот момент. Для бабушки тетушка

Сэби всегда была той, кто уезжает, а мать — той, кто провожает. Она помнила, как они прощались на вокзале в тот день, когда семья Сэби уезжала из Кэсона. Тогда бабушка и не подозревала, что пролетит время и она сама будет уезжать, а тетушка Сэби окажется провожающей. Автобус двинулся с места, и бабушка прильнула к стеклу, глядя, как быстро удаляются силуэты тетушки Сэби и Хвичжи, машущих им вслед.

11

Квири оказался страшным шалунишкой и баловником. Куда бы я ни пошла, он бежал следом, махая хвостом, и без конца трепал свою мягкую игрушку в форме маленького кролика. Когда я возвращалась домой с работы и начинала набирать код на входной двери, Квири тут же прибегал и, поднявшись на задние лапки, царапал дверь с обратной стороны. За короткое время этот маленький песик полностью изменил мои серые будни. Я больше не боялась проводить время дома одна. То, что кто-то радуется моему пробуждению по утрам и возвращению с работы, казалось мне непривычным, но в то же время заставляло улыбаться.

Как-то у Квири начались понос и тошнота, которые не проходили два дня подряд. Поначалу я не сильно обеспокоилась, ведь после того, как я его нашла на улице, я возила его к ветеринару и мне сказали, что с ним все в порядке. Однако прошло еще несколько дней, но ему не становилось лучше. Я отвезла его в ветклинику. Оказалось, что это корь. Ветеринар сказал, что лучший способ лечения на данный момент — поставить ему

капельницу и перелить кровь собаки, у которой есть антитела к кори.

Квири оставили в узкой маленькой комнате ветеринарной клиники. Она располагалась в изоляции от обычного стационара. Перед входом в палату лежал дезинфицирующий коврик, и, прежде чем зайти внутрь, нужно было вытирать об него ноги. Руки и дверные ручки тоже тщательно обрабатывались. Квири не понимал, что с ним происходит. Он перегрыз шнур от капельницы, и врачу пришлось надеть на него шейный бандаж. Оставив пса в клинике, я собралась домой, но ноги меня не слушались. Если бы Квири умел говорить, я бы объяснила ему, почему он должен оставаться в палате, но так как это было невозможно, у меня болело сердце при мысли о том, что он сидит в этом крохотном пространстве без окон и думает, что его бросили.

На следующий день я приехала в ветеринарную клинику сразу после работы. Услышав, как я вытираю ноги о коврик перед дверью, Квири жалобно залаял. Его шею крепко фиксировал бандаж, а в одной лапке торчала игла, но песик радостно поднял передние лапки в приветствии, едва завидев меня.

— Он сегодня энергичный, — сообщил врач, и

я услышала в его голосе надежду. — Мы сделали ему переливание, я сообщу вам, когда получу результаты анализа на лейкоциты.

Я долго гладила его. Пытаясь не показывать свою грусть, я старалась, чтобы мой голос звучал весело: «Потерпи еще немножко. Когда тебя вылечат, мы будем жить вместе долго-долго. Квири, ты бывал на море? Мы поедем туда вместе. Я знаю, тебе тут одиноко, но потерпи еще совсем чуть-чуть. Мы с тобой будем жить долго-долго». К тому моменту я уже давно отказалась от мысли, что отдам Квири другому хозяину.

На следующее утро мне позвонили из клиники и сообщили, что повторный анализ на парвовирус у Квири дал положительный результат. Врач сказал, что они провели повторное обследование после того, как анализ на лейкоциты показал плохие показатели, а сам Квири ничего не ест с самого утра.

Я забила в поисковик «парвовирус у собак».

«Я недавно купил двухмесячного щенка, но у него нашли парвовирус. Можно вернуть деньги?»

«Уважаемый клиент, да, разумеется. Возможен обмен или возврат».

Интернет был полон комментариев такого

типа. Мне оставалось только отчаянно искать среди них упоминания о случаях, когда собаки выживали после парвовируса.

Квири таял на глазах. Всего за несколько дней он сильно похудел и уже почти не мог двигаться. Когда я спросила у ветеринара, какова вероятность выздоровления, он ответил, что не может сказать точно, но мне стоит готовиться к худшему.

На следующий день у Квири уже не получалось стоять на четырех лапках и поднимать голову. Я решила, что не могу больше оставлять его в этой темной комнатке без окон, и сказала врачу, что забираю его домой. Ветеринар предложил оставить его под наблюдением еще на сутки и, если ничего не изменится, забрать его завтра утром. В тот день я просидела с ним до самого закрытия клиники. Я старалась не плакать, но при взгляде на Квири, у которого не хватало сил даже поднять голову, слезы лились сами собой. Пес лежал, уткнувшись мордочкой в мою обувь.

— Ничего, сегодня ты в последний раз ночуешь здесь. Завтра утром я заберу тебя домой. Давай полечим тебя еще немного, и все.

Отдавая его в эту ветклинику в самом начале, я была уверена, что его вылечат. И даже в тот день

я все еще надеялась, полагая, что это лучшее, что я могу сделать для Квири. Закрывая за собой дверь палаты, я видела, как он неподвижно лежит на полу.

— Чиён! — окликнула меня бабушка из беседки перед домом. Она была одета в темно-синее льняное платье без рукавов и розовые тапочки, а в руках держала веер. — Как дела у Квири?

Я зашла в беседку и села рядом.

— Плохо. Сегодня даже голову не мог поднять. Уже несколько дней ничего не ест, — выдавила я, еле сдерживая слезы. Бабушка похлопала меня по спине, пытаясь успокоить, как маленькую. — Надо было забрать его, но я понадеялась, что ему станет лучше, и оставила там… Зря я так сделала. А теперь все уже закрыто…

— Поедем завтра утром вместе и заберем его.

Я кивнула:

— Он же ничего не понимает и совсем один там, а вдруг…

— Квири будет крепко спать сегодня. Он будет крепко спать, потому что устал, а когда мы придем за ним утром, обрадуется. Сварю-ка я ему минтая. Завтра накормим его хотя бы бульоном.

Бабушка достала из черного пакета гроздь винограда.

— Это мне на работе сегодня дали. Я помыла. Ешь. Кожуру и косточки вот сюда бросай, в пакет.

Я положила в рот виноградину. Во рту разлилась такая сладость, что слегка онемел язык.

Бабушка молча обмахивала меня веером.

— Скажи, что я могу для тебя сделать?

— Ничего, все в порядке.

— А ты подумай.

Просить о помощи было для меня сложнее всего. Помогать кому-то, если мне это под силу, было гораздо легче. Помогать, если это казалось мне затруднительным, — тоже вполне посильно. Но протягивать руку, прося помощи для себя самой, — такое для меня было невыполнимо. Как бы тяжело мне ни было, я не хотела доставлять людям неудобства, приставая к ним со своим нытьем. Но в тот день все было иначе. Мне хотелось попросить бабушку о помощи.

— Расскажите мне. Что случилось после того, как вы уехали в Хвирён?

Бабушка молча посмотрела на меня и постучала веером по дереву.

В Хвирёне бабушка впервые увидела море. В школе учитель объяснял детям, что такое море, но его рассказы оказались бесполезными;

не прониклась она рассказами о море и в Тэгу, после просмотра черно-белых снимков. Только оказавшись на море вживую, она осознала, что оно особенное, его невозможно представить, не увидев вблизи. Бабушка никогда еще не видела чего-то настолько огромного. Поначалу эти масштабы пугали ее, но спустя некоторое время она полюбила маленькие детали, связанные с морем. Запах на побережье на следующий день после дождя; шум волн, налетающих на песочный берег; белоснежную пену; ощущение мягкости, когда прикасаешься к тонкой раковине моллюска изнутри; кучки водорослей, которые выносит на берег волной; ощущения, когда бредешь по мягкому песку; небо над горизонтом, меняющее свои оттенки на закате… Временами бабушка думала, что, если когда-нибудь ей удастся полюбоваться этим пейзажем вместе с тетушкой Сэби, Хвичжой и тетушкой Мёнсук, ей нечего будет больше желать в этой жизни. Она забывала обо всем, пока наблюдала за тем, как солнце опускается за горизонт, и возвращалась домой затемно, за что часто получала нагоняй от матери.

Прадедушка рыскал по городу в поисках родителей, но так и не смог найти их следов. Хвирён был небольшим городком. Спустя три месяца

после приезда бабушка с прабабушкой приняли тот факт, что семьи прадедушки в Хвирёне нет. Смириться с этим не мог только один человек — он сам. Бабушка не видела причин, почему они должны оставаться в Хвирёне. Изо дня в день, приходя к морю, она ощущала, как в душе растет тоска, и боялась, что вскоре это чувство захватит ее целиком.

Бабушка писала письма каждый день. Прабабушка тоже исправно писала тетушке Сэби раз в неделю, и по понедельникам бабушка ходила на почту, чтобы отправить послания. У нее не было большей радости, чем когда к ним домой приходил почтальон с письмами из Тэгу. Вдыхая аромат бумаги, бабушка без конца читала и перечитывала весточки от Хвичжи.

Пролетело время. В тот год, когда бабушке исполнилось двадцать, Хвичжа написала, что поступила в самую известную в Тэгу старшую школу для девочек. Начиная с первого класса, Хвичжа каждый год занимала первое место по успеваемости во всей школе. У бабушки саднило сердце, когда она сравнивала свою жизнь швеи с успехами Хвичжи, которая, нарядившись в опрятную форму с матросским воротничком, ходила в лучшую школу города.

«Хвичже суждено улететь в далекий огромный мир, который недоступен мне. В конце концов она забудет меня». Письма стали приходить все реже, и бабушке казалось, что она понемногу теряет подругу. «Когда-нибудь я стану для нее никем. Я слишком долго прожила, тоскуя по Кэсону и Тэгу. Но в моей жизни больше нет ни того ни другого. Есть только Хвирён. Я должна жить здесь и сейчас». Убеждая себя таким образом, бабушка старалась отделить себя от Хвичжи, тетушки Сэби и тетушки Мёнсук. Она хотела доказать, что не только подруга переходит на новую ступень — бабушкина жизнь тоже не стоит на месте. Зимой того же года бабушка вышла замуж за молодого человека, который был родом из тех же мест, что и ее семья.

Его звали Киль Намсон. После Третьей Сеульской операции[35] он в одиночку сбежал из Кэсона в Хвирён и продержался в военное время, работая то на рыболовецком судне, то на рынке. Остальные члены семьи должны были последовать за

[35] Примечания: 35

Третья Сеульская операция, или Отступление 4 января, — событие Корейской войны 1951 года, когда в результате масштабного наступления китайских народных добровольцев войска Республики Кореи и войска ООН оставили Сеул, а столицу вновь перенесли в Пусан. Этот инцидент привел к массовому оттоку жителей Сеула и разделению многих семей.

ним в Хвирён, но он так и не дождался от них вестей. Ему было двадцать семь, когда он женился на бабушке.

В тот период Намсон работал на самом крупном рынке морепродуктов в Хвирёне. Прадедушка познакомился с ним, когда занимался доставкой товаров, и молодой человек пришелся ему по душе, поскольку у них было много общего: оба бежали из Кэсона и не могли найти своих близких. Несмотря на довольно большую разницу в возрасте, Намсон обращался к прадедушке как к старшему брату и частенько заглядывал, чтобы вместе выпить.

Мужчины усаживались в комнате и, дымя сигаретами, беседовали на разные темы, хотя чаще всего разговоры заходили о политике. Пока прадедушка с Намсоном вели полемику, прабабушка с бабушкой должны были готовить им закуску к выпивке и ходить в лавку за рисовой брагой макколли. В то время Намсон был одним из немногих приятелей прадедушки по выпивке. Он не говорил ничего, что резало бы слух бабушке, и учтиво вел себя с ее матерью, но прабабушке все равно он не нравился.

Однажды бабушка шла домой мимо рынка, когда кто-то окликнул ее по имени. Обернувшись,

она увидела Намсона. Он был одет в темно-синюю рабочую форму и стоял с сигаретой у входа на рынок.

— Мы сегодня условились встретиться с твоим батюшкой. Пойдем вместе, — сказал он и, затушив сигарету, подошел к бабушке.

По пути к дому он держался на небольшом расстоянии от нее и бесконечно что-то рассказывал. О том, какой великий человек ее отец, как тяжело ему самому работать на рынке, как он чувствовал себя, когда пришлось бежать с Севера. Эти рассказы влетали бабушке в одно ухо и вылетали из другого. У нее был тяжелый день и не было сил выслушивать чужие перипетии. Уже почти перед домом Намсон вдруг приблизился к ней вплотную и сказал:

— Ёнок, тут такое дело…

В этот момент бабушка почувствовала, как на нее навалилась невероятная усталость.

— Тебя уже посватали? У родителей есть кто на примете?

— А вам зачем? Спросите лучше у батюшки.

Больше Намсон не пытался с ней заговорить. Бабушка так и не поняла, хочет ли он познакомить ее с кем-то другим или интересуется ею сам.

Примерно через полгода после того разговора

Намсон попросил ее руки у прадедушки. В тот день прадедушка был в стельку пьян. Услышав вопрос Намсона, он страшно обрадовался и тут же согласился.

С самого детства прадедушка в шутку говорил дочери: «Ёнок, вот появится у тебя ухажер, который попросит твоей руки, — отец будет только рад. Кто бы это ни был, я возражать не стану».

Слова отца глубоко запали в сердце бабушки. «Если какой-то мужчина захочет меня, я должна буду непременно принять его», — считала она, не воспринимая слова прадедушки как шутку. Когда Намсон, поддавшись пьяному порыву, попросил у прадедушки ее руки, тот принялся без конца благодарить парня и упрашивать поскорее забрать дочь из его дома.

— Такой жених, как Намсон, для тебя большая удача, — заявил бабушке отец на следующее утро за завтраком. — Тебе уже двадцать. Ты старая дева, так что принимай его предложение с благодарностью, если не хочешь стать кому-нибудь второй женой.

Прадедушка похвалил Намсона, сказав, что тот не похож на современную молодежь, потому что трудолюбив и уважительно относится к старшим, и молодые смогут хорошо жить, полагаясь

друг на друга во всем, поскольку они оба родом из одних мест. Бабушка молча ела, не произнося ни слова. Прабабушка выглядела мрачной.

Когда бабушка вышла на кухню, помогая матери убрать со стола, та вдруг остановила ее:

— Не слушай, что тебе говорит твой батюшка.

— Что же мне тогда делать?

Прабабушка посмотрела на дочь с усталым выражением лица.

— Я не собиралась тебе этого говорить, но… — Она тяжело вздохнула, прежде чем продолжить: — Намсон похож на твоего отца. Если бы не я, ты бы тоже думала, что он хороший и обходительный. Но это не так… Он не станет хорошо относиться к тебе.

— А вы откуда знаете, матушка?

— А ты понаблюдай за ним во время еды. Рыба на столе или мясо, он всегда хватает самые сочные куски. Делал бы он так, если бы тобой дорожил? Конечно, язык у него подвешен. Это и я признаю. Но что-то я не видела, чтобы он хоть раз послушал, что ты говоришь.

— Все мужчины такие.

— Ёнок, не знаю, как насчет всего остального, но мне бы хотелось, чтобы ты не врала самой себе.

— А в чем я вру?

— Вспомни дядюшку Сэби.

Слова матери вонзились бабушке прямо в сердце. Длинная шея дядюшки Сэби, его улыбчивое лицо, теплый взгляд и манера речи, когда он обращался к тетушке Сэби, мягкий голос, которым он звал ее по имени. «Дядюшка, вы как солнышко. Я как солнышко увижу, сразу про вас вспоминаю». — «Ты погляди. А ты у нас никак поэтессой будешь. Ёнок, ты ведь у нас такая живенькая, и кушаешь хорошо, и смеешься громко, и мяч пинать умеешь, и бегаешь вон как быстро. Еще и с Хвичжой дружишь. И рассказываешь интересно». Бабушка не хотела вспоминать прошлую себя.

— Это давняя история. Я уже ничего не помню.

— Не ври.

— Матушка, давайте не будем жить, цепляясь за прошлое. Я уже позабыла все, что было в Кэсоне.

Так бабушка согласилась выйти замуж за Намсона, потому что он нравился прадедушке.

Отец всю свою жизнь был недоволен бабушкой. Она понимала, что никогда не сможет оправдать его надежд, потому что родилась не сыном, но все равно всегда пыталась порадовать его. Всю свою жизнь она смотрела на него снизу вверх, надеясь заслужить хотя бы кроху его одобрения.

Она думала, что, если выйдет замуж за Намсона, сможет хотя бы косвенно, через мужа получить наконец благосклонность отца.

Прошло много времени, прежде чем бабушка смогла признать, что обманывала саму себя. Признать, что и сама видела в Намсоне те отрицательные черты, о которых ее предупреждала мать. Она обманывала себя, выходя замуж за мужчину, к которому не испытывала ни капли любви, потому что не хотела оставаться старой девой, потому что хотела жить так, как все. Ее сердце все понимало, но она игнорировала его призывы, потому что считала, что Намсон станет для нее достойным мужем. В ее голове всегда звучал голос прадедушки: «В тебе нет ничего особенного, девчонка».

После того как бабушка дала свое согласие, дело пошло как по накатанной. Мать больше не отговаривала ее. Бабушка уселась за стол и принялась писать письма:

Хвичжа, тетушка Сэби, тетушка Мёнсук, я выхожу замуж…

Вскоре Хвичжа прислала ответное письмо:

Онни, прости. Матушка так занята ра-

ботой, что никак не может выкроить время. А тетушку Мёнсук сильно тошнит в автобусе. Я сказала, что поеду одна, но взрослые не позволяют. Поздравляю, онни…

Еще через несколько дней из Тэгу прибыла посылка. Внутри оказались зимнее платье темно-синего цвета, сшитое тетушкой Мёнсук, две пары серебряных ложек и письмо:

Ёнок, поздравляю со свадьбой. Посылаю серебряные ложки и платье. Счастья тебе. Будь счастлива, Ёнок…

Так закончилась бабушкина юность.

Поскольку у Намсона не было семьи, свадьбу отпраздновали скромно. Бабушка надела темно-синее платье, сшитое тетушкой Мёнсук. «Свадьба» — слишком громкое слово, потому что на деле родители пригласили всего около двадцати гостей на обед в китайском ресторане. После застолья бабушка отправилась в фотостудию и, надев взятое там напрокат скромное свадебное платье, с букетом в руках сфотографировалась вместе с молодым мужем. Было начало ноября, и на улице еще не похолодало.

Молодожены сняли в аренду дом с крошечным двориком, и бабушка продолжила заниматься ремонтом одежды на новом месте.

Намсон имел хорошую репутацию в округе. На рынке и во всем районе молва говорила о нем только как о вежливом и добродушном молодом человеке. «Вот уж свезло тебе, такого парня охомутала!» — бабушка сбилась со счету, сколько раз ей говорили подобное. «Да, мой муж хороший человек», — отвечала она с горькой усмешкой. Он и был таким человеком. Из тех, что на общем застолье вызывается заплатить за всех. А еще таким, что все эти расходы оплачивает из кармана жены. Позднее он и вовсе делал подсчеты заранее и просил ее приготовить ему определенную сумму. Он никогда ничего не давал взамен. Скупился даже на минимальное проявление чувств. Подобная сухость была уже слишком хорошо знакома бабушке из ее отношений с отцом. Прабабушка была права. Муж оказался во многом похож на него.

На бабушкиной памяти отец ни разу не подарил ей ни одного подарка. Даже когда они бежали из Кэсона в Тэгу, в пути прадедушка всегда занимал самое удобное место для сна и никогда ничего не уступал дочери. У него и в мыслях не

возникало снять свою куртку, когда дочь дрожала от холода в своем ветхом пальтишке. Бабушка настолько привыкла к подобному отношению отца, что даже не обижалась. И ее отношения с мужем стали возможны только благодаря тому, что она была уже привычна к такому. Она не могла представить своим супругом мужчину, который заботился бы о ней, мужчину, который не подсчитывал бы выгоду и ущерб от отношений с женой. Вместо того чтобы надеяться на что-то, а потом пребывать в разочаровании, она решила опустить руки и смириться. Потому что так было легче. Жизнь стала казаться ей вполне терпимой после того, как она отбросила все надежды на мужа и отказалась от всех мечтаний.

Хвичжа иногда писала ей, но бабушка почти не отвечала. Когда она начинала писать подруге, ее охватывало ощущение, что в ее жизни что-то идет не так; чем честнее она становилась сама с собой, тем тяжелее было вынести это. Мысли и чувства, которые смутными образами жили где-то на задворках ее сознания, становились четче, когда она изливала слова на бумагу, и это угрожало привычному укладу ее жизни.

На письма тетушки Мёнсук бабушка не отвечала вовсе. Она не могла вынести того, сколько

любви содержалось в этих строках. Читая письма тетушки Мёнсук, бабушка вспоминала о том, что тоже хочет, чтобы ее любили. Ей приходилось признавать, что она отчаянно и срочно нуждается в чьей-то любви. Она сколько угодно могла сносить жестокие слова мужа. Но ее сердце разрывалось от боли, когда она читала письма тетушки Мёнсук. Любовь заставляла бабушку плакать. Она задевала ее душу, которую не могли потревожить даже ругательства и обиды.

Весной того года бабушка узнала о своей беременности.

В то время Намсон часто приводил домой друзей, которые без конца курили и устраивали пылкие дебаты о президенте, правительстве, политических партиях и о том, как устроен мир. Рассуждая о том, какие действия необходимо предпринять для того, чтобы люди по всему миру меньше страдали и жили лучше, муж совершенно не обращал внимания на то, как сильно у бабушки опухли ноги, какой жуткий страх охватывал ее, когда живот временами сводил от боли. Он разглагольствовал о правах рабочих и при этом без зазрения совести забирал все деньги, с таким трудом заработанные бабушкой. Наблюдая за мужем, она чувствовала, как из самой глубины

ее души зарождается смех. Горький смех, смешанный с яростью.

Те, кому довелось познакомиться с бабушкой в том возрасте, считали ее циничной. Потому что, когда случалось что-то плохое, вместо злости, грусти или жалости она отвечала насмешкой или безразличием. Мало кто знал, что за этой циничной маской скрывается девушка, которая не хочет испытывать боли, не хочет больше плакать.

Только в середине беременности бабушка написала письма Хвичже, тетушке Сэби и тетушке Мёнсук.

Я беременна, осенью буду рожать…

Вскоре бабушка получила посылку. Внутри обнаружились детские пеленки и распашонки, заботливо сшитые из дорогой ткани, шапочки и носочки, мягкие полотенца.

Ёнок, поздравляю! Пошила тебе немного подарочков. Береги себя, Ёнок…

В сентябре 1959 года бабушка родила мою маму. Для этого ей пришлось пережить пятнадцать часов родовых схваток.

Стоял теплый солнечный день. Бабушка подметала двор.

— Госпожа Пак Ёнок?

Почтальон протянул бабушке посылку. В руки ей выпала знакомая книга. «Робинзон Крузо» в красном переплете. Бабушка поставила метлу в угол, присела на крыльцо и распечатала письмо, которое пришло вместе с посылкой.

> Ёнок-онни, здравствуй. Как твое здоровье? Восстанавливаешься? Великое дело ты совершила. Мы получили письмо от тетушки Самчхон. Говорят, ты родила здоровенькую дочь. Хотела бы я ее увидеть.
>
> Онни, прости, что так поздно передаю тебе новости.
>
> На прошлый Чхусок[36] мы похоронили тетушку Мёнсук. Твоя матушка в курсе. Тетушка не сильно страдала перед уходом. Хотя тебе и не станет легче от этих слов. Перед тем как уйти, она строго-настрого запретила нам рассказывать тебе. Сказала, что для тебя она давно забытый человек. Что прошлое не должно

---

[36] Примечания: 36

Традиционный корейский праздник сбора урожая и почитания предков, один из самых крупных в году.

мешать твоему будущему. Что новости о ее смерти могут помешать твоему восстановлению после родов.

Тетушка болела около месяца перед смертью. Она все время говорила, что должна успеть сшить одежду для первого дня рождения твоего ребеночка, что хочет увидеться с тобой, все вспоминала о тебе и улыбалась.

Мы все знаем, что ты очень занята, онни. И не виним тебя. И все же тетушка так сильно ждала твоего письма. Ты, наверное, не знаешь, но она очень скучала по тебе. Вот насколько она дорожила тобой. Надеюсь, что ты будешь об этом помнить.

Я тоже часто думаю о тебе. Казалось бы, только вчера мы с тобой бродили по переулкам Тэгу, а теперь ты уже мама. Когда же нам доведется встретиться? Хвирён очень далеко, но скоро я стану взрослой и приеду к тебе в гости. Если будешь в Тэгу, навести могилу тетушки Мёнсук. Она будет очень рада.

Береги себя, онни.

Хвичжа

P.S: отправляю тебе тетушкины вещи.

Бабушка раскрыла обложку, затертую от частых прикосновений. На первой странице обнаружилось послание, написанное острым убористым почерком.

Ёнок, это тебе.

Как ты там поживаешь в Хвирёне? У меня ничего нового. Странно, но, как сяду за машинку, все время слышу твой голос, как ты трещала раньше рядом со мной. Шумная девчонка, вот ты кто. Голосок такой звонкий, что за тысячу ли слышно. Вот этим голоском ты и читала мне эту книгу. Сколько бы ни слушала, каждый раз было интересно.

Ёнок, я знала с самого первого дня, что ужасно привяжусь к тебе. Прогоню тебя, не гляжу даже в твою сторону, а ты все равно бегаешь за мной, как щенок. Ты перевернула мой мир, а я ведь просто хотела спокойно жить в ожидании смер-

ти… Можешь посмеяться над старухой.

Я встретила тебя во время войны. Когда же мы свидимся снова? Увижу ли я тебя снова, пока жива? Ёнок, моя Ёнок. Хочу опять позвать тебя по имени. Будь здорова. Всегда будь здорова, моя Ёнок.

Твоя тетушка

Перед глазами бабушки стояло лицо тетушки Мёнсук, которая спокойно слушала все ее детские россказни, озаряясь легкой улыбкой. Как она подсаживалась поближе, когда бабушка читала «Робинзона Крузо», и внимательно слушала, время от времени кивала и спрашивала: «Ёнок, это ты?» — когда бабушка открывала калитку, возвращаясь домой. Тетушка Мёнсук держалась холодно и невозмутимо, но бабушка знала, что старая женщина рада ее присутствию.

Хвичжа писала, что тетушка Мёнсук ждала ее письма.

«Мы тебя не виним», — говорилось в письме.

Но бабушка читала между строк иное.

«Ты не заслуживаешь того, чтобы мы тебя винили. Я больше не надеюсь на тебя. Ты не заслуживаешь даже того, чтобы на тебя надеялись. Я не хочу пытаться понять причины твоей жесто-

кости после того, как ты ни разу не удосужилась ответить на письма тетушки Мёнсук».

Слезы не останавливались. Зачем тетушка Сэби сказала ей те слова на прощание? Зачем сказала, что они встретятся снова? Если бы бабушка могла повернуть время вспять, она бы отправилась в тот день, когда они покидали Тэгу, и обняла бы на прощание тетушку Мёнсук. Хоть на одно короткое мгновение.

Только спустя годы бабушка поняла, почему тетушка Мёнсук не смогла тепло попрощаться с ней. Ей оставалось лишь вечно сожалеть о том, что, поддавшись минутному страху быть отвергнутой, она не обняла старую женщину на прощание и повернулась к ней спиной. «Спасибо, что обучили меня шитью, тетушка, у вас слабое горло, пейте побольше теплой воды…» Она должна была сказать ей хотя бы это.

Однако бабушка понимала, что есть вещи, которые уже нельзя исправить. Она отдалилась от семьи в Тэгу не только из-за времени и расстояния. Какая-то сила отталкивала их друг от друга с того самого момента, как они с родителями покинули Тэгу. Как бы она ни старалась приблизиться к ним, что-то каждый день отбрасывало ее все дальше и дальше от прошлого.

Бабушка не ответила Хвичже.

Она отдала всю себя заботе о дочери. Чем сильнее она погружалась в хлопоты о ребенке, тем слабее становились воспоминания о тетушке Сэби, Хвичже и тетушке Мёнсук. Бабушка считала, что она из тех людей, кто сосредоточен на настоящем вместо того, чтобы цепляться за прошлое. Меняя ребенку пеленки, кормя ее грудью, купая и играя с малышкой, она создавала для себя маленький мирок, в котором могла спокойно существовать.

Дочь отпраздновала свой первый день рождения, наступил следующий год.

Однажды Намсон сказал, что занят на работе, и не приходил домой двое суток. Бабушка, как обычно, подметала двор утром, привязав ребенка к спине, когда в калитку вошли две женщины в традиционных ханбоках, с аккуратными пучками на головах. Одна женщина выглядела ровесницей бабушки, а вторая была примерно возраста ее матери.

— Кто вы?.. — растерянно спросила бабушка, но посетительницы лишь молча прожигали взглядами ребенка у нее за спиной.

— Это и есть Мисон? — поинтересовалась молодая женщина, указывая на малышку. Щеки у нее

были красными от долгой ходьбы.

— Но кто вы…

Пожилая женщина строго посмотрела на бабушку и сказала:

— Я мать Намсона.

Ее взгляд снова переместился на ребенка.

— Что вы имеете в виду…

— А это жена Намсона.

От растерянности бабушка засмеялась.

— О чем вы… Это я его жена.

— Ветер холодный. Может, зайдем в дом? — предложила молодая женщина.

Не понимая, что происходит, бабушка медленно кивнула. Ее почему-то била дрожь. Гостьи уселись около печки и уставились на бабушку снизу вверх.

— Намсон женился на этой женщине, когда ему было семнадцать. Когда началась война, ему пришлось бежать одному, а потом связь прервалась… Мы все это время были в Сокчо. Только недавно услышали, что Намсон в Хвирёне, и приехали сюда. Уже решено, что он едет с нами в Сокчо.

Бабушка слушала взрослую женщину, не произнося ни слова. Оказывается, на Севере у Намсона уже был сын, он страшно обрадовался, когда мать с первой женой нашли его в Хвирёне, пообещал,

что поедет с ними в Сокчо, и, сообщив им адрес, попросил объяснить сложившуюся ситуацию женщине по имени Пак Ёнок.

— Если хотите, ребенка можете оставить себе, — великодушно заявила женщина, представившаяся женой Намсона.

— Был бы это сын — разговор бы был другой, — добавила старшая.

— Так чего вы хотите? — тихо поинтересовалась бабушка.

— Даже не думай больше видеться с Намсоном, — ответила старшая, на что бабушка тихо рассмеялась в ответ.

Гостьи удивленно переглянулись.

— Если вы все сказали, то уходите.

Бабушка открыла дверь и указала женщинам на выход. Родственницы Намсона ожидали, что она будет умолять их и кричать, что не может расстаться с мужем. Ну или хотя бы сделает испуганные, как у кролика, глаза при виде «законной жены». Проводив их со двора, бабушка осознала, что брак с Намсоном больше не имеет для нее никакого значения. Она не имела ни малейшего желания соперничать с ними за своего супруга. В ее душе царил лишь холод. В тот момент она даже почти не чувствовала гнева на человека,

который женился на ней обманом, скрыв, что у него уже есть жена и ребенок.

Бабушка закутала дочь в теплые одежки и отправилась на рынок, где работал Намсон. Он переставлял картонные коробки и резко остановился, увидев бабушку. Подойдя к нему ближе, она ощутила привычный запах мужского тела, смешанный с запахом табака.

— Если есть что сказать, говори, — выпалила бабушка.

— Если бы я знал, что мать Чусона на Юге, ничего бы не случилось. Я думал, она осталась на Севере. Честно. Стал бы я заново жениться, если бы знал, что жена здесь?

— Мой батюшка тоже знал?

— Да… Он сказал, это не проблема.

— Так, значит, вы сговорились, чтобы обмануть меня?

— Успокойся. — Намсон смущенно огляделся по сторонам. — Жена всю войну в одиночку ухаживала за моей матерью и больным отцом, да еще и сына растила. Я должен ехать в Сокчо к отцу.

— Мне нет никакого дела до того, куда ты собрался.

От этих слов в его глазах зажегся огонек презрения.

— И что ты предлагаешь мне делать?

Отправляясь на встречу с Намсоном, бабушка ожидала, что он как минимум испугается или удивится при виде нее. Думала, он упадет на колени и станет просить прощения. Но муж всего лишь пояснил, что у его поведения имелись свои причины. Она не могла отыскать в его глазах ни проблеска сожаления. Он не испытывал ни малейшего чувства вины за то, что обманул ее. Бабушка сказала, что до сих пор до конца не понимает, как он мог так поступить, но вывод напрашивался только один: он поступил так просто потому, что мог.

— Через два дня я уезжаю в Сокчо.

— Отлично, поезжай. Но Мисон ты не заберешь.

— Кажется, ты чего-то недопонимаешь, но ты не сможешь всю жизнь оставаться ее матерью. Таков закон. Думаешь, кто-то позволит бабе без мужа записать ребенка в семейный реестр?

— Ну нет так нет. Но я не позволю такому ублюдку, как ты, забрать у меня дочь!

Это был первый и последний раз в жизни бабушки, когда она так громко кричала на кого-то. Она сказала, что не сопротивлялась бы настолько сильно, даже если бы кто-то пытался отнять ее

жизнь. Намсон вытер руки о фартук и вернулся к работе, сделав вид, что не слышал ее.

Он так никогда и не извинился перед ней.

— Мой муж тоже не извинился передо мной, — внезапно вырвалось у меня. — Он обманывал меня, встречаясь с другой женщиной, но, когда я узнала, обвинил в этом меня.

Бабушка промолчала.

— Сказал, что давно разлюбил меня и в этом виновата я. Что если бы мы расстались раньше, то ему не пришлось бы изменять.

Горло сдавило рыданиями, и я осеклась.

— Он только крикнул мне однажды: «Ну прости, довольна?» — и назвал это извинениями. Но, бабушка, я лишь хотела, чтобы он искренне попросил у меня прощения.

— Знаю, знаю.

— Я не могла продолжать жить с ним.

— Конечно, ты же моя внучка. Ты ушла, ни разу не обернувшись.

— Как я могла жить с ним дальше, бабушка? Как можно делать вид, что ничего не случилось, после такого?

Не в силах сдерживаться, я уронила лицо в ладони и разрыдалась.

— Придет день, когда это перестанет иметь

значение. Ты можешь не верить мне сейчас… но это правда, — утешающе произнесла бабушка.

На следующее утро мне позвонили из ветеринарной клиники. Ночью Квири умер. Врач, не скрывая замешательства, сообщил, что не ожидал, что это случится так скоро. Я могла думать только о том, что, возможно, мне бы не было так больно, если бы я забрала его тем вечером, если бы проводила Квири в иной мир, закутав его в любимый плед в клеточку. Что, если бы ему не пришлось так страдать, не подбери я его на улице, если бы он, постепенно ослабев, просто умер во сне? Я знала, что это бесполезные мысли, но никак не могла прогнать их из головы. Я думала, что спасла Квири, но в итоге только принесла ему еще больше боли.

Квири лежал на боку на одноразовой пеленке. Открывая дверь, я надеялась, что он будет выглядеть умиротворенным, словно просто заснул, но страдания отпечатались даже на его бездыханном теле. Потемневшая мордочка, зубы и язык, виднеющиеся из бессильно приоткрытой пасти… Он был холодным. Я долго гладила тельце Квири, в котором его больше не было. Если бы я знала, что так выйдет, ни за что не оставила бы его в больнице или, по крайней мере, забрала

бы домой вчера… «Прости меня, — прошептала я вслух, — прости, прости».

Положив Квири в картонную коробку, я пошла оплачивать счет за лечение. Даже стоя перед врачом, я не могла перестать плакать.

— Он уже был болен, когда вы его нашли. Думайте о том, что благодаря вам он смог получить лечение и хотя бы недолго, но прожил в любви.

— Где он заразился? Как так вышло, что он такой исхудавший оказался под клумбой в моем дворе? — накинулась я на ветеринара, не понимая, что говорю.

Врач смутился. Мои вопросы не имели смысла, и он был не обязан отвечать на них. Я низко опустила голову и вышла из клиники. Слезы не останавливались, но в сердце было тихо, и я методично планировала дальнейшие действия. Я собиралась завернуть Квири в его любимый клетчатый плед и похоронить рядом с обсерваторией. Вернувшись домой, я поставила коробку в гостиной и долго смотрела на нее.

В телефоне обнаружилось несколько пропущенных звонков от бабушки. Только тогда я вспомнила, что мы договорились пойти в клинику вместе. Я перезвонила ей, и вскоре бабушка спустилась ко мне, держа в руках садовую ло-

патку.

Она долго без слов смотрела на лежащего в коробке Квири. Я пожаловалась ей, что перед смертью Квири, должно быть, чувствовал себя одиноко в темной палате и думал, что его бросили, потому что никто не приходил.

— Возможно. Но это не точно. Ведь говорят, что собаки не хотят, чтобы любимые люди видели их больными, вот и убегают из дома перед смертью… Так что мы не можем знать наверняка. Не думай, что он чувствовал себя одиноко, когда умирал. — Бабушка протянула мне лопатку и спросила: — Пойти с тобой хоронить его?

Я покачала головой:

— Не надо, я хочу пойти одна.

— Хорошо, проводи его и возвращайся.

Я ненадолго прилегла рядом с Квири. Прошлой ночью я почти не спала, а сегодня слишком много плакала, от усталости меня сморило. Проснувшись, я обнаружила, что уже разгар дня. Я завернула Квири в клетчатый плед и положила обратно в коробку. Захватив с собой его любимого мягкого кролика и собачьи лакомства, я села в машину.

Что, если мой бывший муж прав и время — это замерзшая река, а прошлое, настоящее и буду-

щее предопределены заранее? Неужели еще до встречи со мной Квири было «предопределено» попасть в ветеринарную клинику и умереть там? Я понимала, что мне может стать легче, если я буду думать именно так, но не могла заставить себя в это поверить.

Я отправилась к бабушкиному старому дому. Мне почему-то хотелось показать Квири это место. Я долго стояла перед пустырем, прижимая к себе коробку и наблюдая, как солнце садится за горизонт. Я собрала букет из диких астр, густо растущих на пустыре.

Я медленно вела машину в сторону обсерватории. Затем оставила автомобиль на парковке и побрела к дереву, которое возвышалось в отдалении и не бросалось людям в глаза. Днем прошел дождь, и лопатка легко входила в землю. Я вытащила пару камней размером с кулак и выкопала довольно просторную ямку. Опустив в нее завернутого в плед Квири, я положила сверху кролика и вкусняшки и засыпала его землей. Немного потоптавшись сверху, я убедилась, что поверхность стала ровной, и водрузила поверх могилки букет, собранный на пустыре.

Тихо сидя под деревом, я думала о том, что, когда утром ветеринар позвонил мне сообщить

о смерти Квири, я испытала не только грусть. Я почувствовала облегчение. Часть меня почувствовала облегчение. От того, что страдания Квири закончились, и еще от того, что мне больше не придется мучиться, наблюдая за его болью. Я не могла отрицать этих эгоистичных мыслей.

Отряхнув с рук землю, я поднялась и побрела на парковку. На медленной скорости моя машина выкатилась на ночную горную дорогу. Примерно на середине спуска меня ослепили фары встречного автомобиля, несущегося на огромной скорости. Уже совсем вблизи я с запозданием заметила, что водитель пересек разделительную полосу и несется прямо на меня. Я стремительно выкрутила руль вправо. На долю секунды перед глазами мелькнула яркая вспышка. Я ведь попала в аварию, но почему совсем не чувствую боли? Подул мягкий ветерок, и я распахнула глаза. Авария произошла посреди ночи, но сейчас было светло.

Бабушка стоит во дворе и, набирая воды́ в ковш из шланга, умывает лицо сестре. Мы в ее старом доме. Бабушка прикладывает пальцы к крошечному носику сестры и заставляет ее высморкаться. Глядя на эту картину, я чувствую умиротворение. Откуда-то доносится смех ма-

ленького ребенка, и, оглянувшись, я вижу себя на спине у мамы. Я пытаюсь присмотреться к своему лицу, как вдруг все вокруг резко погружается во тьму.

Мы с сестрой летим на велосипеде по склону холма. Сестра крутит педали, а я крепко обнимаю ее со спины. Сестра пахнет клубничной жвачкой. Я чувствую себя так спокойно, словно в жизни не знала печали и страданий. Не уходи! Я кричу изо всех сил, чтобы удержать это мгновение. Не покидай меня, онни!

Мир внезапно переворачивается вверх ногами, и я вижу себя, висящую вниз головой на турнике в школьном дворе. Эта девочка тянет время, чтобы как можно дольше не возвращаться домой. Я могу прочитать ее чувства, словно они отпечатаны на листе бумаги. Эта девочка думает, что ее друзья стыдятся дружить с ней. Она шепчет себе. Я слишком страшная, поэтому никто меня не любит. «Нет, это неправда», — хочу закричать я, но что-то тянет меня назад.

Когда я снова открываю глаза, на улице глубокая ночь. Я еду в ночном автобусе, а рядом со мной сидит любимый человек. Мне двадцать два, и я изнываю от любви к нему, но скоро он откроет рот и скажет, что уходит от меня. Он произно-

сит эти слова. Знаю, я уже знаю. Я давно знала, что ты скажешь это. «Знаю, знаю, — продолжаю шептать я даже после того, как он выходит из автобуса. — Знаю, я знаю… В конце концов все от меня уходят…» Я хочу проснуться. Изо всех сил жму на кнопку остановки, но автобус не тормозит. Я отчаянно зову водителя и стучу кулаками по двери, но автобус продолжает нестись вперед. Никто не смотрит в мою сторону.

У меня за спиной со стуком закрывается дверь. Я знаю, что это муж захлопнул ее за собой, уходя от меня. Я думала, что хотя бы ты… из всех людей, хотя бы ты меня не оставишь. Я падаю на пол и рыдаю, дрожа всем телом.

— Чиён.

Во рту восьмилетней сестры зияют две дырки от выпавших зубов, она стучит меня по спине.

— Чиён, эй, Чиён!

Сестра зовет меня по имени, и мир вокруг становится светлее.

— Кажется, солнце встает.

Я мгновенно забываю, что только что горько рыдала, и говорю сестре:

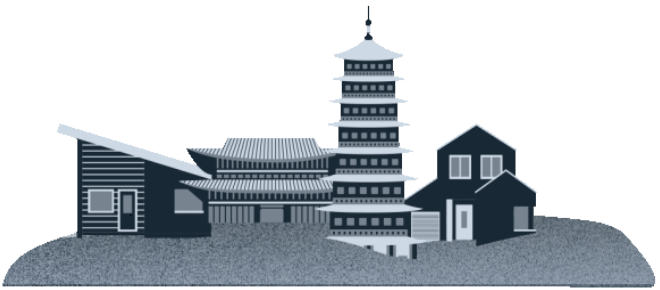
— Так ярко, что глаза слепит. Почему так светло?

Стоя в ярком свете, сестра смотрит на меня,

словно я сказала что-то смешное, и громко смеется.

— Дурочка, — говорит она, — дурочка, я никогда тебя не оставляла.

Часть четвертая



12

Аварию обнаружила местная столяр, проезжавшая мимо на грузовике. Увидев меня без сознания, она сразу вызвала скорую. Она же пробыла рядом до самого приезда врачей, не оставляя попыток привести меня в чувство. Я пришла в себя уже в отделении скорой помощи после того, как меня сильно стошнило. По сравнению с машиной, которую пришлось отправить на свалку, мне еще повезло, и я отделалась ушибами.

Когда врач спросил у меня номер опекуна, я засомневалась. Мне не хотелось звонить маме или папе. Я вписала в графу «контакты опекуна» номер телефона бабушки и указала наши родственные связи. Утром, когда врач с медсестрой вошли в палату и отодвинули шторку у моей кровати, я увидела бабушку, свернувшуюся клубком на койке для опекуна. На ее затылке торчали две розовые бигуди, которые она, похоже, второпях не успела снять.

Врач сказал, что у меня может быть сотрясение мозга, и спросил, не тошнит ли меня и не кружится ли голова. Я ответила, что меня подташнивает, кружится голова, болит в груди, в районе шеи и

тяжело подниматься с кровати.

— Ваш организм в состоянии шока. Насчет шейных позвонков: придется провести дополнительное обследование, чтобы исключить смещение межпозвоночных дисков и растяжение суставов, — заключил врач.

— Сколько мне еще тут оставаться? — поинтересовалась я.

— Еще несколько дней. Отдыхайте и старайтесь ни о чем не думать.

Врач с медсестрой вышли из палаты, а бабушка поднялась с кровати и подошла ко мне. Она долго молча смотрела на меня, прежде чем заговорить:

— Всех мерзавцев, которые садятся за руль пьяными, надо переубивать.

На ее лице застыло выражение, которого я никогда не видела раньше.

— Этот негодяй чуть не убил тебя.

— Но я ведь жива, — ответила я с улыбкой, чтобы разрядить атмосферу, но бабушка нахмурилась и выбежала из палаты.

— Бабушка! — позвала я. — Бабушка!

Я крикнула чуть громче, но она не возвращалась. У меня было такое ощущение, будто кто-то накрепко привязал мое тело к кровати. Когда бабушка наконец вернулась, ее лицо выглядело

гораздо спокойнее. Она осторожно положила руку мне на плечо и пересказала детали происшествия, которые выведала у врача. Водитель, выскочивший на встречную полосу, был настолько пьян, что даже не помнил о случившемся. Я уклонилась от столкновения с ним, но моя машина скатилась с откоса у обочины и воткнулась в землю. К счастью, я ехала медленно, подушки безопасности сработали и меня нашли почти сразу после аварии. Если бы столкновение было лобовым, история оказалась бы совсем с другим финалом.

— Ездить за рулем опасно. Как бы ты ни была осторожна, один раз не повезет — и вот что получается.

— Знаю. — Я попыталась выдавить из себя улыбку, но вышло плохо.

— Помочь тебе дойти до туалета?

Бабушка просунула ладонь мне под спину и помогла приподняться. Затем одной рукой взяла меня под руку, второй подхватила шнур от капельницы и осторожно подвела к двери туалета.

— Сможешь зайти сама?

Я кивнула. В зеркале я увидела свое отражение. Лицо сильно опухло, а на лбу и вокруг глаз расплывались фиолетовые гематомы. Самый

огромный синяк был на левом глазу. Доктор сказал, что я еще легко отделалась.

«Всё могло быть куда хуже. Вам повезло. Обычно во время аварии тело напрягается, и это приводит к более серьезным травмам. Но ваше, похоже, расслабилось в момент падения. Однако могут быть последствия, так что мы все равно еще понаблюдаем за вами».

Почему я была расслаблена? Глядя на себя в зеркало, я медленно вернулась мыслями в момент аварии.

Медсестра принесла на обед больничную кашу для меня и опекуна. Во время еды мы с бабушкой почти не разговаривали. Наевшись, я легла и снова провалилась в сон, а бабушка тем временем лежала на своей койке, уткнувшись в телефон. Проснувшись, я обнаружила ее в той же позе. Бабушка увлеченно играла в игру-головоломку, где нужно расставлять в ряд конфетки одинакового цвета. После конфеток она перешла к пазлам с шестиугольными плитками, а затем снова вернулась к конфеткам. Ее пальцы шевелились не очень проворно, но бабушка явно была умелым геймером. Похоже, она часто играла в обе эти игры, и я с удивлением следила за ее мастерством.

— Я и не знала, что вы любите игры.

— Играю, когда есть время. А ты разве не любишь?

— Никогда особо не играла.

— Правда? А я думала все женщины в нашей семье любительницы поиграть.

Когда я училась в старшей школе, мама ходила в компьютерный зал, расположенный в одном здании с библиотекой, в которой я занималась, чтобы поиграть в «Старкрафт». Она говорила, что встречает меня, чтобы я не ходила домой одна по темноте, но чаще всего настолько увлекалась игрой, что мне приходилось самой забирать ее из компьютерного зала. Она даже как-то заняла второе место в турнире по «Старкрафту» для взрослых, который проводили в районном культурном центре. Вспомнив об этом, я улыбнулась и рассказала бабушке о маминой любви к компьютерным играм.

— Мисон и в карты хорошо играла. Мы с ней и моей мамой часто играли в го-стоп. Для го-стоп три человека — как раз самое то. Потом, когда Мисон уехала в Сеул, мы с мамой пытались играть вдвоем, но было уже неинтересно. Ужас как скучно. Я, конечно, поддавалась, чтобы быть хорошей дочерью. Теперь, когда прошло столько времени, скучаю даже по таким моментам…

Лежа на койке с задернутой шторкой и слушая бабушкин голос, я ощущала себя как никогда близко к ней. Маленький холодильник рядом с кроватью тихо загудел. С соседней койки послышались приглушенные голоса двух женщин. Внезапно мне захотелось пройтись, пусть и через силу.

— Я хочу выйти на улицу, — сказала я.

Бабушка встала, подложила одну руку мне под спину, помогла подняться, а затем протянула вторую. Ее ладонь была большой, плотной и прохладной. Мы вместе спустились вниз на лифте и вышли наружу, лицо обдало сильным порывом холодного ветра, и меня пробрала дрожь. Небо выглядело пасмурным.

— Давай посидим здесь, — предложила бабушка, указывая на пластиковые стулья рядом со входом. Мы молча сидели и разглядывали очертания холмов вдали, трех курящих мужчин в одежде для похода в горы и с грохотом проносящийся мимо грузовик. Тем временем небо затянули свинцовые тучи, и на улице резко потемнело. Ветер становился все сильнее.

— Когда я разговариваю с тобой, меня охватывает сожаление, — нарушила молчание бабушка.

— Почему?

— Просто. Начинаю думать о том, как бы все было, если бы мы виделись хотя бы изредка. От таких мыслей я начинаю жалеть об ушедшем времени, а еще я понимаю, что и этот момент скоро пролетит, и я уже жалею об этом.

Для тридцатилетней меня и почти восьмидесятилетней бабушки время шло по-разному, как по-разному течет оно для человека и собаки. Сверкнула молния, и прогремели раскаты грома.

— В это же время в прошлом году я и представить себе не могла, что буду жить в Хвирёне. Что разведусь с мужем и останусь одна. И уже тем более не подозревала, что буду сидеть тут рядом с вами, — с этими словами я посмотрела на бабушку и улыбнулась. — Врач сказал, что мне повезло, что люди редко выбираются из таких аварий почти без травм. Не могу этого отрицать. Мне действительно повезло. Мне всегда везло. Вот только я никогда не умела наслаждаться этим. У меня нет таких трепетных моментов, в которых я хотела бы задержаться или вернуть. Наверное, я полагала, что для меня все такие моменты остались в прошлом.

Я поежилась от холодного ветра.

— В твоем возрасте я тоже была такой. У меня не было никаких надежд. Если б только могла,

вычерпала бы все оставшееся мне время и выбросила бы прочь…

Снова сверкнула молния, и бабушка обняла себя за плечи обеими руками. Вскоре полил дождь, и нам пришлось переместиться в больничную комнату отдыха. Бабушка сказала, что сходит в палату, а я осталась смотреть телевизор. На экране повар показывал, как готовить блюдо, полезное для здоровья печени. Когда я в последний раз покупала продукты, чтобы приготовить что-то самой?.. Готовка была одним из немногих моих хобби. В то утро я тоже промыла рис, включила рисоварку, поставила разогреваться отвар из-под риса, чтобы приготовить суп, сварила очищенного осьминога и накрыла стол, чтобы позавтракать вместе с мужем. С тех пор как я узнала, что после того завтрака он отправился в мотель с любовницей, моя страсть к готовке умерла. Чистить продукты, мыть, добавлять приправы, жарить, запекать, кипятить… Весь этот процесс, в который я погружалась со всей душой, теперь вызывал лишь усмешку. И зачем я так старалась готовить ради того, кто в это время изменял мне? До тех пор я не знала, каково это — презирать то, что прежде любила всем сердцем. Что-то теплое опустилось на мои плечи, отвлекая

от воспоминаний. Обернувшись, я обнаружила, что мои плечи накрывает сиреневая шаль. От нее исходил слабый запах нафталина.

— Она из шерсти. Накрываешься — и сразу становится теплее.

Бабушка оказалась права. Объемная шаль с каждой минутой все больше обволакивала меня теплом.

— Это вы связали?

— Я связала ее для мамы, но иногда пользуюсь ей сама. В ней ты еще больше на нее похожа. Я до сих пор каждый раз удивляюсь, когда смотрю на тебя. Как будто мама снова стала молодой.

Бабушка видела в моем лице черты своей матери. Сколько бы ни прошло времени, я никак не могла привыкнуть к этому факту.

— Получается, вы знаете, как я буду выглядеть, когда постарею?

Бабушка кивнула:

— Не только твое лицо, но и взгляд и выражение точь-в-точь как у нее. Если кто-то пытается уничтожить тебя, ты им не позволяешь. Но это причиняет тебе боль. Я права?

Бабушка была права. Это было в моем характере. Я могла сколько угодно подстраиваться и менять себя ради партнера, но, если он пытался

растоптать меня, я не могла сдержаться.

— А как поступила прабабушка? Когда узнала, что ваш брак оказался ложью?

Бабушка глубоко задумалась, прежде чем ответить:

— К тому моменту, как мама узнала, он уже уехал в Сокчо. И записал Мисон в свой семейный реестр. Зарегистрировал ее как свою дочь от первой жены.

— Но тогда вы…

Бабушка молчала, перебирая пальцами сиреневую шаль на моих плечах.

— Всю жизнь я не была матерью Мисон по закону. Не смогла даже открыть сберкнижку на ее имя. Потому что мы не были матерью и дочерью по документам.

Бабушкино лицо застыло.

— Такова была сделка. Они позволили мне оставить Мисон у себя, но взамен записали ее в свой семейный реестр.

— А вы не могли записать ее своей дочерью?

— Такой раньше был закон. Если отец желал записать ребенка в свой семейный реестр, у матери не было никаких прав.

Вскоре после того, как Киль Намсон уехал в Сокчо, пришло письмо от Хвичжи. Это стало

неожиданностью, учитывая, что и без того редкая переписка давно прервалась. Подруга сообщала, что сдала выпускные экзамены на высший балл и поступила в знаменитый Женский университет Ихва в Сеуле. Она получила стипендию за отличную успеваемость и могла теперь не беспокоиться о плате за учебу, к тому же ей выделили место в общежитии. Бабушка перечитала письмо несколько раз. До того дня она ни разу в жизни не слышала, чтобы женщина смогла поступить в университет. Не говоря уже о стипендии и бесплатном обучении. Бабушка даже представить себе не могла, каких успехов добилась Хвичжа.

Бабушка гордилась своей подругой, но где-то в уголке ее души поселилась уверенность в том, что теперь они окончательно отдалятся друг от друга. «Хвичжа станет большим человеком и забудет меня. Кто я для нее?» Бабушка написала ответ. Она как никогда старалась, чтобы почерк вышел красивым. Бабушка так восхищалась аккуратным легким почерком подруги, что, сама того не замечая, писала, подражая ей. *«Хвичжа, поздравляю тебя»,* — написала она одну строчку, и сердце дрогнуло от волнения. *«Хвичжа, скоро ты забудешь меня»,* — написала бабушка и стерла эту строку ластиком. Она решила, что ни за

что не станет сообщать подруге, как закончилась ее недолгая семейная жизнь. Ей не хотелось расстраивать Хвичжу, но еще больше не хотелось вызывать сочувствие. Хвичжа не должна была узнать, насколько ничтожна ее жизнь. Бабушка сшила из самой лучшей ткани блузку и юбку и отправила в Тэгу посылку вместе с письмом.

Посадив дочь на спину, бабушка обходила весь район в поисках работы. В основном ее просили починить одежду, но иногда случались и заказы на индивидуальный пошив. Понемногу слухи о ее мастерстве разлетелись по округе, и ей приходилось спать все меньше, засиживаясь за работой допоздна. Она считала, что это и есть ее способ выжить.

Иногда клиенты интересовались, куда подевался ее муж. Бабушка отвечала честно. У него оказалась первая жена на Севере, и он решил жить с ней. «А что насчет семейного реестра?» — сразу же спрашивали люди. Она поясняла, что муж записал дочь в свой семейный реестр, и женщины тяжело вздыхали. «И все же вы удивительная, мама Мисон», — замечали клиентки, и на этом разговор заканчивался. Поначалу бабушке было тяжело говорить о случившемся, но через какое-то время она перестала ощущать

хоть какие-то эмоции. Как будто речь шла не о ней и не о ее жизни, а о ком-то другом.

Встречались и те, кто открыто обвинял бабушку, считая, что мужчина не мог так просто обдурить ее. Наверняка она сама пошла замуж, прекрасно зная, что у него есть первая жена, которая прошла с ним все трудности и невзгоды. Баба сама виновата. Бабушка знала, что именно таково мнение большинства. Ведь люди всегда говорили именно так. Если муж бьет жену, значит, она сама напросилась, если ходит налево — сама виновата. В основе такого мнения лежала убежденность в том, что женщины всегда сами провоцируют мужчин на подобные действия.

К тому времени вернулся прадедушка, который отсутствовал в Хвирёне несколько месяцев, доставляя куда-то груз. Когда отец пришел к дочери с визитом, она по одному звуку его дыхания поняла, что он винит во всем ее. Бабушка, заболев, лежала в постели, а отец стоял над ней и громогласно возмущался, упрекая в том, что она не сумела удержать мужа подле себя.

— Не смогла мужика удержать — вот его и отняли у тебя, это ж надо быть такой бестолочью!

Она выслушивала обвинения отца с закрытыми глазами.

— А ну повтори это еще раз, — вдруг тихо произнесла прабабушка. Она поднялась со стула и подошла к мужу вплотную. — Если еще раз скажешь такое, для меня ты умер. Если собираешься говорить такое Ёнок, лучше пропади с моих глаз.

— Да как ты смеешь так со мной разговаривать? Да если бы не я, ты…

— Да, если бы не ты, я бы не выжила. И я была тебе благодарна. Жила же я все эти годы в твоей тени. А ты обращался со мной как с должницей. Будто я тебе задолжала на всю жизнь.

— Да как ты смеешь! Родному мужу!

— Я тебя просила бежать со мной? Просила бросить родителей и жениться на мне? Так почему ты всю жизнь затыкаешь мне рот? В чем я провинилась? Если моя вина в том, что я родилась дочерью мясника, так вини меня! Но если ты собрался срывать злость на моей Ёнок, если собрался третировать ее прямо на моих глазах, лучше бы ты оставил меня тогда в Самчхоне! Оставил бы меня, чтобы мне никогда не пришлось иметь с тобой дела!

— Я хоть за словом в карман не полезу, но зато в жизни на тебя руки не поднимал!

— И что? Гордишься этим?

Прадедушка поднял с пола книгу и замахнулся

на жену. В тот момент, когда мать прикрыла голову двумя руками, защищаясь, бабушка шевельнула пересохшими губами:

— Лучше бы вы умерли, батюшка. Умерли, не попадаясь нам на глаза.

Услышав эти слова, прадедушка выронил книгу. Прабабушка молча перевела взгляд на дочь. Опухшими, словно от вздутых волдырей, глазами она уставилась на отца.

— Я не пролью ни слезинки, даже если вы умрете. Не приду на вашу могилу и вообще забуду о вашем существовании. Так что уходите, батюшка. Я хочу, чтобы вы ушли и умерли там, где мы вас больше не увидим.

В тот момент она действительно имела в виду то, что сказала. Прежде она ни разу в жизни не допускала такой мысли, уважение к отцу было для нее непреложным законом, как заповедь «не убий», но бабушка нарушила этот закон. Она сделала это не потому, что разозлилась на прадедушку, и не потому, что хотела оскорбить его. Эти слова вырвались у нее от отчаяния.

Спустя несколько месяцев прадедушку сбил автобус где-то на обочине дороги в городе Сокчо.

Свидетели говорили, что автобус ехал на большой скорости, но прадедушка словно нарочно

неторопливо переходил дорогу. Водитель ударил по тормозам, но было уже поздно. Когда водитель выбежал на проезжую часть, прадедушка уже был мертв.

Похороны устроили в доме родителей в Хвирёне. Прадедушка давно потерял связь со своей семьей, выступить в качестве распорядителя траурной церемонии было некому, но старший брат дядюшки Сэби, который жил недалеко от Хвирёна, услышал печальные новости и приехал, чтобы взять на себя эту роль. «Вот поэтому в доме и должен быть мужчина…» — шептались люди, пришедшие отдать покойному последнюю дань уважения.

«Я сказала батюшке умереть — и он умер».

На похоронах бабушка стояла, уставившись в пустоту, и бесконечно прокручивала в голове эту мысль.

Бабушка замолчала и потерла глаза руками.

— Вы не виноваты, он умер не из-за ваших слов, — сказала я.

Бабушка поежилась.

— Мама тоже тогда говорила, как ты. Говорила, чтобы я и в мыслях такого не допускала. Но бывают такие моменты… Когда хочешь наказать себя. Хочешь обвинить себя во всем. В такие мо-

менты я часто думала о случившемся. Что же я натворила? Ведь это были мои последние слова, сказанные отцу. Даже если ненавидишь человека, но последние слова… Они имеют значение.

— Он выдал вас замуж за человека, который уже был женат на другой. Мало того, он еще и обвинил вас в том, что тот вас бросил. Не кто-то другой, а ваш родной отец.

— Знаю.

— Нельзя винить человека за слова, которые вырвались у него, потому что ему было слишком больно.

— Знаю. Я все понимаю. Просто говорю, что бывает такое. Мои чувства оборачиваются против меня самой. И все же я так благодарна тебе, Чиён.

— Мне? За что?..

— За то, что слушаешь меня. Правда, спасибо тебе за то, что выслушала.

Бабушка с грустью улыбнулась.

Глядя на нее, я задумалась о таком состоянии, когда остается только закричать на человека и пожелать смерти. Так и не добившись от бывшего мужа извинений, я тоже однажды крикнула ему: «Сдохни!» До этого я уже осыпала его целым потоком ужасных ругательств, о которых раньше

не могла и помыслить, но именно это слово словно обухом ударило мне по голове. Потому что он выглядел так, будто его это совершенно не задело. Слетевшее с моего языка проклятие отскочило от его гладкой непроницаемой брони и ударило по мне самой.

Это не видно человеческому глазу, но в нашем мире существует целая страна людей, которым не удалось услышать искренних извинений. Это люди, которые твердят: «Я ведь не прошу многого, я лишь хочу, чтобы передо мной извинились, чтобы признали свою вину»; жалкие люди, которые согласны даже на то, чтобы обидчики хотя бы сделали вид, что им стыдно; люди, которые оставили надежду и убедили себя, что если бы обидчик был способен на искреннее раскаяние, то он и не нанес бы им такой раны; люди, которые больше не могут спать спокойно, как раньше; люди, которым приходится слышать от окружающих: «Почему ты не можешь управлять своими эмоциями и выставляешь их напоказ?»; люди, которые сталкиваются со стеной непонимания; люди, которые внезапно ударяются в слезы во время веселой вечеринки и приводят всех в замешательство… Такими людьми населена эта страна.

Прабабушка не проронила и слезинки ни во время обряда погребения на третий день, ни когда гроб опускали в могилу и засыпали землей. В те времена традиция требовала, чтобы не только семья, но и все присутствующие напоказ рыдали по усопшему, но прабабушка поразила всех, нарушив все правила приличия. Старший брат дядюшки Сэби настоятельно просил ее как следует оплакать погибшего, с полагающимися по традиции причитаниями во весь голос, но прабабушка его не послушала.

Спустя неделю после похорон прабабушка вместе с бабушкой и мамой отправилась в церковь. Она заказала молитву за упокой души прадедушки и впервые после бегства из Кэсона посидела на мессе. Это было последнее, что она могла сделать для мужа, который истово верил в Господа. Он рассказывал ей о своих предках. О том, как их выволокли на Сэнамто связанными и казнили. Эта история была самой необычной и поразительной из всех, что прабабушке приходилось слышать.

Он говорил, что все люди равны перед Господом и никто на земле не рождается более благородным или презренным, чем другой. Благородство и презренность зависят от выбора человека и проявляются в результате поступков. Его слова были

похожи на воздушные замки, такие же пустые и бессмысленные, как похлебка из голого рисового отвара. Прабабушке было одновременно смешно и приятно слушать их. Голос прадедушки долетал до нее, словно крик утки, отбившейся от своей стаи; словно звуки ливня, бьющегося о поверхность спокойного озера; словно порыв ветра в молодой листве; словно доносящийся издалека гудок паровоза. Прабабушка жила памятью о тех временах.

Вскоре после похорон прадедушки в Хвирён приехала тетушка Сэби.

В тот период она работала в одной небольшой типографии в Тэгу, и ей часто приходилось выходить на смены в выходные и праздничные дни. И все же она выкроила время, чтобы приехать в Хвирён. Прабабушка, бабушка и мама вместе отправились встречать ее на автовокзал. Стоял такой душный влажный день, что вся одежда насквозь вымокла от пота.

Тетушка Сэби вышла из автобуса, одетая в белую блузку, черные рабочие брюки и резиновые калоши. Она водрузила на голову огромный узел с вещами, завязанный розовым платком, и радостно помахала встречающим одной рукой. Прабабушка подбежала к подруге и крепко обня-

ла ее. Тетушка Сэби обеими руками удержала узел у себя на голове. Женщины долго обнимались, стоя у входа в автовокзал, в котором смешались запахи общественного туалета, людского пота и сигарет.

— Давайте я возьму ваши вещи, — предложила бабушка, и тетушка Сэби, освободившись от ноши, наконец обняла прабабушку обеими руками.

Наблюдая за тем, как она ласково похлопывает мать по спине, бабушка думала о том, что тетушка Сэби так постарела, что выглядит как совершенно другой человек. Ее лицо избороздили глубокие морщины, а руки покрылись темными пигментными пятнами. Она сильно похудела и будто уменьшилась в росте. Как же так вышло? Бабушка не могла отвести удивленного взгляда от тетушки Сэби.

Прабабушка долго стояла, крепко сжимая старую подругу в объятиях, но затем отодвинулась и положила руку ей на плечо.

— Сэби, это ты?

— Да, это я.

— Сколько же времени прошло. Как Хвичжа?

— Все у нее хорошо. А ты, Самчхон, настрадалась со всеми этими делами.

— Нет, нет. Это ты намучилась, пока ехала в

такую даль.

Прабабушка ничего не сказала насчет изменившегося облика подруги. Но бабушка успела заметить, как на лице матери мелькнуло замешательство.

— А это Мисон? Какая красавица!

Тетушка Сэби тепло улыбнулась трехлетней маме.

— Мисон, я тоже твоя бабушка. А ну-ка скажи: бабуля!

Мама спряталась за бабушкину юбку.

— Ты, должно быть, устала с дороги. Пойдем домой, Сэби.

По дороге до дома тетушка Сэби рассказала, что из окна автобуса впервые в жизни увидела море. Она ненадолго задремала, а открыв глаза, увидела много воды и поначалу даже не поняла, что это и есть море.

— Тетушка, мы сводим вас на пляж. А еще угостим тушеным осьминогом и свежей жареной камбалой. Такое можно попробовать только здесь…

— Не стоит так утруждаться, Ёнок. Твой батюшка только скончался, не время тебе обо мне думать.

— Не говорите так, тетушка, а то я обижусь.

— Хорошо, Ёнок, хорошо.

Добравшись до дома, тетушка Сэби первым делом развязала свой огромный узел. Оттуда высыпалось множество вещей. Большие круглые конфеты, сушеные ростки папоротника, молотый перец, сушеная хурма, пакетик с кедровыми орехами, пачка простых карандашей, книга «Джейн Эйр», черный резиновый мяч, десять пар носков, пара белых кроссовок, баночка питательного крема, игрушечный мягкий кролик, три бруска мыла, два шерстяных свитера, две пары зимних брюк, две пары нижнего белья, пара детских перчаток, детская стеганая куртка, японская кастрюля из нержавеющей стали… Мама восхищенно вздыхала при появлении каждой новой вещи и радостно прыгала вокруг, держа в руках своего кролика и новую куртку. Однако лицо прабабушки сделалось мрачным.

— Откуда у тебя деньги на это все?

— Просто собирала понемногу. Мы же так долго не виделись, неужто я не собрала бы по мелочам?

— Тетушка, ну это чересчур! Это же все так дорого… — сказала бабушка, вертя в руках блестящую кастрюлю.

— Ёнок, что ты мне недавно сказала? Не го-

ворить так, а то обидишься? Так это мне впору обижаться теперь. Я ничего тебе не прислала ни на свадьбу, ни когда ребеночек родился. Хочется мне так, разве я не могу?

— И все же, тетушка…

— Ёнок, послушай меня. Просто притворись, что исполняешь мое желание, и прими подарки.

Бабушке оставалось только послушно кивнуть.

— Книгу и кролика Хвичжа купила в Сеуле.

Тетушка Сэби осторожно поделилась новостями о Хвичже. Она была немногословна, потому что не хотела хвастаться успехами дочери, тогда как семью бабушки в последнее время преследовали только разного рода несчастья. Глядя на выражение лица тетушки Сэби, бабушка поняла, что это не просто гордость за дочь. Непривычным было не только то, что Хвичже удалось поступить в университет в те времена, когда об этом нельзя было даже мечтать, но и то, что Сэби зарабатывала деньги в одиночку, чтобы позволить дочери спокойно учиться в Сеуле, — она совершила настоящий подвиг.

Бабушка старалась отбросить такие мысли, но, слушая рассказы о Хвичже, она ощущала себя жалкой. Она слишком легко отказалась от учебы, ни о чем не мечтала, пыталась прикрыть это

ненужным браком, ни разу не старалась изо всех сил ни ради работы, ни ради какого-то человека. Все это заставляло бабушку испытывать стыд. И неважно, что каждый этот выбор в свое время казался ей оправданным и разумным.

Бабушка с особым усердием накрыла на стол. Потушила осьминога, купленного утром на рынке, обваляла в муке камбалу и обжарила ее до золотистой корочки. С горкой наложила в тарелку маринованное кимчи и приготовила свежий рис с ячменем. Тетушка Сэби, обливаясь по́том, с удовольствием поглощала бабушкину еду. Она без конца хвалила ее за старания. Таким уж она была человеком. Всегда замечала чужие усилия и утешала измученные сердца. Если бабушка стирала одежду в зимний день, тетушка Сэби всегда спрашивала, не замерзли ли у нее руки, если Ёнок ходила на рынок, Сэби беспокоилась, не тяжело ли ей было нести продукты. От заботы тетушки Сэби, совсем как раньше, бабушке всё время хотелось расплакаться.

С наступлением ночи четыре женщины расстелили одеяла в большой комнате и улеглись рядом. Маленькая мама сразу заснула, но к остальным сон не шел.

— Сэби, можно у тебя кое-что спросить? — про-

шептала прабабушка.

— Конечно, что угодно.

— Ты хорошо питаешься?

— А то, исправно ем. Ты разве не видела, как я только что наворачивала за ужином?

Прабабушка немного помолчала, прежде чем снова сказать:

— Просто очень уж ты исхудала, вот и спрашиваю.

— Опять ты по пустякам волнуешься, Самчхон. Дом у меня на самой вершине холма, пока дойдешь — утомишься, да и хозяин типографии гоняет меня, как собаку… Сколько бы ни ела, от такой беготни только худею, потолстеешь тут разве…

— Сэби!

— Чего?

— Мне так жалко.

— Чего жалко?

— Нашего времени с тобой — оно слишком быстро летит.

Тетушка Сэби долго молчала.

— Если жалеть обо всем, только сердцу лишние страдания. Надо просто жить, радуясь тому, что есть. Ты не можешь просто порадоваться тому, что мы с тобой вместе сейчас? Разве этого недо-

статочно?

Прабабушка молчала.

— Я не хочу, чтобы ты страдала, жалея обо всем на свете, Самчхон.

Прабабушка ничего не возразила, но и не согласилась с этими словами.

Сфотографироваться вместе предложила тетушка Сэби. Она сказала, что хотела бы иметь снимок, на который будет смотреть, когда соскучится по любимым лицам. Прабабушка и тетушка Сэби нарядились в белые чогори и черные юбки и вместе с бабушкой и мамой направились в фотостудию.

Бабушка до сих пор помнила образ своей матери, растерянно поправляющей прическу перед зеркалом. И то, как они с тетушкой Сэби неловко сидели, глядя в камеру. «Улыбочку», — скомандовал фотограф, и обе женщины смущенно улыбнулись. «Так, а теперь еще раз!» — сказал фотограф, и тетушка Сэби положила свою ладонь на руку прабабушки. Сверкнула вспышка, и обе зажмурились, как маленькие девочки.

После фотостудии вся компания отправилась на Черепаший пляж. День стоял жаркий, но с моря доносился прохладный бриз. Тетушка Сэби рухнула на колени в песок, не в силах отвести

взгляда от водной глади, а потом сняла калоши с носками, задрала юбку до колена и зашагала к воде. Большая волна накрыла ее ноги до щиколоток, и женщина пронзительно взвизгнула и расхохоталась. Она снова зашла поглубже и с радостным визгом принялась убегать от волны, совсем как ребенок. Тетушка Сэби помахала рукой прабабушке, бабушке и маме, наблюдающим за ней с берега, и еще долго игралась с морем.

«В тот день тетушка Сэби играла с морем». Воспоминания бабушки о том дне уместились в одном предложении. В том дне были и тетушка Сэби, и море, и игры. Все любимые бабушкины слова. Поэтому она до сих пор не могла забыть тот день.

Прошло много времени, прежде чем тетушка Сэби наконец выбралась из воды, на ходу отжимая насквозь вымокшую юбку. Бабушка кинула ей черный резиновый мяч. Тетушка Сэби подхватила мяч, приземлившийся у ее ног, и бросила его прабабушке. Та попятилась назад, чтобы поймать мяч, и проворно передала его бабушке. Бабушка снова сделала пас тетушке Сэби. Так, три женщины долго бегали по пляжу, увлекшись игрой с мячом. Они то и дело заливались смехом, глядя на неуклюжие движения друг друга.

В тот день море в Хвирёне было не таким, каким его знала бабушка. Это было не то море, у которого юная бабушка чувствовала себя как в клетке, тоскуя по тетушке Мёнсук, тетушке Сэби и Хвичже, и не то море, что равнодушно плескалось, когда дрожащая бабушка бежала в клинику, прижимая к себе маму, горящую от высокой температуры. В тот день бабушка хохотала и кричала во все горло, не обращая внимания ни на что вокруг.

Тетушка Сэби осталась еще на одну ночь, а на следующее утро вернулась обратно в Тэгу. Она строго-настрого наказала, чтобы прабабушка отправила фотографию по почте сразу, как только получит ее, и позвала всех их в гости к себе в Тэгу. После целого дня, проведенного на пляже, ее бледное лицо покрылось красным загаром. Она села в автобус, придерживая на голове розовый узел. На этот раз в нем лежали сушеный осьминог и мидии, сушеные водоросли и ламинария, анчоусы и минтай. Бабушка знала, что на эти подарки мать потратила деньги, которые копила годами. Прабабушка махала рукой вслед автобусу до тех пор, пока он окончательно не скрылся из виду. В тот день все расстались с улыбками на лицах.

Вернувшись домой, бабушка после недолгих

сомнений взяла в руки карандаш и начала писать письмо.

Хвичжа, это я. Ёнок. Давно не виделись…

Бабушка отправила письмо и вскоре получила на него ответ.

Онни, как у тебя дела? Сегодня в Сеуле душно. А как погода у вас? Матушка сообщила, что съездила в Хвирён, и рассказала о твоем отце.

Последние несколько дней я все думала о дядюшке. Когда шла по улице или во время еды постоянно вспоминала о том, как мы все вместе жили в Тэгу. Представляла, как ты себя сейчас чувствуешь. Я никак не могла решить, что сказать тебе, а тут как раз пришло твое письмо. Ты горюешь? Не забываешь хорошо питаться? Я беспокоюсь.

Ты сказала, что переживаешь за мою матушку. Если честно, я тоже боюсь, онни. Я стараюсь не волноваться, но ее образ так и стоит перед глазами. Она все время пытается спровадить меня в Сеул.

Твердит, что в Тэгу для меня нет ничего хорошего, и ворчит, даже если я приезжаю всего лишь раз в месяц.

В последний раз я видела ее в самом начале каникул. Я сказала, что беспокоюсь, потому что она выглядит совсем худой, но она разозлилась и накричала на меня. Сказала, что с ней все в порядке, а я своими тревогами выставляю ее больной.

Я знаю, как матушка старалась, чтобы отправить меня в Сеульский университет. Я говорила ей, что могу поступить в университет рядом с домом, что хочу жить вместе с ней, но она так мечтала, чтобы я поехала в Сеул. Я тоже старалась изо всех сил, потому что не могла предать ее ожиданий. Мне страшно, но я все же приехала в Сеул, хожу на занятия, усердно учусь. Иногда я боюсь того, что осталась совсем одна, но очень стараюсь не допускать таких мыслей.

И все же, онни, иногда я думаю: ради чего это все? Знаю, это звучит как блажь. Моя соседка по комнате говорит, что у нее тоже такое было, просто нужно привыкнуть. Но я все равно постоянно думаю

о матушке. Когда вижу на улице маму с дочкой, идущих под ручку, слезы сами наворачиваются на глаза.

Матушка — моя единственная семья, но она сказала, что сдаст мою комнату в аренду, и велела не приезжать в Тэгу. Она так далеко от меня, и я ничего не знаю о ней теперь. Онни, я часто не понимаю, где я нахожусь и зачем все это. На этих выходных я собираюсь поехать в Тэгу. Пока писала тебе письмо, поняла, что непременно должна поехать.

Береги себя, онни.

Молюсь за упокой души твоего батюшки.

Август 1962 года,
Хвичжа

Читая это письмо, бабушка вспоминала лицо тетушки Сэби, каким видела его в последний раз. Бабушка поделилась своим беспокойством с матерью и рассказала о письме Хвичжи.

— Где это видано, чтобы больной человек ел с таким аппетитом и носился как угорелый? Я вот такого не видала.

— Но Хвичжа тоже переживает.

— Вы с Хвичжой обе не знаете Сэби. Не говорите такое, пока беду не накликали. Сэби здорова.

С этими словами прабабушка достала из шкафчика маленький бумажный конверт.

— Вот, получила фотографии. Оберни одну из них бумагой и отправь Сэби.

Снимок был размером с небольшую открытку. На черно-белом фото ладонь тетушки Сэби лежала на руке прабабушки. Бабушка отправила снимок вместе с коротким письмом. Вскоре пришел ответ. Тетушка Сэби писала, что сварила вкусный суп из водорослей, которые привезла из Хвирёна, и никак не может забыть о том дне, когда они вместе играли в мяч на пляже. Письма приходили, как обычно, с интервалами, и тетушка Сэби охотно рассказывала в них о своей жизни. О женитьбе коллеги из типографии, о прекрасной золотой листве на горе Пхальгонсан, о том, как она жарила картошку вместе с коллегой, которой сдала комнату дочери… Казалось, все в ее жизни течет по-прежнему.

Хвичжа присылала письма чаще, чем когда жила в Тэгу.

> Узнаем ли мы друг друга, если столкнемся на улице…

Написала она однажды и вложила в конверт фотографию с выпускного из старшей школы. На снимке Хвичжа в толстых очках с черной оправой слегка улыбалась. Бабушка спрятала фотографию в кошелек и вынимала ее каждый раз, когда думала о подруге. У самой бабушки не было подходящего снимка, который она могла бы отправить Хвичже. Вместо этого она писала ей обо всем, что с ней случилось за это время, не упуская ни малейшей детали. О предательстве мужа, о последних словах, сказанных отцу, что больше походили на проклятие… Уложив ребенка, бабушка садилась за обеденный стол, сочиняя очередное письмо, и чувствовала на сердце необъяснимую легкость. Было приятно без утайки поделиться с кем-то всем наболевшим, и тот факт, что она не виделась с собеседницей уже больше десяти лет, казался даже удобным.

Бабушка ушла домой, и, оставшись одна в больничной палате, я достала телефон и открыла фотографию прабабушки и тетушки Сэби. Лицо тетушки Сэби выглядело не таким уж старым, как описывала бабушка. Хотя из-за болезненной худобы на ее лбу и в уголках губ действительно виднелись глубокие морщины. Я встретилась взглядом с тетушкой Сэби на снимке. Ее глаза

сияли. В этот момент она казалась мне более живой, чем кто-либо из живущих на свете.

Мама сказала, что приедет в Хвирён ухаживать за мной, но я ответила, что не стоит беспокоиться. Мне не хотелось добавлять ей забот, но еще сильнее я боялась оставаться с ней наедине в замкнутом пространстве. Боялась, что мы снова будем на нервах и все закончится обидами, как в прошлый раз. Так я и сказала ей. Мама сама переживала за меня и одновременно отчитывала за то, что я попала в аварию. А затем сухо бросила: «Понятно, как хочешь» — и бросила трубку. Но не прошло и часа, как от нее пришло сообщение:

> Если тебе неудобно со мной находиться, я не поеду, но буду ждать от тебя новостей.

Потом добавила, что папа уехал в путешествие и ничего не знает о произошедшем со мной.

Я сообщила новости Чиу. Маме я подала сокращенную версию случившегося, но подруге рассказала все как есть. Сначала она потеряла дар речи, потом разразилась ругательствами в адрес пьяного водителя. Чиу долго возмущалась, но потом успокоилась и добавила, что рада тому, что я так легко отделалась. Подруга пыталась не

показывать страха, но я слышала, что ее голос слегка дрожит. На следующий день она села на междугородний автобус и приехала в больницу. Раньше я бы извинилась за то, что ей пришлось ехать в такую даль. Но сегодня я не стала говорить ничего такого. Только поблагодарила. И честно рассказала, что у меня болит. Я надеялась, что если с ней случится нечто подобное, то она тоже не будет притворяться сильной и скрывать боль.

Прошло время, и я наконец снова обрела способность передвигаться без чужой помощи. Не считая боли в шее, я чувствовала себя вполне сносно. В основном я спала как убитая: засыпала после завтрака, снова вырубалась после обеда и даже после долгого дневного сна потом крепко спала всю ночь. Я проваливалась в сон независимо от своей воли, словно кто-то выключал кнопку питания на моей спине.

После нескольких дней такого сна однажды утром я проснулась с небывалой ясностью в голове. Глядя, как за окном занимается рассвет, я думала о том, что со мной произошло. О том, что сказала мне сестра. Я знала, что это был не сон и не иллюзия, и твердо решила никогда в жизни никому об этом не рассказывать. Я знала. Знала, что я так долго ждала именно этого момента, и

еще — что больше он никогда не повторится.

Потому что этого достаточно. Потому что больше мне нечего желать.

В мою последнюю ночь в больнице бабушка решила переночевать вместе со мной. Она уже заснула, лежа на койке для опекуна, когда пришло сообщение. Мама писала, что приедет утром на первом автобусе, чтобы помочь мне с выпиской. Я ответила, что справлюсь сама, но она настояла, заявив, что все равно приедет, несмотря на все мои отговорки. Как бы я ни отнекивалась, толку не было, так что я сдалась и просто ответила: «Хорошо».

Утром я сообщила бабушке, что скоро приедет мама, и та тут же собрала свои вещи и направилась к выходу. Я смотрела из окна, как бабушка выходит из главного входа, когда к нему подъехало такси. Мама вышла из машины, одетая в кардиган цвета слоновой кости и длинную юбку такого же оттенка. Увидев маму, бабушка застыла. Мама тоже замерла на месте, заметив ее. Обе стояли как вкопанные, не сводя глаз друг с друга, но потом медленно пошли навстречу. Мама что-то сказала бабушке и, кивая, выслушала ее ответную реплику.

Бабушка повернула голову и ткнула пальцем

в сторону моей палаты. От стекла отражался солнечный свет, они не могли видеть, что я стою у окна. Мама с бабушкой снова вернулись к беседе. Даже издалека я видела, что выражение лица мамы смягчилось. Бабушкиного лица не было видно, но атмосфера явно была хорошей. Что же произошло между ними? Что за разлад? Если бы они встретили друг друга холодно, с напряженными лицами, я бы расстроилась, но хотя бы поняла. Однако я не понимала, как они могут так спокойно общаться, хотя до этого не виделись годами.

Наблюдая за их разговором, я подумала, что они могут подняться ко мне вместе. Но они просто поговорили, держась на определенной дистанции, и вскоре разошлись. Бабушка помахала маме рукой, а мама слегка склонила голову на прощание и не оглядываясь вошла в лобби больницы.

— Что это с твоим лицом… — испуганно выдохнула мама, глядя, как я заправляю кровать. Припухлость уже спала, но на лбу и под глазами еще оставались большие сине-фиолетовые синяки, а левый глаз до сих пор не открывался.

— Ты мне соврала? Ты же сказала, что это было просто небольшое столкновение. Это ведь неправда!

— Я не сказала, потому что знала, что ты так отреагируешь. Не о чем беспокоиться. Все уже прошло, я в порядке.

У мамы подкосились колени, и она рухнула на койку для опекуна.

— Ты точно в порядке? Насколько серьезная была авария?

— Уже прошло больше недели. Мне сделали КТ, сказали, что никаких отклонений нет.

Мама смотрела на меня исподлобья с таким лицом, будто вот-вот расплачется.

— Буду на амбулаторном лечении, и понемногу все пройдет.

Я в общих чертах рассказала маме об аварии. Она долго сидела молча, безучастно глядя в одну точку.

— Как?.. Как с тобой могло случиться такое? — спросила она упавшим голосом. Как будто я могла ответить ей на этот вопрос.

После выписки мы отправились пообедать в кафе на набережной. Мама все еще выглядела потерянной. Пообедав, мы вышли на парковку со стаканчиками растворимого кофе. Перед нами раскинулась набережная, в конце которой виднелся маяк. Я достала телефон, чтобы вызвать такси, но мама предложила, указывая на маяк:

— Давай пройдемся? Заодно и еда уляжется.

Я отрицательно помотала головой.

— Ты слишком долго лежала, пора бы и пройтись. Ну пойдем. Тут рукой подать.

— Мам, ты же сюда не развлекаться приехала.

Я снова уткнулась в телефон.

— Тебе так сложно выполнить одно мое желание? — вдруг закричала она, и все, кто был на парковке, оглянулись на нас.

Ее руки дрожали. Швырнув в урну стаканчик, в котором еще оставался кофе, она опустилась на корточки и обеими руками схватилась за голову. Подол ее длинной юбки попал в лужу на асфальте, и грязная вода мгновенно впиталась в светлую ткань.

— Женщина, отойдите! Мне нужно выехать, — сказал какой-то мужчина средних лет.

Я подняла маму и отвела к клумбе на краю парковки. Она села на бордюр и долго плакала, закрыв лицо руками. Я впервые видела, чтобы она так плакала. И чтобы проявляла такие сильные эмоции на глазах у окружающих. Мама не была настолько импульсивным человеком. Я достала из сумки салфетки, протянула ей и молча ждала, пока она успокоится.

— Пойдем прогуляемся к маяку, мам. Ты права,

мне надо развеяться, да и пища уляжется.

— Не надо. Зря я заупрямилась.

— Да нет, пойдем.

Мама медленно побрела вперед, слегка опершись на меня. Но спустя несколько шагов отодвинулась и обогнала меня. Ее шаг был быстрым. Она неслась вперед, обхватив себя обеими руками. Ее короткие волосы разлетались на ветру. Морской ветер был свежим и прохладным.

Волны с силой бились о пирс, и брызги воды попадали нам на ноги. Мама стрелой пронеслась по пирсу до самого маяка и прислонилась к нему спиной.

— Тебя сфотографировать? — предложила я, но мама покачала головой, словно я ляпнула какую-то глупость.

Вокруг ее ног копошились черные жуки, похожие на тараканов. Таких часто можно увидеть в районе набережной и прибрежных скал. Я с отвращением отошла и встала поодаль, а она присела на корточки и принялась разглядывать жуков. На ее лице появилась едва заметная улыбка. Она долго сидела, наблюдая за насекомыми, прежде чем подняться и подойти ко мне.

— Это морская мокрица, — сообщила она с шутливым выражением лица.

— Мокрица?

— Ну да, насекомое, которого ты так боишься с детства.

— Они же такие мерзкие, как их не бояться?

— А мне они нравятся, — серьезно сказала мама, словно для нее это было очень важно. — Они живут в трещинах скал или вдоль берега и чистят береговую линию.

Она так оживилась, будто представляла мне близкого друга:

— В детстве я часто одна играла на пляже, и мне нравилось наблюдать, как прилежно трудятся морские мокрицы. Я даже придумала потешку: «Мокричка, мокричка! Ты ведь не делаешь ничего плохого, а люди морщатся и называют тебя мерзкой».

Мама посмотрела на меня опухшими от слез глазами. Они казались более запавшими, чем раньше. На ненакрашенном лице четко проступали родинки и пигментные пятна. На макушке виднелись седые пряди. Мамины короткие волосы разлетались на морском ветру.

Когда мы направлялись к маяку, ветер дул в спину, но на обратном пути приходилось встречать его всем телом. Ветер был прохладным, и мы шагали, крепко держа друг друга под руку.

В такси мама прислонилась головой к боковому стеклу. Казалось, она задумалась о чем-то. По стеклу струились капли слабого дождя. Ветер кружил в воздухе разномастный мусор. Одинокий черный пакет взмыл высоко в небеса.

В тот день мы легли спать рано. Задернув плотные шторы, я легла и прислушалась к звуку маминого дыхания. Похоже, она тоже не могла сразу заснуть.

— Не спится? — спросила мама.

— Просто мне нужно время, чтобы заснуть.

— А в детстве ты засыпала, не успев голову до подушки донести.

— Я часто притворялась, что сплю.

— Правда?

Я любила, когда мама садилась рядом со мной и шептала: «Моя доченька уснула, Чиён спит». Даже с закрытыми глазами я ощущала на себе мягкость ее взгляда, когда она любовалась мною, думая, что я сплю.

— В Мексике ты часто мне снилась.

— Правда?

— Угу, и мама тоже.

— Бабушка?

— Да, — ответила мама и надолго замолчала.

После паузы я произнесла:

— Бабушка мне рассказала про дедушку. Она не знала, что ты мне не рассказывала.

Мама ответила после длинной паузы:

— У тебя тоже есть право знать. Ведь ты часть этой истории.

Мама говорила, что дедушка умер вскоре после ее рождения. И эти слова не были ложью. Ведь для мамы он ни единого мгновения не был живым человеком. Роль родителя для нее всегда исполняла лишь бабушка.

Мама утверждала, что наилучшая жизнь — это когда живешь «обычно». Она была рада тому, что, выйдя замуж за папу, смогла обрести обычную семью. Раньше я не понимала маму, которая любила повторять эти слова как заведенная. Я мысленно нарисовала кружочек и написала внутри него слово «обычно». Жизнь, которая не отличается от жизни других людей; жизнь, которая ничем не выделяется; жизнь, не бросающаяся в глаза и оттого не вызывающая пересудов, не подвергающаяся критике и порицанию, не делающая тебя изгоем. Слушая мерное дыхание спящей мамы, я думала о том, что она, должно быть, действительно верила, что не должна выходить за рамки этого круга, каким бы узким и болезненным он ни был.

13

Пока я проходила амбулаторное лечение, осень понемногу вступила в свои права. А к тому моменту, как я получила приглашение на свадьбу Хечжин, моей двоюродной сестры, на улице и вовсе похолодало. Мама позвонила мне накануне свадьбы и сказала, что, если мне неудобно встречаться с родственниками, я могу не приезжать. «Они еще не знают о твоей ситуации», — добавила она.

Слово «еще» в этом предложении было лишним. Год — это не короткий срок, и за это время было много праздников и поводов для семейных встреч, на которых можно было рассказать родным обо мне. «Еще» здесь, скорее, означало: мы не планируем рассказывать об этом «никогда». Родители и не думали скрывать от меня, что им стыдно сообщать близким о моем разводе. Я решила, что если они отказываются говорить об этом, то заинтересованной стороне остается только вмешаться самой.

Свадьба проводилась в отеле с видом на озеро Чхунчжу. Это был фешенебельный комплекс, состоящий из нескольких отдельных коттеджей

с бассейном. Родители жениха арендовали весь отель на двое суток и сообщили гостям, что в первый день состоится праздничный банкет, а на следующее утро — сама свадебная церемония.

Хечжин была младшей дочерью папиного младшего брата. Сразу после окончания университета она устроилась на работу в банк и там же встретила своего будущего мужа. На пригласительной открытке Хечжин в свадебном платье в русалочьем стиле сидела с огромной тиарой на голове и игриво улыбалась.

В семье Хечжин всегда было много смеха и улыбок. Я часто как завороженная наблюдала за тем, как тетя усаживает маленькую Хечжин на колени и целует в пухлые щечки. Помню, как однажды нас пригласили в гости и мои родители покраснели от растерянности, увидев, как дядя в кухонном фартуке беззаботно готовит ужин. Рядом с отцом постоянно маячила Хечжин. «Пап, папуль!» — она обращалась к нему как к другу и свободно болтала о том, как прошел ее день. Возвращаясь домой после похода к ним в гости, я мечтала о том, чтобы кто-нибудь обнял меня хотя бы на несколько секунд. Хотя тогда я еще даже не знала слова «одиночество».

Банкет проходил на открытом воздухе. Жених

и невеста сидели спиной к озеру за длинным столом, а гости, расположившись за круглыми столиками, наслаждались едой и шампанским. Следуя указаниям ведущего, гости по очереди группками выходили вперед с поздравлениями и песнями. Я сидела рядом с родителями и наблюдала за происходящим.

Понемногу стало смеркаться, перед наступлением полной темноты включились круглые лампочки размером с мяч для пинг-понга, развешанные гирляндами по всей территории. Прибывший примерно к этому времени дядя подошел к нашему столу. Он натянуто улыбался, словно чувствуя себя неловко в подобной ситуации. Я всегда нервничала, когда папа и его младший брат находились рядом. Казалось, они не могут вытерпеть ни секунды в присутствии друг друга. В моем детстве эти двое часто ссорились или разговаривали на повышенных тонах. Папа считал, что двое его младших братьев смогли отучиться в университете только благодаря тому, что он принес себя в жертву, отказавшись от поступления. И это было правдой. Проблема заключалась в том, что, в отличие от самого младшего брата, который часто благодарил отца за его жертву, средний брат так не считал. Он, на-

оборот, относился к папе нетерпимо, поскольку был уверен, что мать выделяла и любила лишь старшего сына, а его при этом игнорировала. Враждебность дяди по отношению к отцу часто проявлялась в эмоциональной травле меня, однако папа, решительно настроенный игнорировать все нападки брата, упорно делал вид, что не замечает его издевок надо мной, мама же просто наблюдала за всем со стороны.

— Давно не виделись, Чиён. Что-то твоего мужа не видно, — обратился ко мне дядя.

— Надо было мне сообщить вам заранее. Дело в том, что мы развелись. Уже год прошел.

— Мисон, что твоя дочь говорит? Развод? Уже год прошел, а ты молчала?

Он посмотрел на маму, словно не веря своим ушам, и громко расхохотался. Мама, закусив губу, молча смотрела в тарелку.

— Я настояла, что сама расскажу вам, дядя. Развод — дело непростое. Много с чем нужно было разобраться, так что год пролетел незаметно. — Я налила в бокал шампанского и продолжила: — И еще прошу с мамой общаться повежливее — она жена вашего старшего брата.

Лицо дяди перекосилось, отец ударил кулаками по столу. Палочки для еды и вилка упали на пол.

— Что ты сейчас сказала? Опозорила родителей на весь свет — ну как, полегчало теперь? Черт возьми! Развод тебе что, повод для гордости? И вообще, ты кто такая, чтобы поучать взрослых? — пьяным голосом прогремел отец.

Пытаясь успокоить его, сбежались родственники, и он низко опустил голову. Дядя перевел взгляд с меня на отца и обратно, и его губы растянулись в ехидной усмешке. Я никогда не могла понять, как такой человек может быть писателем и преподавать литературу в университете. Испытывал ли он сочувствие к чужой боли хотя бы раз в жизни?

Я сидела на углу кровати в комнате с выключенным светом и смотрела в окно. Не разувшись и не переодевшись. Официанты уже убрали все со столов после банкета и выключили гирлянды во дворе. Все погрузилось в темноту. На улице виднелись только маленькие огоньки от домов на противоположной стороне озера. От волнения я выпила слишком много шампанского, теперь у меня болела голова и пересохло в горле. Сидя в одиночестве в темном номере, я чувствовала себя еще более пьяной, чем во время самого банкета.

Я добилась своего, рассказала родственникам о разводе при родителях, но не ощущала ни ожи-

даемого облегчения, ни удовлетворения. Я всего лишь хотела показать им, что не сделала ничего постыдного, но добилась только очередного подтверждения того, как сильно родители стыдятся моего развода. Этого стоило ожидать, но, увидев их поведение своими глазами, я ощутила такую боль, будто мое сердце переехали асфальтовым катком.

Когда глаза привыкли к темноте, я обвела взглядом номер. Стул, холодильник, стеклянные стаканы и одноразовые тапочки. Нужно было включить свет и помыться, но тело меня не слушалось.

В дверь постучали.

Я притворилась, что меня нет в номере. Свет был выключен, и я была уверена, что, если не отвечать, незваный гость уйдет.

Снова послышался стук.

— Чиён, это мама. Открой дверь.

Я легла поперек кровати.

— Я знаю, что ты там. Я ненадолго, открой, пожалуйста.

Раздался дверной звонок. Мне пришлось встать с кровати. Мама обладала несгибаемым упрямством. Было ясно, что она будет звонить в дверь до тех пор, пока я ее не впущу. Не успела я от-

крыть дверь, как мама шагнула в номер, даже не глядя на меня. Она была в праздничном наряде и на каблуках — видно, в номер еще тоже не заходила.

— Ты ушла, пока я ненадолго отлучилась в туалет. А я тебя там жду. Кто же знал, что ты уйдешь в номер, ничего не сказав, — произнесла она, опустившись в кресло у окна.

«Я злюсь, потому что ты ушла не попрощавшись». Мама пришла, чтобы завуалированно передать мне это сообщение. Я легла на кровать и уставилась в потолок.

— Ты ради этого приехала? Я же сказала, что ты можешь не приезжать.

— Точнее, ты велела не приезжать. Потому что тебе неудобно.

— Я не это имела в виду. Я о твоем поведении сегодня, — перешла на шепот мама, словно боясь, что кто-то подслушает.

— А что не так с моим поведением? — в моем голосе звучал вызов. Сердце стучало все быстрее. Я была готова к ссоре и точно знала, что ни за что не пойду на попятную.

— Тебе обязательно было так разговаривать с дядей? Какая разница, как он ко мне обращается, разве можно поучать взрослых? Если уж заикну-

лась о разводе, так нужно вежливо выслушать, что тебе на это скажут старшие. А ты еще и голову прямо держала, нет чтобы скромно потупиться и промолчать.

— Голову и нужно держать прямо, мам. Чем я так провинилась, что должна склонять голову перед ним?

Мама сняла пиджак, положила его на стол и открыла окно. В комнату ворвался холодный ветер.

— Ты ведь не была такой раньше. Ты умела вести себя вежливо со старшими.

— Какая такая вежливость? А, это когда ты слышишь полный бред, но молча сидишь, прикусив язык? Это называется вежливостью? В таком случае невежливо себя ведет как раз папина семейка. Очнись, мам! Какая разница, как он к тебе обращается? А ты сама не в курсе? Как дядя относился к тебе все эти годы? И тебе все равно?

— Следи за языком.

— Тебе стоило сказать это не мне, а своим свекрови и деверю.

Мама усмехнулась в темноте.

— Ты изменилась с тех пор, как переехала в Хвирён. Не знаю, какое влияние на тебя оказывает твоя бабушка, но ты стала обращаться со мной,

словно я тебе враг.

— Неправда.

Боль в висках усилилась, и при каждом слове в голове начинало звенеть.

— Нельзя бороться со всеми по любому поводу, Чиён. Ты просто выбьешься из сил. Это житейская мудрость.

— Но я всегда избегала и уклонялась, мам. И посмотри, что из этого вышло. Я сама не знаю, что я чувствую. Слезы текут, но в груди так пусто, что я ничего не чувствую.

— Не понимаю, о чем ты. Избегать — значит защищать себя.

— Если тебя бьют, подставь другую щеку? Это называется защищать себя?

— Если будешь бороться, тебя ударят и два, и три раза, и все равно ты не сможешь победить. Так не лучше ли просто получить один удар и закончить на этом?

— Откуда ты знаешь, смогу я победить или нет?

Мама ничего не ответила.

— Веди себя хорошо, следи за языком, не плачь, не возражай, не злись, не спорь. Я столько раз это слышала, что теперь чувствую себя виноватой, если просто злюсь или грущу. Мои эмоции не

находят выхода, и я бросаю их себе в душу, как ненужные отходы. Я не могу вовремя выплеснуть их, и моя душа становится мусоркой. Она грязная, вонючая и доверху набита хламом, от которого я не могу избавиться! Я больше не хочу так жить… Я тоже человек. У меня тоже есть чувства.

Слезы покатились из уголков глаз по вискам. Я тихо всхлипнула. «Вот как. Понимаю. Оказывается, тебе тоже больно…» Ждала ли я, что мама произнесет эти простые слова, посочувствует мне?

— Ты, похоже, слишком много выпила. Поспи, увидимся завтра.

Послышался шорох надеваемого пиджака. Ну разумеется, мама не стала бы оставаться со мной, пока я страдаю или грущу. Ни на одно мгновение. Я ощутила знакомый порыв гнева. Я села на кровати и уставилась на маму, мысленно выбирая, какими жестокими словами уколоть ее побольнее.

— Я терпеть не могла, когда ты приезжала в Хвирён. Просто ненавидела.

Это была полнейшая ложь.

— Могла бы просто сказать мне не приезжать.

Подлые намерения толкнули меня еще дальше.

— Не знаю, наверное, мне просто было жаль тебя.

Глазами, привыкшими к темноте, я видела мамино лицо за мгновение до того, как оно исказилось от боли.

— Ты же спрашивала, почему я выбрала именно Хвирён? Сказать честно? Потому что ты бы никогда не поехала туда. Вот почему.

Мама провела рукой по лицу и спросила, глядя мне прямо в глаза:

— Чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты заплакала, накричала на меня или разозлилась. Если есть что сказать, скажи прямо. Я устала быть мишенью твоих завуалированных нападок.

— Не понимаю, о чем ты.

— Нет, мам, все ты понимаешь.

Она встала и посмотрела на меня сверху вниз.

— Можно ведь просто оставить все как есть? — устало сказала она и развернулась, чтобы уйти.

Но я знала, какие слова заставят ее остановиться.

— А знаешь что, мам? Это ведь ты сделала так, словно моей сестры вообще не существовало на свете.

Мама застыла на месте.

— Ты никогда не говоришь о Чонён. Даже имя ее ни разу не произносила. Как будто ее и не было никогда… Считаешь, это нормально?

Все еще держась за дверную ручку, мама опустилась на корточки и заплакала. Я наблюдала за ней без капли жалости, упиваясь своей жестокостью. Было ли это чувство свободы от того, что запретные слова наконец вырвались наружу? Или радость от точно нанесенного удара мести? Однако оно продлилось не больше мгновения. Придя в себя, я тут же испугалась: сможет ли она простить меня после этого? Не решаясь подойти, я просто наблюдала за ней со стороны. После долгих рыданий мама успокоилась, вытерла лицо и вышла из моего номера. Дверь за ней захлопнулась сама.

В тот год, когда я пошла в школу, мама устроилась оператором в справочную службу. Когда я возвращалась домой после уроков, там никого не было, и я занимала себя всевозможными играми в ожидании ее. А если становилось совсем уж невмоготу, я поднимала телефонную трубку и набирала номер справочной.

«Информационно-справочная служба, слушаю. Чей номер вам нужен?»

Я изо всех сил прислушивалась к голосу опе-

ратора. Надеясь, что, если продолжу звонить, когда-нибудь мне ответит моя мама.

«Чей номер вам нужен?»

Я так ни разу и не попала на маму.

«Агентство недвижимости „Кымдонсон“».

Я говорила любое название, которое придет в голову, и слушала ответ оператора. Я набирала номер справочной службы только в те моменты, когда совсем не могла вынести одиночества. А вдруг мама возьмет трубку? Мне казалось, что все мои мечты исполнятся, если я услышу ее голос хотя бы на одну секунду. Я представляла себе детей, которые звонят в справочную с таким же чувством. Детей, которые набирают номер, зная, что им не ответят. И, воображая их, на несколько минут я переставала чувствовать себя бесконечно одинокой.

«Информационно-справочная служба, слушаю. Чей номер вам нужен?»

«Мам, это я, Чиён!»

В детстве чувство одиночества струилось по моему телу, как электричество, и любой, кто прикоснулся бы ко мне, заразился бы им от меня. Я думала, что, возможно, в этом и кроется причина того, почему мама больше не обнимает меня, не трогает и избегает моих прикосновений. Такие

фантазии помогали мне грустить чуть меньше.

Маленькой мне приходилось сдерживать себя, чтобы не прикасаться к маме, и вместо этого я кружила вокруг нее, как неприкаянный щенок, и наблюдала за ней издалека. Когда мама дремала, сидя на диване, я осторожно подкрадывалась и вдыхала запах ее тепла. Я до слез скучала по ней, даже когда она находилась так близко, что я могла дотянуться до нее. Единственный момент за день, когда мама прикасалась ко мне, — это когда она заплетала мне волосы. Я просыпалась спозаранку, хватала расческу и ждала, пока встанет мама. Она и понятия не имела, с каким мучительным нетерпением я ждала этих моментов.

Я до сих пор не могу забыть этого.

На следующее утро началась свадебная церемония. Мама сидела в ханбоке, который покупала на мою свадьбу, за одним столом со мной. Временами она как ни в чем не бывало бросала мне фразы вроде: «А маленькие свадьбы тоже неплохи» или «Хорошо, что погода не подвела». Я отвечала: «И то верно», «Действительно». Мама опять притворялась, что ничего не понимает. Как обычно, делала вид, что ничего не произошло. Иногда я даже задавалась вопросом: а не страдает ли она избирательной амнезией? Всякий раз,

когда случалось что-то неприятное, она просто замалчивала это и убеждала себя, что ничего не произошло. И я тоже следовала этой линии. Всегда молчать и делать вид, будто ничего не случилось.

После окончания церемонии я вышла на парковку, когда мама вдруг догнала меня.

— Еще раз заговоришь со мной в подобном тоне, и я тоже терпеть не стану, — прошипела она, дрожа от ярости.

Что-то незнакомое в мамином облике заставило меня дрогнуть, но с языка сорвалось совсем другое.

— Если ты притворяешься, что ее не было, это не значит, что так и есть. У меня тоже есть право говорить о ней, — тихо пробормотала я, не осмеливаясь повысить голос.

— Это все уже в прошлом. Она не оживет и не вернется к нам просто от твоих слов, — ответила мама, избегая моего взгляда.

— Мам!

Я шагнула к ней, но она попятилась назад.

— Что ты там говорила? Твой дядя презирает меня? Как бы не так, если кто меня и презирает больше всех, так это ты, а не кто-то другой! Ты всегда обесценивала мою жизнь! — мама почти

перешла на крик.

Люди на противоположной стороне парковки наблюдали за нами и перешептывались. Мама поправила прическу и ринулась прочь широкими шагами. Полы темно-синего ханбока развевались на ветру, открывая белую нижнюю юбку. Я спокойно наблюдала за ней до тех пор, пока она не скрылась за зданием.

Мама осуждала женщин, которые ругались с мужьями или детьми в общественных местах, женщин, которые всхлипывали и лили слезы в автобусах, женщин, которые громко кричали в телефон посреди улицы, называя их бесстыжими. Она считала, что такое пошлое невежественное поведение подрывает их собственную ценность. Но сегодня она явила мне именно тот облик, которого старательно избегала всю свою жизнь. Хотя упреки больно вонзались мне в сердце, благодаря ее беззастенчивой вспышке гнева я вдруг почувствовала странное освобождение.

После свадьбы мама ни разу не позвонила мне. Время от времени я невольно вспоминала все, что сказала ей тогда. О застарелой боли, которая всплыла в тот вечер в темном номере. Тогда я была уверена, что придумала это просто из вредности, чтобы побольнее ранить ее. Однако со

временем осознала, что обвинения, которые я кинула ей в лицо, чтобы обидеть, на самом деле не были стопроцентной ложью. Ведь я действительно уехала в Хвирён в какой-то степени для того, чтобы отдалиться от мамы, причинившей мне боль после развода. Слова о том, что она специально делала вид, будто сестры вовсе не существовало в этом мире, тоже были частью моего подсознания. Хотя я не могла признаться даже себе самой в этом и потому не могла осознать и прожить эту утрату до конца.

Мама сказала, что я презираю ее. Поначалу я была уверена, что это бред, но после долгих размышлений пришла к тому, что в моем отношении к ней всегда присутствовала некая доля презрения. Может, это потому, что подсознательно я понимала, что такое поведение — самый эффективный способ атаковать ее? Или таким образом хотела заставить маму хоть немного воспринять меня всерьез? А может, я хотела любым способом добиться хоть какой-то реакции от мамы, которая всегда оставалась неприступной, как бы я ни жаждала, ни плакала, ни молила и ни упрекала ее? Я несколько раз писала и стирала сообщения, но в итоге так ничего и не отправила. С одной стороны, я не могла подобрать слов, что-

бы попросить у нее прощения, но с другой — не могла избавиться от страха, что она просто не захочет меня прощать.

Я подолгу не виделась с бабушкой за исключением тех случаев, когда мы случайно сталкивались у баков для сортировки мусора. У меня было много работы в лаборатории, но и бабушка не отставала, будучи все время занятой на поденной работе во фруктовом саду и на фермах. При виде того, как она каждый день садится в грузовик на рассвете и возвращается домой только поздно вечером, меня так и подмывало сказать ей, чтобы она прекратила работать и отдохнула. В тот день, когда мы в очередной раз столкнулись перед мусорными баками, бабушка с загоревшим дотемна лицом заявила, что сейчас должна принимать как можно больше заказов, поскольку зимой работы не будет. Она также похвасталась, что никогда не пропускает звонков от хозяев ферм и фруктовых садов, которые ценят ее за сноровку несмотря на то, что она уже не так ловка, как семидесятилетняя молодежь. Слушая ее радостный щебет, я задумалась, есть ли у нее нормальная страховка и хоть какие-то сбережения. Мне казалось, что работа на ферме — слишком тяжелый труд для человека, который в следующем году

будет отмечать восьмидесятилетний юбилей.

Так наступила поздняя осень. Я уезжала на работу и возвращалась домой в темноте, холодный ветер временами пробирал до дрожи. Примерно в тот период появилась вакансия в лаборатории в Тэджоне. Работа там была моей давней мечтой. Некоторое время я была очень занята подготовкой документов. Только после того, как отправила резюме в лабораторию, я смогла наконец найти время, чтобы навестить бабушку.

Я достала из холодильника персики, местами размякшие от долгого хранения, и простерилизовала в кипятке стеклянную банку. Положив фрукты в кастрюлю и засыпав их сахаром, я поставила их на медленный огонь и сварила персиковое варенье. Сложив в бумажный пакет купленный в булочной белый хлеб и взбитые сливки, я заварила кофе из дрип-пакетов, налила его в термос и отправилась в гости к бабушке. Мне хотелось угостить ее чем-нибудь вкусным в благодарность за заботу, которую она проявила, пока я лежала в больнице.

Вскоре после выписки я попыталась дать бабушке конверт с деньгами, чем поставила нас обеих в неловкую ситуацию. При виде конверта на ее лице на мгновение мелькнула обида, но

она тут же взяла себя в руки. Натянув на лицо беспечную улыбку, бабушка заявила, что у нее много денег, и велела убрать конверт. Лучше бы она просто продолжала смотреть на меня с обидой. Потому что мой поступок явно обидел ее настолько же сильно, насколько она пыталась это скрыть. Той осенью я часто вспоминала бабушкино лицо, помрачневшее на одно мгновение, а затем снова озарившееся улыбкой как ни в чем не бывало.

— Это варенье из персиков, которыми вы меня угостили.

Я намазала кусочек хлеба вареньем и взбитыми сливками и протянула бабушке. Затем налила в кружку кофе из термоса и поставила на стол. Она откусила кусочек хлеба и запила его глотком кофе.

— У тебя шея болит, а ты стояла и варила варенье?

— Уже почти не болит. А варить варенье интересно.

— С черным кофе хорошо сочетается. Вообще-то я не люблю кофе без сахара, но вместе со сладким, оказывается, вкусно. А ты чего просто смотришь? Давай тоже налетай.

Я послушно откусила кусочек хлеба. Уже было

начало второго, а это был мой первый прием пищи. Глоток горячего кофе согрел меня изнутри.

— Я помню, как вы угощали меня консервированными персиками, когда я приезжала в Хвирён в детстве. Вы клали персики в глубокую миску и мелко крошили лед. Получалось не сладко и очень вкусно.

Бабушка хотела было что-то сказать, но внезапно передумала и молча отпила кофе. А затем снова посмотрела на меня.

— Я очень берегла те персики. И угощала ими любимых людей, когда они приезжали в гости.

— Мама обожает персики. Она рассказывала, что постоянно ела их, когда была беременна мной.

— Мисон приезжала пожить в Хвирён, когда носила тебя. Вместе с Чонён. Помню, как мы все вместе сидели и ели персики.

Бабушка впервые произнесла имя моей сестры. До этого она только мимоходом называла ее «твоя сестра». Я уже давно не слышала, чтобы кто-то произносил имя Чонён вслух. За балконом виднелся кусочек моря. Оно сверкало, как белая целлофановая пленка, отражая солнечные лучи.

В январе 1963 года пришла телеграмма из Тэгу. Отправителем значилась Хвичжа.

Бабушка тоже засобиралась ехать, но мать остановила ее. Сказала, что ехать на автобусе с маленьким ребенком — дело нелегкое, да и к тому же ей нужно закончить в срок большой заказ на пошив костюмов. Бабушка понимала, что мать права, но упрямилась как маленькая.

— Я же говорила вам, что тетушка Сэби выглядит больной! А вы хоть попытались выслушать меня тогда, матушка? Все в порядке, с Сэби все в порядке… Вот что вы мне твердили. Почему вы всегда так себе ведете, матушка? Почему не слушаете, что я вам говорю?

Прабабушка, торопливо собиравшая вещи, остановилась и холодно посмотрела на дочь.

— Думаешь, я не знала? Моя Сэби до смерти ненавидит, когда люди беспокоятся о ней и жалеют ее. Такая уж она есть. Если Сэби захотела дожить сколько ей осталось по-своему, что я могла сделать, скажи на милость?.. Если она хотела, чтобы я притворялась, что ничего не происходит, как бы тяжело мне ни было… Я так и сделала.

Прабабушка вытерла слезы и продолжила собирать вещи.

Да, матушка не могла не знать. Если даже я это заметила, матушка уж точно все знала. Бабушка молча наблюдала за тем, как мать берет вещи

и встает.

— Бабуль, ты куда? — спросила проснувшаяся вдруг мама.

— Мне надо ненадолго съездить повидать подругу.

— А ты там будешь ночевать?

— Да, буду.

— Одну ночь?

— Нет, десять ночей.

Услышав этот ответ, мама ударилась в слезы, а прабабушка молча открыла дверь и вышла из дома.

Тетушка Сэби еще оставалась в слабом сознании. Она лежала на одеяле и слегка подмигивала, когда прабабушка пыталась заговорить с ней.

Взгляд тетушки Сэби проникал в ее тело, проходил сквозь сердце и достигал того самого укромного места, что люди зовут душой. Там маленькая прабабушка, которой не было еще и пяти лет, сидела и держала в кулачке нагревшийся на солнце камешек и шептала ему: «Дружок, мой дружочек!» Она отчаянно мечтала получить хотя бы частичку тепла, но ужасно боялась людей. Прабабушка сидела, сжавшись в комочек, в уголке двора и смотрела на свою тень.

По глазам подруги прабабушка поняла, что тем

человеком, которого она так отчаянно звала в детстве, еще не зная его, была именно тетушка Сэби. «Ты слышала мой голос. Ты ела еду, приготовленную мной, и нахваливала ее. Ты называла меня Самчхон. Сэби, ты звала меня своей Самчхон».

— Сэби.

Тетушка Сэби моргнула.

— Это я, Самчхон.

Прабабушке показалось, что на лице подруги на мгновение мелькнула слабая улыбка. Вскоре тетушка Сэби закрыла глаза и заснула.

Комнату Хвичжи снимала коллега тетушки Сэби из типографии, женщина по имени Кёнсун. Именно она заметила, что состояние тетушки Сэби резко ухудшилось, вызвала врача и отправила телеграмму Хвичже. Кёнсун выглядела на двадцать с небольшим, у нее была короткая стрижка, одета она была в вельветовые брюки и собственноручно связанный черный свитер. Она сидела нахохлившись в уголке двора и курила сигарету.

— Врач не знает, что это за болезнь, — какое уж тут лечение! Я думаю, дело может быть в ранней менопаузе. Матушка Хвичжи говорила, что месячные у нее перестали приходить лет после тридцати, это ведь странно? — сказала Кёнсун,

исподлобья глядя на прабабушку.

Та слышала об этом впервые в жизни.

— И давно она так лежит?..

— Когда я отбивала телеграмму, она еще могла сама ходить в туалет. А с тех пор, как Хвичжа приехала, и того не может… Сама велела ни в коем случае не сообщать дочери, а как та приехала, страшно обрадовалась. Я понимаю, что она не хотела, чтобы Хвичжа видела ее больной, но ведь девочке это как нож в самое сердце…

— А где она сейчас?

— Пошла на рынок еды купить.

Женщины долго сидели в тишине, съежившись от холода и глядя в разные стороны.

— Ох, я же забыла представиться. Я мать Ёнок.

— Знаю. Матушка Хвичжи много о вас рассказывала.

Кёнсун посмотрела на прабабушку красными от усталости глазами. Вскоре открылась калитка и во двор вошла Хвичжа. Ее щеки раскраснелись от мороза, а глаза выглядели опухшими.

— Тетушка, сколько же времени прошло! — голос Хвичжи сел от долгих рыданий.

— Хвичжа!

— Вы, должно быть, утомились с дороги. Не стойте на морозе, пойдемте скорее в тепло.

— Хорошо, хорошо.

Прабабушка, Хвичжа и Кёнсун зашли в дом и, накрывшись одним одеялом, принялись наблюдать за тетушкой Сэби.

— Она уже второй день ничего не ест, — прошептала Хвичжа.

Хотя в печи горел огонь, сквозь щели в глиняных стенах задувал сквозняк, и нос щипало от холода.

— Если честно, я обижена на всех. И на матушку, и на вас, тетушка, и на тебя, Кёнсун. Если бы хоть кто-нибудь из вас сказал мне правду, я ведь могла приехать раньше и повидаться с ней. Могла бы поговорить с матушкой, пока она еще была в сознании.

— Говори тише. Ты ее разбудишь, — укорила Хвичжу Кёнсун.

— А я и хочу, чтобы матушка услышала. Как она могла так со мной поступить? Она ведь всегда твердила мне, что нельзя обманывать, так как она могла обмануть меня? Если бы я знала, что так выйдет, не поехала бы ни в какой Сеул! Зачем мне учиться в университете, если ему и не место было в моей судьбе? Чтобы хорошо устроиться в одиночку? Она бросает меня одну-одинешеньку на целом свете! И как я должна жить дальше?

— Хвичжа, тише-тише. — Прабабушка погладила девушку по голове.

— Что мне теперь делать?..

— Хвичжа, твоя мать все слышит, — тихо утешала ее Кёнсун.

— Сэби понимает все, что у тебя на душе. Ты говори дальше, Хвичжа. Говори все, что хочешь сказать ей. Сэби бы не хотела, чтобы ты держала это в себе. Так что можешь говорить все как есть, — наставляла прабабушка.

— Матушка, неужели вы пришли пешком из самого Сэби, держа меня за руку, в разгар войны, чтобы вот так просто все закончить? Вы так настрадались, чтобы отправить меня в Сеул, а теперь решили сдаться? Матушка, ну кто так поступает? Неужели вы думали, что я похвалю вас, если вы будете терпеть и скрывать все от меня? Нет, матушка, нет! Нисколечко я вас не хвалю! — выкрикнула Хвичжа и уронила голову.

Она была права. Если Сэби умрет, Хвичжа останется одна-одинешенька на всем белом свете. Прабабушка не знала, как утешить девушку, и просто молча смотрела в стену перед собой. По щекам без конца катились слезы.

Прабабушка, Хвичжа и Кёнсун решили спать по очереди. Пока двое спали в маленькой ком-

натке, одна присматривала за тетушкой Сэби в ее спальне. Когда Кёнсун уходила на работу, прабабушка и Хвичжа сменяли друг друга. Состояние тетушки Сэби становилось хуже день ото дня. Она больше не реагировала на звуки и дышала так тихо, что приходилось прислушиваться, чтобы понять, дышит ли она вовсе.

Это была четвертая ночь, которую прабабушка проводила в Тэгу. Она легла рядом с Сэби. Придвинувшись так близко, что их носы почти касались друг друга, прабабушка обняла подругу. Сквозь ее тонкую кожу прощупывались острые, как металлические звенья, позвонки. Прабабушка прикоснулась пальцами к лицу подруги. Ее щеки на ощупь казались прохладными и гладкими, как шелк. Тетушка Сэби задрала подбородок и слегка приоткрыла рот. Прабабушка поднесла руку к ее носу. Пальцев коснулось теплое слабое дыхание, как у ребенка. «Ты не можешь просто порадоваться тому, что мы с тобой вместе сейчас? Разве этого недостаточно?» Прабабушке казалось, что она как наяву слышит ласковый голос тетушки Сэби, как в ту ночь, когда они вместе лежали в доме Самчхон в Хвирёне.

— Хорошо, Сэби. Я сделаю по-твоему, не переживай, — прошептала прабабушка, глядя в лицо

тетушки Сэби.

Ставни застучали на ветру.

— Сэби… Твоя подруга Самчхон всю жизнь только и думала о том, как бы выжить, как бы не умереть. Как зверь, как насекомое, копошащееся в грязи… Я всю жизнь только и делала, что старалась выжить. Да я ведь матушку свою бросила, спасая свою шкуру… — Прабабушка замолчала, прислушиваясь к дыханию тетушки Сэби. — Когда я убежала в Кэсон, оставив матушку… Когда в тот холодный день позволила тебе одной пойти в Тэгу… Я твердила себе, что ничего не поделать, что так надо, но сердцем понимала: так нельзя.

Из дома напротив послышались радостные мужские голоса, но вскоре гомон отдалился и стих.

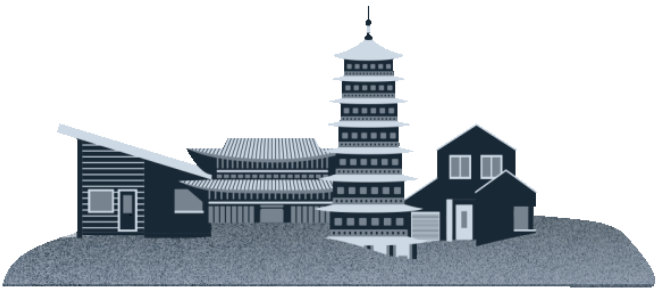
— Сэби… Мне кажется, после смерти мне не увидеть тебя снова. Хоть и говорят, что все слеплены из одного теста, но слишком уж мы с тобой разные… Когда я умру, не встретить мне ни тебя, ни мою матушку. Потому что мы попадем в разные миры. Ни за что не пустят меня туда, где будешь ты, Сэби. Так что здесь наши пути расходятся. Это конец…

Прабабушка двумя руками погладила лицо подруги.

— Моя Сэби, отправляйся туда, где тебе больше не придется страдать ни от холода, ни от голода, где тебе не будет тяжело, не о чем будет больше волноваться, где ты встретишь тех, по кому ты так тосковала.

Вскоре тело тетушки Сэби затрясло мелкой дрожью, и она начала задыхаться. Кёнсун ушла на ночную смену, а Хвичжа спала в соседней комнате. Прабабушка сходила и разбудила ее. Тело тетушки Сэби менялось на глазах. Постепенно ее грудь перестала вздыматься, остановилась дрожь. Тетушка Сэби испустила последний вздох. Прабабушка и Хвичжа упали на нее, сотрясаясь в рыданиях. На часах было пять часов утра.

Часть пятая



14

Поезд метро ехал через реку Ханган. Я смотрела в окно, слушая мерный стук колес. Солнце было в самом зените, его лучи ослепительно сияли, отражаясь от воды. Юная девушка в свитшоте абрикосового цвета заснула, уронив голову мне на плечо. Она спала крепким сном, слегка приоткрыв рот.

Эта картина напомнила мне те времена, когда я сама в двадцать лет ездила из дома в университет на метро и дорога туда-обратно занимала не меньше трех часов. Я всегда была страшно уставшей и по большей части дремала в метро. Бывало, что, заснув слишком крепко, я случайно наклонялась в сторону человека, сидящего рядом со мной. «Девушка, просто кладите голову сюда», — иногда говорили мне женщины средних лет и подставляли свое плечо. Тогда я не придавала этому значения.

Уже во время замужества я тоже ездила на работу на метро. Отработав целый день в лаборатории при университете, на обратном пути я представляла себе, что поезд, в котором я еду, везет меня не домой, а куда-то в другое место.

Вернувшись в квартиру, где царила токсичная атмосфера, мне приходилось тратить последние остатки эмоциональных сил на мужа, но мои силы понемногу таяли. В какой-то момент я начинала нервничать каждый раз, когда наступало время ехать домой.

В тот день я, как обычно, сидела сгорбившись и с суровым лицом читала новости в телефоне, когда девушка, клюющая носом рядом, уронила голову мне на плечо. Меня охватил неконтролируемый гнев, и я резко дернула плечом, чтобы разбудить ее. Но ее все равно продолжало клонить в сон. Я покосилась на нее. На коленях девушки лежал огромный рюкзак, а на ногах у нее были старые, давно не стиранные кеды. Ее голова то и дело пыталась примоститься на моем плече, и я, не выдержав, возмущенно подскочила с места.

Я считала, что измена мужа и развод одномоментно сбили меня с ног. Но только ли в этом заключалась проблема? Действительно ли он был для меня настолько важным и ценным человеком, насколько я верила ему или насколько мне хотелось верить? Действительно ли я испытывала меньше боли до того, как узнала о его измене?

Выходя за него замуж, я хотела сбежать одновременно и от существующих проблем, и от

вероятных. Я хотела как можно больше отдалиться от своей семьи, от невысказанных обид, от вероятности быть раненной кем-то и более всего — от настоящей любви. Я не хотела полюбить хоть кого-нибудь искренне и глубоко, чтобы потом испытать такую боль, что разрывается сердце. Я планировала полностью закрыться от вероятности подобных эмоций и спокойно жить в пресных, еле теплых отношениях. Существует ли что-то более легкое, чем самообман? Время после развода обернулось для меня такой болью не только из-за обмана мужа. Это также был результат и того, что я обманывала саму себя. Положа руку на сердце, я могу сказать, что самую сильную боль мне причинил самообман.

Все то время, пока я выбирала удобство и комфорт, я не могла расти. Словно дерево, застрявшее в бочке, я не могла свободно раскинуть свои ветви. Я была изолирована. «Какая же ты мерзкая, когда открываешь рот! Кто такую полюбит?» — говорила мне свекровь, а он равнодушно смотрел телевизор, сидя рядом. Почему ты не замечаешь, как мне больно? Он оставлял меня всю в слезах и хлопал дверью в комнату. Включал музыку и занимался спортом. Словно кто-то перекрыл в нем канал, по которому передавались его эмоции

по отношению ко мне. Не было смысла даже пытаться объяснить ему, что я чувствую. Это не работало. Стоило расстаться еще тогда? Но я продолжала бежать от этой проблемы. Делала вид, что ничего не происходит. Отрицала. Я плакала, пока его не было дома, но старалась быстро успокоиться, когда он звонил. «Что у тебя с голосом?» — спрашивал он. «Ничего, только проснулась», — врала в ответ я.

Но кому я врала?

Себе, своей жизни. Потому что не хотела признавать, не хотела знать, не хотела чувствовать.

Вот откуда начиналась тьма.

Девушка на моем плече крепко спала с выражением умиротворения на лице. За окном стоял ясный день. Тяжесть на плече казалась приятной. Я подумала обо всех тех женщинах, которые подставляли свое плечо мне. Они тоже встречали других женщин, которые готовы были подставить им свое плечо. Женщин, которые думали: «Как же ты, должно быть, устала, что заснула так крепко! Поспи, пусть тебе будет хоть немного удобнее». Кажется, что в этом нет ничего особенного, но иногда такие жесты придают сил жить дальше. И той, кто опирается на плечо, и той, кто его подставляет. Подумав о том, что такое

мгновение снизошло и ко мне, словно луч солнца, пробивающийся сквозь тучи, я почувствовала облегчение.

Я ехала в Национальную библиотеку Кореи. Там я собиралась посмотреть документальный фильм, который показывали в 1992 году на телеканале KBS. Бабушка сказала, что осенью 1992 года она видела Хвичжу по телевизору. И добавила, что хотела бы узнать, жива ли она. Хвичжа стабильно приходила к ней во сне раз в год, но в последнее время снилась все чаще. Бабушка думала, что если Хвичжа жива, то, возможно, она ищет ее. Она упомянула об этом вскользь, но я твердо вознамерилась найти Хвичжу. Ее жизнь после смерти тетушки Сэби не давала мне покоя.

После похорон Хвичжа приехала вместе с прабабушкой в Хвирён. Черное пальто, длинные волосы с химической завивкой и бледное лицо. Хвичжа с трудом улыбнулась бабушке. Несколько дней она проспала как убитая. Бабушка поставила у ее изголовья чайник с водой и кружку, но Хвичжа даже не притронулась к ним. Спустя несколько дней она вышла из комнаты и поела приготовленную бабушкой жидкую рисовую кашу.

— Теперь у меня нигде нет дома, онни, — сказа-

ла она, не выпуская ложку из рук.

— Не думай так. Разве мы тебе не семья? Не обижай меня такими словами.

Однако, произнося это вслух, бабушка на самом деле не была уверена, что сможет стать для Хвичжи настоящей семьей. Они не виделись уже больше десяти лет, и бабушка не могла даже представить себе, как сейчас живет старая подруга. То же самое касалось и ее. В их реальностях не было общего знаменателя. Несмотря на то что они долгие годы вели переписку, это отличалось от того ощущения близости, которое объединяло их в те времена, когда они каждый день садились за один обеденный стол и ели рис из одной кастрюли. Но бабушка все равно считала, что они с Хвичжой остаются семьей. И когда она говорила ей приезжать в Хвирён, если на сердце станет тяжко, это были не пустые слова. Поэтому слова Хвичжи о том, что у нее больше нигде нет дома, вонзились в сердце ледяной стрелой.

На следующий день после этого разговора бабушка собирала с пола обрывки ниток и обрезки ткани, когда Хвичжа открыла дверь комнаты и прошептала:

— Хочу увидеть море.

Бабушка оставила маму с прабабушкой и вме-

сте с Хвичжой отправилась на Черепаший пляж. Холодный зимний ветер был настолько пронзительным, что ломило виски, волны угрожающе бушевали. Хвичжа упала на колени на пляже и руками в перчатках принялась пересыпать песок. Бабушка долго наблюдала за ней со стороны, а потом подошла, опустилась на колени и крепко обняла ее со спины. Наверное, она осмелилась сделать это, потому что в этот момент их окружали только завывания ветра и шум бьющихся волн. Бабушка не привыкла к таким проявлениям чувств.

С тех самых пор, как она сама только научилась ходить, бабушка помнила Хвичжу, следовавшую за ней везде, словно тень. Помнила, как эта девчушка трещала без умолку и дрожала от страха, боясь, что бабушка позабудет малейшую деталь из их общего прошлого. Как она прыгала на скакалке в переулке, одетая в истрепанную юбку, из-под которой торчали ее тощие голени. Как она постоянно щурила глаза от близорукости, вытянув шею вперед. Как они прощались на автовокзале и Хвичжа сказала ей: «Кушай хорошо, онни. Увидимся, еще увидимся». Бабушка долго обнимала Хвичжу, зарывшись лицом в ее волосы. Пока голова не заболела от ледяного ветра, пока

руки в перчатках не свело от боли.

От долгого сидения на холоде у обеих затекли конечности, и бабушка с Хвичжой вышли с пляжа, неуклюже пошатываясь, словно в танце. Глядя друг на друга, они покатились со смеху.

По пути домой бабушка рассказала Хвичже, как тетушка Сэби веселилась на этом пляже до тех пор, пока ее юбка не вымокла насквозь. Тогда она еще казалась бодрее и здоровее, чем кто бы то ни было.

— Мы играли в мяч.

— Какой мяч? — поинтересовалась Хвичжа, плотнее прижимаясь к бабушке.

— Маленький резиновый мячик размером с кулак. Тетушка привезла его из Тэгу в подарок для Мисон.

— А что вы еще делали?

Бабушка рассказала обо всем, что делала тетушка Сэби с момента прибытия в Хвирён и вплоть до ее отъезда, стараясь не упускать ни малейших деталей.

— А матушка… говорила что-нибудь про меня? — спросила Хвичжа, прикусив губу.

— Она говорила, что иногда ты снишься ей в облике птицы. Очень красивой птицы, которая сидит на высокой ветке. У тетушки перехватыва-

ло дыхание, и она звала тебя: «Птичка, спускайся вниз!» — но птица отталкивалась от ветки и взмывала высоко в небеса. Тетушка говорила, что это одновременно вызывало и грусть, и огромную радость. У нее даже слезы на глазах выступали от радости.

— Откуда ей было знать, что эта птица — я?.. — выдавила Хвичжа осипшим голосом.

— Это же тетушка Сэби. Она узнала бы тебя, стань ты хоть птицей, хоть кротом, хоть даже хурмой. И сказала бы: «Это ты, моя красавица, моя красавица Хвичжа».

— Да, так бы и было.

Хвичжа сняла очки и разрыдалась, закрыв лицо двумя руками.

Через неделю Хвичжа вернулась в Сеул. Она писала бабушке письма чаще, чем когда-либо. Когда начались летние каникулы, Хвичжа приехала в Хвирён со всеми вещами и все лето провела, присматривая за маленькой мамой и занимаясь репетиторством с местными ребятишками. Они с бабушкой часто брали сдувшийся резиновый мяч и играли вдвоем до самого заката солнца. С тех пор Хвичжа регулярно начала приезжать в Хвирён.

Бабушка радовалась визитам подруги, но это

общение приносило не только комфорт и успокоение. Даже наедине с подругой Хвичжа теперь разговаривала совсем как сеульчанка, напрочь забыв о северокорейском диалекте. Эта прохладная манера речи расстраивала бабушку, она обижалась по мелочам, сама не понимая причины. Однажды Хвичжа мимоходом обронила, что подумывает бросить учебу в университете, и эти слова глубоко вонзились в сердце бабушки. Неужели она не понимает, как ей повезло? Как она может так легко бросаться подобными словами, когда в мире столько людей не может себе позволить даже нормальную еду? Сама бабушка выбивалась из сил, стараясь прокормить семью из трех человек. Она не хотела быть жестокой к Хвичже, оставшейся одной на всем белом свете, но удерживать в такие минуты приветливое выражение лица было нелегко.

Когда Хвичжа расторгла помолвку с женихом и собралась на учебу в Германию, бабушка не смогла искренне поддержать ее. «Ты ведь женщина, неужели у тебя совсем нет страха? Как ты проживешь одна в чужой стране?» Она сказала это, потому что беспокоилась о подруге, но Хвичжа разозлилась, не получив ожидаемой поддержки, а сама бабушка не смогла скрыть своей злости.

Их отношения дали трещину, которая так и не срослась к тому времени, когда Хвичжа уехала в Германию.

Документальная программа «Зарубежные соотечественники, прославившие Родину» выходила с лета 1988 года до лета 1993-го. Выпуск под названием «Доктор наук Ким Хвичжа, криптограф» показывали по телевизору двадцать восьмого сентября 1992 года.

У нее прямые темные волосы до плеч и круглые черные очки в роговой оправе. Она одета в рубашку лавандового цвета, темно-коричневые слаксы, на ногах оксфорды. Эпизод начинается со сцены, где она сидит за столиком во дворе кофейни и пишет что-то в блокноте. В нижней части экрана появляется надпись: «Доктор наук Ким Хвичжа, криптограф, 50 лет». В следующем кадре она стоит перед огромным мигающим прибором в окружении коллег и общается с ними на немецком. Мужчина с темными волосами говорит: «Она сыграла ключевую роль в создании специализированных систем безопасности для нескольких крупных корпораций. Доктор Ким создала собственную систему контроля доступа к информации».

Рассказчик переходит к ее достижениям.

Зрителю рассказывают о том, как она уехала в Германию, выиграв государственную стипендию, получила магистерскую и докторскую степени по математике, а затем стала востребованным криптографом, работающим в Германии и США. Далее следуют интервью коллег с благоприятными отзывами вперемешку с кадрами, где показывают ее за работой, затем действие перемещается в ее дом. В небольшой квартире почти нет мебели, на стенах не висит ни одной картины.

«Для дома известного ученого жилище довольно скромное. Маленькая кухня, гостиная и спальня, вот и все. Здесь даже нет отдельного кабинета».

Крупный план. Она сидит на диване горчичного цвета с чашкой чая в руках.

«Я привыкла постоянно быть в разъездах, поэтому не покупаю много вещей. Иначе сложно будет держать их в порядке. Работаю я за обеденным столом. Это моя привычка еще со школьных времен».

Пока она говорит, камера отдаляется и захватывает в кадр окружающую обстановку. Появляется диван, на котором она сидит, рядом с ним торшер и тумбочка. На тумбочке фотография в скромной рамке. Я нажала на паузу и присмотрелась к

снимку. Это фотография тетушки Сэби и прабабушки в Хвирёне. Та же самая, что хранится у бабушки.

Я снова включила видео. Ведущий спрашивает у нее о детстве и родине, и камера снова берет ее крупным планом.

«Я родилась в 1942 году в Кэсоне. Во время войны мы бежали в Тэгу к моей двоюродной бабушке, и я прожила там до поступления в университет. В 1961 году я поступила в Женский университет Ихва на математический факультет», — отвечает она на устаревшем сеульском диалекте.

«У вас, должно быть, очень богатая семья, если вы смогли поступить в университет в те времена?»

Она горько усмехается и качает головой.

«Я училась лучше всех в школе. Поступила, потому что мне выделили стипендию».

«Вашим родителям, наверное, было нелегко отпустить дочь на чужбину».

«Мой отец умер рано, и мать воспитывала меня одна. Она всегда твердила мне, что я должна хорошо учиться и улететь как можно дальше. Это может прозвучать высокомерно, но я родилась довольно умной. И мама знала это. Она родилась во времена японского колониализма. В те

времена люди считали, что судьба женщины определяется тем, за кого она выйдет замуж, в это верили безоговорочно. Но в этом смысле моя мама была человеком неверующим… Я так думаю», — со смехом говорит она.

«Вы, должно быть, сильно скучали по матери, пока учились за границей».

Ее веки слегка дрожат. Она делает глоток чая и жестом дает понять ведущему переходить к следующему вопросу.

«Не сложно ли было вам изучать математику, будучи женщиной?»

Она не отвечает и не улыбается. Изображение нечеткое, но мне кажется, я чувствую через экран ее гнев.

«Вы удивительная. Вот что я имел в виду. Юная девушка в одиночку уехала за границу. Могу я спросить, почему вы до сих пор не замужем?»

«Я была слишком занята учебой и работой, чтобы находить время на отношения. Да и в целом мужчины меня не интересуют».

Ведущий громко смеется после ее ответа. Он явно принял ее слова за шутку, но она смотрит на него с недоумением: ее ответ был искренним.

«Когда вы планируете приехать в Корею?»

«Не знаю. Я очень занята».

«Но ведь у вас, наверное, есть там семья, которая ждет вас».

«Не уверена, что там найдется кто-то, кто по мне скучает», — с этими словами она шутливо пожимает плечами и улыбается.

Ведущий переходит к рассказу о ее карьере криптографа.

Что чувствовала бабушка, когда смотрела эту передачу? Доктор наук Ким Хвичжа по сей день жила в Германии. Найти адрес ее электронной почты на сайте университета, где она работала, было несложно. Я написала ей длинное письмо. Но прошло несколько дней, а ответа все не было.

Мы с бабушкой часто встречались, чтобы поужинать или попить чай вместе, но я не говорила ей, что нашла программу с участием доктора наук Ким Хвичжи. И о том, что написала ей письмо. И уж точно не упоминала о том, какие сложные противоречивые чувства я испытывала, когда искала информацию о ней в интернете. Бабушка тоже больше не рассказывала мне о Хвичже. Она только добавила, что после окончания университета, в двадцать шесть лет, та уехала на учебу в Германию и на этом все закончилось. Вспоминая бабушкины истории, я раздумывала о том, почему доктор Ким Хвичжа не ответила на мое

письмо. Быть может, время, самая могучая сила на земле, заставило поблекнуть воспоминания о моей бабушке в ее памяти.

Наступила зима, но бабушка так и продолжала работать. Она начиняла капусту приправами на фабрике по производству кимчи и занималась общественными работами при мэрии. Проанаблюдав за бабушкой целый год, я заметила, что у нее никогда ничего не пропадает впустую. Она катила свою тележку на рынок и, закупившись там овощами, готовила закуски ровно на неделю, чтобы потом съесть их без остатка. Бабушка редко покупала вещи. Исключением были только ежемесячные встречи в «клубе взаимопомощи»: в эти дни бабушка надевала самую нарядную одежду и делала прическу ради встречи с друзьями. В этом клубе старушки в складчину копили деньги по нескольку лет, чтобы потом вместе поехать отдыхать на Чеджудо или еще куда-нибудь.

Бабушка рассказывает мне истории; бабушка хохочет во весь голос; бабушка с азартом режется в карты; бабушка садится в грузовичок, чтобы поехать на ферму; бабушка сидит в беседке и внимательно слушает своих друзей; бабушка толкает свою тележку по пригорку; бабушка читает что-то с лупой… Среди всех этих сцен чаще

всего мне вспоминается та, где бабушка сидит за столом с чашкой чая в одной руке, но ее сознание витает где-то в другом месте. Иногда она словно забывала, что находится здесь и сейчас, даже во время разговоров со мной. Она покидала это измерение на несколько секунд или на одну-две минуты. В такие моменты я просто ждала, пока она вернется обратно. Ждала, пока она придет в сознание, сделает глоток чая и снова обретет способность воспринимать ту реальность, в которой находится. Стоило немного подождать, как бабушка возвращалась, неторопливо выныривая из своего мира, словно профессиональный дайвер после глубокого погружения.

Я не смогла рассказать бабушке, что меня приняли на работу в лабораторию в Тэджоне. У меня не хватало смелости сообщить ей, что весной я уеду из Хвирёна. Мы с бабушкой играли в карты, готовили ттокпокки, изучали поверхность Луны через телескоп, ходили вместе за покупками и играли в снежки на обратном пути, но я не решалась сказать ей про отъезд.

Я все выбирала момент, когда однажды ночью мне приснился сон. Я должна была отвести зебру в безопасное место, но была середина зимы, и на улице лил проливной дождь. Зонта у меня

не было, и мы с зеброй медленно брели, пока по нам хлестали капли ледяного дождя. Не в силах больше терпеть, я резко открыла глаза и обнаружила, что в спальне очень холодно. Поднявшись, я обошла всю квартиру и осознала, что отопление не работает.

К четырем часам утра я убедилась, что бойлер, который до этого часто барахлил, окончательно вышел из строя. Дома было нестерпимо холодно даже под двумя одеялами и пледом. После недолгих сомнений я написала бабушке. Я писала, что у меня сломался бойлер и я беспокоюсь, не случилось ли того же в ее квартире, но на самом деле это была просьба о помощи. Вскоре раздался звонок. Бабушка сказала, что в ее квартире очень тепло, и пригласила переночевать у себя.

Она ждала меня на кухне с включенным светом. Войдя в ее квартиру, я почувствовала, как меня обволакивает тепло. Я легла на матрац, который бабушка постелила мне рядом со своей постелью, и накрылась одеялом. Тело понемногу начало оттаивать, кожа на животе и в ногах зудела. Бабушка выключила свет на кухне и в темноте села, опершись спиной о стену.

— Я вас разбудила?

Бабушка покачала головой.

— Я уснула сразу после ужина и проснулась как раз незадолго до твоего сообщения. В последнее время глаза сами собой открываются перед рассветом, и сон потом не идет. Я пыталась ложиться попозже, но и это не помогает.

— А что вы делаете, когда просыпаетесь среди ночи?

— По-разному. Играю в телефоне, смотрю телевизор, уборку делаю или рис готовлю. А когда начинает светать, смотрю в окно на рассвет. Мне никогда не надоедает наблюдать за восходом солнца. Ну все, тебе пора спать, завтра ведь на работу.

— Завтра воскресенье. Я так замерзла, что весь сон пропал.

— Все равно надо отдохнуть. Полежи с закрытыми глазами, и заснешь.

Я послушно закрыла глаза и попыталась уснуть, но меня преследовали мысли о том, что скоро мне придется уезжать из Хвирёна и когда-нибудь этот момент станет для меня далеким прошлым. И бабушки уже не будет рядом. Время, проведенное вместе, останется лишь моим воспоминанием. Все еще лежа с закрытыми глазами, я прошептала:

— Несколько месяцев назад я сказала маме

кое-что плохое, и с тех пор она мне не звонит.

— Что ты ей сказала?

— Что мама сделала так, будто сестры никогда не было на свете. Что она никогда даже имени ее не произносила… Я сказала ей, что это ненормально.

Бабушка долго молчала. Я с волнением ждала ее ответа. Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем она наконец заговорила:

— Мисон считала, что это она виновата в том, что случилось с Чонён. Хотя это вовсе не так. Может, она и сейчас так думает… Мисон считает, что ты права, и ненавидит саму себя. Она ненавидит себя, а не тебя.

Каждое слово бабушки шипами впивалось в мое сердце.

— Я не знаю, как попросить у нее прощения.

— Но ты же не я. Ты ее дочь. Простить свою дочь матери проще простого.

Бабушка тихо, но отчетливо начала свой рассказ.

В детстве мама тихо занималась своими делами, даже когда бабушка, заваленная заказами, не находила времени, чтобы поднять на нее глаза. Она ни разу не устраивала истерик, свойственных маленьким детям. Мама любила читать и,

принося книги из школьной библиотеки, делилась ими с бабушкой. Благодаря маме бабушке тоже иногда удавалось читать любимые романы. Они читали одну и ту же книгу то уходя вперед, то отставая, и это было одним из немногих способов выражения любви в их отношениях.

После отъезда в Сокчо Киль Намсон ни разу не подал весточки о себе. Однако по документам мама была дочерью не бабушки, а биологического отца, которого совершенно не помнила, и его первой жены. Киль Намсон, похоже, считал, что исполнил свой отцовский долг перед дочерью тем, что не позволил ей считаться внебрачным ребенком. Может, он думал, что ей не придется столкнуться с общественным осуждением, поскольку на бумаге у нее есть полноценная семья?

Бабушка не хотела, чтобы мама ненавидела своего отца. Поэтому она прикрыла его позорное поведение ложью: «Твой отец был уверен, что вся его семья погибла во время войны. Он честно рассказал мне обо всем, и я знала о его первом браке. Он думал, что потерял свою семью, и, когда они нашли его, у него не оставалось иного выбора, кроме как уехать с ними. Он настаивал на том, что заберет тебя с собой, но я не позволила ему.

Это я велела ему никогда не возвращаться назад. Я боялась, что тебе будет больно, если твой отец приедет сюда». Мама молча кивала в ответ. Тогда она училась в четвертом классе.

У мамы и бабушки не случалось ссор, присущих отношениям матери и дочери. Если бабушка бранила ее за что-то, мама спокойно извинялась. Бабушка часто называла ее «бездушной девчонкой». Мама не отрицала. Она всегда была послушной, воспитанной девочкой, неплохо училась и никогда не доставляла проблем. В какой-то момент она начала обращаться к бабушке на «вы». Бабушка завидовала матерям, чьи дети хоть и спорили с ними и влезали в неприятности, но без стеснения липли к ним с криками: «Мамочка, мамуля!»

Бабушка понимала, что мама намеренно старается держать дистанцию, но пыталась убедить себя, что ее дочь просто слишком зрелая и сдержанная по сравнению с другими детьми. Она думала, что со временем это изменится. Но сразу после окончания старшей школы мама уехала в Сеул, устроилась на работу и пустила там корни. Она окончательно отдалилась от бабушки и прабабушки, оставшихся в Хвирёне. Словно наказывая бабушку. Словно демонстрируя, что у нее

есть весомая причина для того, чтобы наказывать ее. Мамино поведение ранило бабушку, но она не готова была признать этого и вымещала гнев постоянными нападками на маму.

— Однажды Мисон позвонила мне и сказала, что выходит замуж. И приехала в Хвирён вместе с твоим отцом. Если честно, он пришелся мне совсем не по душе. Но что я могла сказать, если Мисон любила его? Они переночевали у меня, а наутро твой отец заявил мне, что он слышал о ситуации с отцом Мисон, но постарается убедить своих родителей. «Так, значит, твоя семья еще не одобрила Мисон?» — спросила я, и он склонил голову. Я тогда четко сказала ему, что не хочу отдавать свою дочь в семью, где ей не рады. Но что толку! Сыграли свадьбу. На первой встрече со сватами мне пришлось низко кланяться будущим родственникам и благодарить их за то, что приняли мою недостойную дочь, — равнодушно поделилась бабушка. — Такое было время. Не зря же была поговорка, что та грешница, кто дочь родила. Не было смысла пререкаться. Они и так попрекали Мисон ситуацией с отцом, и я не хотела ставить ее в еще более затруднительное положение. Думала, что уступить — значит выиграть. Я сказала то, что они хотят услышать. Я

считала, что делаю это ради блага Мисон.

«Если будешь бороться, тебя ударят и два, и три раза, и все равно ты не сможешь победить. Так не лучше ли просто получить один удар и закончить на этом?» Я вспомнила выражение лица мамы, когда она произносила эти слова. «Уступить — значит выиграть. Если дашь обидчику сдачи, сама станешь такой же. Просто откажись от своих желаний». Ничего не скажешь, вот уж точно фраза со вкусом поражения. Чувство, когда сдаешься заранее, потому что знаешь, что все равно не выйдешь победителем из битвы. Как же сильно я презирала такое поведение! Как упорно билась, чтобы оно не заразило меня! Я ненавидела маму за то, что она принуждала меня к подобному образу мыслей. Я не хотела для себя такого унизительного существования и потому сопротивлялась изо всех сил. Но почему мой гнев всегда был направлен именно на маму? Почему не на тех людей, которые заставили ее выбрать жизнь, полную унижения? Если бы я росла в тех же обстоятельствах, что и она, смогла бы ли я сделать другой выбор? Смогла бы стать такой же смелой и решительной, как мне кажется? Я попыталась поставить себя на мамино место и не смогла ответить себе на эти вопросы.

— Я вела себя покорно на встрече со сватами, но на самом деле была против. Вернувшись домой, я позвонила Мисон. «Чего тебе так недостает, что ты должна лебезить перед этими людьми еще до свадьбы? Ты должна выйти замуж за того, кто будет уважать тебя и заставит свою семью относиться к тебе с уважением, разве нет? Ты же готовишься к свадьбе, так почему на тебе лица нет и ты таешь день ото дня?» Так я и сказала. И добавила, что желаю ей счастья.

«Счастья?» — переспросила мама пьяным голосом и нервно засмеялась. Этот смех встревожил бабушку.

«Я тоже хочу жить как обычный человек. Это моя мечта. Мне приходится изо всех сил добиваться того, что другим достается просто так».

В маминых словах бабушка услышала упрек. «Но я ведь так намучилась, пока растила тебя. Думаешь, легко женщине в одиночку воспитать ребенка?» — подумала она в тот момент.

«Если бы меня не было, вам бы не было так тяжело, мама. Лучше бы вы отдали меня отцу. Так нам обеим было бы проще», — сказала мама, словно прочитав ее мысли.

Уже выпаливая эту фразу, мама осознала свою ошибку и последние слова произнесла почти

шепотом.

— Я знала, что она говорит это неискренне. Но мне все равно было больно. Тем более что такое было совсем не в ее характере. Положив трубку, я долго плакала. Плакала и думала. Мисон ведь никогда не показывала, как ей тяжело, — так насколько же она устала, что напилась и выплеснула все это наружу? Кто вывернул ей душу до такой степени? Неужели это я тому виной… Мы не разговаривали до самого дня ее свадьбы. Я только отправила ей деньги, сказав, чтобы купила одеяла и прочее для хорошего приданого. В день свадьбы, как только мы с твоей прабабушкой вошли в комнату невесты, Мисон разрыдалась, как маленькая. Я подошла к ней, а она мне сквозь слезы: «Мамочка, простите! Я такие ужасные вещи сказала!» Конечно, я сразу ее простила.

Я вспомнила о фотографиях, которые мама хранила в своем фотоальбоме. Несмотря на тяжелый макияж, на свадебных снимках были отчетливо видны ее опухшее от слез лицо и покрасневшие глаза. Что она чувствовала в тот день? В том же альбоме были фотографии с медового месяца и начала совместной жизни с папой. На них мама выглядела счастливой, но теперь было не понять: то ли это молодость, то ли удачно пойманный

кадр, а может, она действительно была счастлива в тот период. Однако снимки ясно говорили о том, что в те мгновения мама сияла.

— После свадьбы видеться с Мисон стало еще сложнее. Семья твоего отца жила рядом с молодоженами, поэтому вырваться ей было тяжело. Она не могла больше приезжать и по праздникам. Зять ведь старший сын в семье, да и родственников у него куча. Поэтому, если Мисон изредка удавалось приехать в Хвирён, для меня это был целый праздник. Она наведывалась раз в год, а то и реже. А малышка так быстро росла… — На этой фразе голос бабушки затих.

— Какой… она была? — осторожно спросила я, набравшись смелости после недолгого молчания.

— Я звала ее чертенком.

Я тихо улыбнулась.

— Чертенком?

— Ага, чертенком. Она так всему восторгалась. Увидит маленькую лягушку и кричит: «Ух ты!», потом большую раковину углядит, и опять: «Ух ты!» Целыми днями только и делала, что удивлялась. И ты тоже, кстати. Хотя, может, просто за ней повторяла. Или вы обе пошли в мою маму. Вы так радовались мелочам, что я всегда думала,

какая же полная жизнь ждет вас впереди. Думала, вы будете жить и восклицать по любому хорошему поводу: «Ух ты!» По крайней мере, я на это надеялась.

Мне казалось, что, если я открою рот, тут же разрыдаюсь, поэтому я слушала бабушку, плотно сомкнув губы. Откуда-то послышался звук льющейся воды в душе. Вода включилась, выключилась и полилась снова. Бабушка продолжила говорить после того, как звук воды затих:

— А еще она любила петь. Сама придумывала песни. Когда я думаю о Чонён, первым делом вспоминаю, как она стояла посреди двора с шаловливой мордочкой и горланила во весь голос. Ей так нравилось внимание, что нам с прабабушкой приходилось хлопать в ладоши и кричать: «Еще, еще!» Да, были времена.

В углу маленькой комнаты стопкой были сложены одеяла. Чонён забиралась поверх них, складывала руки вместе и пела. Она громко распевала и когда мы бегали на улице, за что часто получала нагоняй от соседей. Я помню все это как сейчас. Говорят, люди не могут иметь четких воспоминаний с такого раннего возраста. Но если сила, что стирает детские воспоминания, так велика, то, возможно, я упорно сопротивлялась

ей. Я отчаянно цеплялась за эти моменты.

— Ты обожала сестру, Чиён. Гордилась ею. Все говорят, что ты ничего не понимала, потому что была слишком маленькой… Но я так не думаю.

Сама того не осознавая, я долгие годы ждала именно этих слов.

— Чонён ведь была копией Мисон. И внешне, и по манере речи, даже ела точно так же, как она.

Это точно. Сестра была как две капли воды похожа на маму. Ее глаза тоже превращались в полумесяцы, когда она улыбалась, и ее лоб был таким же узким, как у мамы. Я ясно помнила каждую черточку лица Чонён.

— Я представить себе не могу, через что прошла Мисон. И никто не может, кроме нее самой. Но я неосторожно сказала ей… — бабушка замолчала, подбирая слова, — сказала, что она ничего не могла сделать, что все было предрешено на небесах. Мисон продолжала винить себя, и я хотела сказать, что это не ее вина…

Увидев лицо мамы после этих слов, бабушка сразу поняла. Дочь больше никогда ее не простит, и она сама оттолкнула руку, которая та протянула ей с просьбой о помощи.

— С тех пор я больше ничего не говорила. Впрочем, ты и сама знаешь.

Мама и бабушка постепенно отдалились друг от друга. Но однажды, спустя пять лет мама приехала в Хвирён вместе со мной. С того момента и начинаются мои воспоминания о Хвирёне. Бабушка страшно обрадовалась и решила, что получила еще один шанс наладить отношения с мамой. Однако, когда я уснула, мама сказала, что утром уедет.

— Присмотрите за ней, пожалуйста. Это только на десять дней. Муж думает, что я в Хвирёне вместе с Чиён.

— Я ничего не понимаю. Куда ты уезжаешь? — испуганно спросила бабушка.

Мама вырвала из блокнота листок, что-то написала и протянула бабушке. На бумаге были написаны адрес и телефон гостиницы в городе Кёнджу. Мама сказала, что остановится там на некоторое время. Бабушку охватило недоброе предчувствие.

— Что ты там собралась делать?

Повисла тишина.

— Мне нужно время, чтобы подумать в одиночестве, — наконец ответила мама.

— О чем можно думать целых десять дней?

— Я больше не могу так жить, я…

Мама оборвала фразу на полуслове. Бабушка

услышала сразу несколько вариантов развития событий в этом коротком предложении, но промолчала.

— Можешь ехать, поступай как знаешь. Но через десять дней ты должна вернуться в полном здравии. Пообещай мне.

— Спасибо, мама. Я сама скажу Чиён.

Мама достала из сумки мои лекарства на экстренный случай, лосьон и одежду, по ходу поясняя бабушке, что к чему. Затем протянула ей записку с указаниями насчет меня. «Она не любит мясо, так что не заставляйте ее. Если накормить насильно, ее стошнит. У нее слабый желудок, так что следите, чтобы она не спала на животе. Она двигается медленно, но с ней все в порядке, не торопите ее. У Чиён сильный стресс. Если у нее вдруг случится приступ эпилепсии, немедленно вызывайте скорую. Если возникнут проблемы, сразу звоните мне в гостиницу».

Бабушка так и поступила. Она сводила меня в долину, в буддийский храм и на пляж, устроила танцы, созвав своих друзей, и показала мне рынок. Но ее сердце оставалось с мамой, уехавшей в Кёнджу. «Я больше не могу так жить…» — произнося эти слова, мама выглядела спокойной. Словно находилась не в процессе решения

проблемы, а уже почти решила ее. Бабушка терялась в догадках. Что же случилось с ее дочерью, которая всегда либо избегала проблем, либо заставляла себя привыкать, если даже она решила, что больше не может так жить?

Спустя десять дней мама вернулась в Хвирён, как и было обещано. Сидя за накрытым столом, она спрашивала у меня, сделала ли я домашнее задание, не забывала ли вести дневник, и пробормотала: «Осталось десять дней до начала учебного года…» Бабушке оставалось только с грустью наблюдать за дочерью, которая решила снова вернуться туда, откуда хотела сбежать.

— Можешь вернуться сюда, когда захочешь, — сказала бабушка, и мама молча кивнула в ответ.

Она через силу улыбалась, слушая, как я восторженно рассказываю о том, как провела эти десять дней, боясь упустить малейшую деталь. Больше мама не появлялась в Хвирёне.

— Я думала, что больше никогда тебя не увижу, — тихо сказала бабушка.

— Я тоже. Если бы я не приехала в Хвирён…

— Мы бы так и жили, не зная друг друга.

Мое озябшее тело полностью согрелось. За разговором время пролетело, и на улице уже светало. Я решила, что не смогу признаться при

свете дня…

— Я давно хотела вам сказать, но не могла решиться, — произнесла я.

— Что такое?

— Меня приняли на работу в лабораторию в Тэджоне. Уезжаю в марте.

— Тэджон? Вот и славно. Это же большой город, и молодежи много, ты отлично там устроишься, — к моему удивлению, радостно отозвалась бабушка.

— Спасибо.

— Поздравляю! Я так и знала, что у тебя все получится.

— Я буду навещать вас.

— Конечно. Приезжай, когда захочешь.

За окном занимался рассвет, и я провалилась в сон, убаюканная бабушкиным голосом. Я уезжаю из Хвирёна и от вас… Я с трудом выживала в этом месте и мечтала скорее уехать отсюда, но это расставание, похоже, давалось мне труднее, чем бабушке.

15

Мама написала мне вскоре после ночи, проведенной у бабушки. Родителям не удалось продлить договор на аренду квартиры, и в следующем месяце они переезжали в соседний район. Однажды я предлагала маме купить дом за пределами Сеула, чтобы провести в нем старость, но она отказалась, сказав, что не хочет уезжать из привычного района.

— Во время переезда хочу избавиться от вещей по максимуму. Приезжай, сама переберешь свои вещи, чтобы я знала, что можно выбросить. И купи, пожалуйста, фотоальбом. Я зашла в канцелярский около дома, но там их больше не продают.

Я ответила, что скоро приеду, и заодно сообщила, что нашла работу в Тэджоне и весной уеду из Хвирёна.

— Твой отец очень рад. Поздравляю.

В следующую субботу я поехала в Сеул. Папа отправился в поход вместе с членами клуба любителей альпинизма. Сидя на диване, я разглядывала тумбу под телевизором и потолочные молдинги, выкрашенные в бирюзовый цвет.

Может, двадцать с лишним лет назад, когда строили этот дом, бирюзовый был в моде? Родители заселились в эту квартиру восемь лет назад и с тех пор три раза продляли договор аренды. Я до сих пор помнила, как с меня ручьями лился пот в первый год жизни в этой плохо проветриваемой квартире без кондиционера. И как я испугалась, увидев сетки от насекомых на окнах. Они выглядели так, словно их не меняли с момента застройки, — настолько пыльные, что сквозь них не проникал воздух. Я предложила попросить хозяйку заменить сетки, но мама сказала, что не хочет действовать человеку на нервы, и собственноручно очистила их от пыли, брызгая водой из пульверизатора.

В этом доме мама благословила дочь на свадьбу, мечтала о внуках, заболела раком, узнала об измене зятя, молилась о том, чтобы дочь не разводилась, наблюдала за тем, как она разводится и переезжает в Хвирён, сделала операцию после рецидива, почти каждый день ходила гулять на Гору с маяком, занимала первые места в мобильных играх и играла в «Варкрафт».

— Хозяйка сказала, что планирует заехать сюда сама, — пояснила мама, протягивая мне стакан воды.

— А, та бабуля?

— Ну да.

— Вот. — Я протянула маме фотоальбом. — Какие фотографии ты хочешь разобрать?

— Сейчас, подожди.

Мама вышла из спальни, держа в руках коробку из-под старых кроссовок. Она положила обе руки на крышку коробки, будто скрывая что-то ценное, и посмотрела на меня. Словно показывая, что мне нельзя прикасаться к ней.

— Я хотела забыть и выбросила почти все… но на это рука не поднялась.

Я потянулась к коробке, но мама крепко прижала ее к себе.

— После ссоры с тобой в прошлый раз я все думала о твоих словах. И решила, что не могу их выбросить.

С этими словами она медленно открыла коробку. На меня смотрели две маленькие девочки. Я сразу поняла, что это мы с сестрой. Мама придвинула коробку ко мне. Прикоснувшись к снимкам, я почувствовала одновременно страх и прилив тоски.

— Разложим их в хронологическом порядке? — предложила я.

— Нет, давай просто так.

— Ладно.

Я взяла самую верхнюю фотографию. Четырехлетняя Чонён стояла перед фонтаном в желтых штанишках с подтяжками и недовольно хмурилась. Я поднесла снимок поближе к лицу, чтобы рассмотреть получше.

— Мы ездили за город с коллегами твоего отца. Она заснула в автобусе и недовольна, что ее разбудили.

Мама вытащила следующее фото. Малышка Чонён, укутанная в оранжевое детское одеялко, широко открыла глаза и вытянула губки вперед. Помимо этого, нашлось еще несколько снимков сестры в младенческом возрасте. Чонён сидит на маминой спине, Чонён ползает, Чонён бегает в ходунках, Чонён сидит верхом на игрушечной лошади, Чонён дует на одуванчик… Я аккуратно складывала фотографии в альбом одну за другой.

Были и снимки, на которых нас запечатлели вместе. Мы с сестрой бегаем в переулке перед домом; из-за разницы в росте неловко обнимаем друг друга за плечи; сидим рядом на лавочке и жуем шоколадку; мы с мамой и Чонён на ее первой школьной линейке… Мама сидит на корточках и обеими руками прижимает к себе нас с сестрой. На этой фотографии мама жизнера-

достно улыбается и выглядит совсем юной. Мы с сестрой стоим по обе стороны от нее, хмуримся и закрываем глаза от солнца. У обеих густые челки, длинные волосы заплетены в косу.

На одной фотографии мы вместе плещемся в ванной. На стене сзади наклеены стикеры с семьей львов. Мама-львица, папа-лев и малыш-львенок. Моя с сестрой головы над раковиной, мама попеременно изображала голосом всю львиную семейку. Мама-львица говорит: «Наша Чиён такая умница, она любит мыть голову. Малыш-львенок, ты же тоже так сможешь?» Малыш-львенок отвечает: «Я боюсь мыть голову». Мама-львица говорит нашей маме: «Повезло же вам, ваша Чиён совсем не боится мыть голову». Мама придумывала истории, разговаривая разными голосами за маму-львицу и малыша-львенка, и я думала, что она волшебница. Я знала, что это говорит моя мама, но верила, что наклейки на стене живые. Что львиная семья просыпается благодаря маминому голосу.

— О, львиная семья! — обрадовалась я, показывая фотографию маме, но она лишь мельком бросила на нее взгляд и ничего не сказала.

После того, что случилось с сестрой, мы переехали в другой район, но семья львов не последовала

за нами. Мама продолжала мыть мне голову, но я чувствовала кожей, что теперь для нее это лишь рутинная задача, с которой хочется поскорее расправиться.

— Не хочешь поставить какую-нибудь фотографию в рамку? — спросила я.

Мамины веки задрожали. Похоже, она даже не задумывалась о том, что фотографию сестры можно не прятать в альбоме, а поставить где-нибудь и видеть каждый день.

— Давай выберем одну и оформим в рамку.

Я знала, что перехожу границы своим предложением. Потому что, поставив фото сестры в рамку, мама тем самым провозгласит, что больше не собирается скрывать ее существования. После долгого молчания она покачала головой. Я принялась складывать в альбом оставшиеся снимки, притворяясь, что ничего не произошло. Про себя думая, что понадобилось много времени, чтобы прийти к этому моменту, и она уже проявила огромную храбрость, просто решившись показать мне эти фото.

На самом дне коробки лежал слегка размытый снимок. Несколько женщин сидят во дворе. Молодая мама в голубом платье на бретельках, рядом с ней, широко зевая, стою я со стрижкой

под горшок. Сестра с двумя косичками смотрит на меня. Около нее, вольготно вытянув ноги вперед и слегка наклонившись в ее сторону, сидит молодая бабушка. А рядом с мамой, почти вплотную к ней, — пожилая женщина в белом льняном наряде с широкой улыбкой на лице. Я узнала ее с первого взгляда.

— Это прабабушка?

Мама кивнула.

— Да. Это сделано на одноразовую камеру, поэтому снимки размытые. Плохо получились, — с сожалением заметила мама, отбирая фотографии, сделанные в Хвирёне.

Все фотографии были размытыми, у некоторых были помяты уголки, другие оказались засвечены так, что была видна только половина кадра. На паре снимков лица людей вышли темными и размытыми, вместо них в фокус четко попало дерево. И все же мама хранила эти фотокарточки.

— Не клади эту в альбом.

Мама показывала на фотографию, где мы все вместе стоим на Черепашьем пляже. На снимке не было только самой мамы — наверное, она фотографировала. Слева стояла прабабушка в рубашке от традиционного костюма, посередине мы с сестрой, а справа бабушка. Мы держались

за руки и смеялись, белая пена от волн набегала на наши ноги. Надев очки, мама нахмурила переносицу и долго разглядывала эту фотографию с легкой улыбкой. А затем убрала ее отдельно в блокнот.

Я попросила маму отдать мне фото, где мы все вместе сидим в бабушкином дворе. Остальные снимки я старательно сфотографировала на телефон и сохранила в галерее.

Мама убрала альбом на книжную полку и начала разбирать шкаф с одеждой. Она вела себя так, будто разбор фото был просто очередным делом, с которым нужно было покончить, но для меня ее поведение было доказательством того, что мама решилась на такой великий поступок, что нельзя описать словами. Она больше тридцати лет втайне от всех хранила эти фотографии. При каждом переезде сомневаясь, выбросить их или нет.

Мама тщательно выбирала, от какой одежды избавиться, а какую оставить. На мой взгляд, все выглядело одинаково, но мама строго разделяла их на две кучи по одному ей известному принципу. Та куча, что предполагалась на выброс, росла намного быстрее.

— Все равно я ношу одно и то же. Лишний груз, — сказала мама, глядя на большую кучу

одежды.

Мы собрали вещи с пола и вышли на улицу, чтобы вынести их в мусорный контейнер. На обратном пути мама рассказала мне о том, как сразу после окончания старшей школы приехала в Сеул. Она жила с соседкой в общежитии, экономя каждую вону. Благодаря бабушке мама хотя бы не испытывала нехватки в одежде, но ее соседке, приехавшей из Кимчхона, было нечего носить, и зимой она постоянно ходила, дрожа от холода. Прабабушка, приехавшая навестить маму, увидела эту картину и тут же вручила соседке свой свитер. Рассказывая об этом, мама облизнула пересохшие губы.

— Бабушка сто раз поблагодарила соседку за то, что позволила ей остановиться у нас на несколько дней, и подарила ей свой свитер. Все приговаривала, что в большом долгу у нее. Такой уж она была. После ее смерти почти не осталось вещей, которые нужно было разбирать.

По маминому лицу было видно, как сильно она любила прабабушку.

— Недавно она мне приснилась, — продолжала мама.

Во сне прабабушка посреди ночной тьмы сидела на крыше деревенского дома и любовалась

на светлую луну. «Бабушка!» — позвала ее мама, но прабабушка, не обращая на нее внимания, продолжала смотреть вверх. Мама топнула ногой и снова закричала: «Бабушка! Бабушка, это же я, Мисон!» Она снова стала ребенком, разговаривающим со взрослыми на «ты». «Бабушка, ну бабуля, посмотри на меня!» — умоляла мама, и прабабушка наконец перевела взгляд на нее. Ее лицо ярко сияло в лунном свете. «Бабуля, ты меня ненавидишь?» — спросила мама, и прабабушка улыбнулась, словно услышала что-то забавное. «Ты точно меня ненавидишь», — всхлипнула мама, и прабабушка наконец открыла рот. В этот момент мама проснулась. «Что бабушка собиралась мне сказать?»

Мама думала о последней сцене из сна весь день: за завтраком, пока смотрела телевизор и шла по улице. А затем вспомнила, как прабабушка приходила забирать маленькую маму с пляжа, на котором она часто сидела до самого захода солнца.

Некоторым учителям нравилось издеваться над детьми, которых не могли защитить родители. Мама инстинктивно понимала, что должна изо всех сил стараться не давать повода для упреков, что это единственный способ выживания

для ребенка, которого выбрали мишенью для издевательств. Ей приходилось держаться настороже каждую секунду своего существования, и при мысли об этом маме казалось, что она одна противостоит всему свету. «Пора идти домой, надо идти», — думала она, но ноги ее не слушались, и мама часто проводила целые дни в одиночку на Черепашьем пляже. И тогда прабабушка приходила искать ее. Мама помнила, как прабабушка ходила по берегу в потемках и звала ее по имени. Она помнила, что в такие моменты ее переполняла радость, с сердца падал тяжелый груз, и оно шептало: «Вот видишь, у тебя тоже кто-то есть». Этот шепот продолжал жить внутри мамы даже после того, как она стала взрослой, а прабабушка покинула этот мир.

На этих словах мама остановилась и низко опустила голову.

— Мам, — позвала я ее, тихо стоя рядом и не осмеливаясь прикоснуться к ней.

16

Уважаемая Ли Чиён,

Я перечитала ваше письмо несколько раз, не веря своим глазам. В первую очередь я бы хотела поблагодарить вас. Я глубоко признательна за то, что вы связались со мной.

У меня две электронные почты, а вы написали мне на рабочий адрес. После выхода на пенсию я почти не проверяю его, поэтому увидела ваше письмо только спустя несколько месяцев.

Домашний номер Ёнок-онни давно перестал работать. Когда ее телефонный номер пропал, я беспокоилась, не умерла ли она. Я отправляла письма по ее адресу, но все они возвращались обратно. Приехав в Корею в 2003 году, я побывала в Хвирёне. Дом онни стоял на месте, но в нем никто не жил. Я порасспрашивала в округе, но никто ничего не знал. Это было уже после того, как почти всех жителей того района расселили.

Когда живешь достаточно долго, вся-

кое случается. Я много раз расставалась с людьми по причинам, которые невозможно понять, и уже в том возрасте, когда пора бы перестать расстраиваться из-за этого. Но сердце не слушается разума. Возможно, потому, что Ёнок-онни для меня — тот человек, от которого я не могу отказаться.

Прошло уже больше пятидесяти лет с тех пор, как я переехала в Германию. Впервые приехав сюда, я и подумать не могла, что пущу здесь корни. Будучи занятой учебой, в какой-то момент я вдруг осознала, что стала старше отца, который давно нас покинул. Я с детства часто мысленно разговаривала с ним. Поначалу я боялась, что он расстроится, если я его забуду, а со временем это вошло в привычку. Когда я видела что-нибудь красивое, я думала: «Отец, смотрите!» Мне хотелось, чтобы через меня отец прожил ту жизнь, которой ему не было суждено. Я чувствовала себя ближе к нему, представляя себе, через что он прошел, уехав за границу в молодом возрасте, да еще и для того, чтобы зарабатывать деньги для се-

мьи. Он сделал такой выбор ради лучшей жизни, но судьба обернулась совсем не так, как он ожидал. Когда его погрузили в телегу, запряженную волом, и повезли в больницу, я не осмелилась пойти следом. Хвичжа, Хвичжа… Мое последнее воспоминание об отце — как он звал меня по имени. У меня уже тогда было плохое зрение, и я смутно видела, как телега выкатывается за околицу деревни.

Хвичжа. Мое имя означает «радостный, светлый ребенок». Я знала, что меня назвали так не только потому, что желали, чтобы я жила радостно, но еще и потому, что я стала главной радостью и светом для моих родителей. Я шла через эту жизнь, бережно храня в сердце этот завет. Хвичжа, Хвичжа… Я часто шептала свое имя, глядя в потолок перед сном.

Я очень похожа на свою маму, на фотографиях в тридцатилетнем возрасте она выглядит точь-в-точь как я. Глядя в зеркало, я нередко представляла себе, как бы она выглядела в пятьдесят или в шестьдесят лет. Мама всегда верила в себя и не любила показывать слабость. Помню,

как она дрожала всем телом, когда поздней осенью мы вдвоем бежали в Тэгу во время войны. Она постоянно шутила. Я знала, что мама дрожит не от холода, а от страха. Она вела себя так всю свою жизнь. Дрожала всем телом, но крепко держала меня за руку и шла вперед. Я любила маму больше всех на свете. Женщина, которая дрожит от страха, но двигается вперед. Я хотела быть похожей на нее.

За окном уже встает солнце.

Ёнок-онни всегда повторяла мне: «Не думай, что ты осталась одна, мы тоже твоя семья». Я знала, что она искренне имеет это в виду. После смерти мамы тетушка обращалась со мной как с родной дочерью, и онни тоже всегда радостно привечала меня у себя дома. Я знала, как они ко мне относятся, но в то же время понимала, что никогда не смогу по-настоящему стать частью их семьи.

И все же самое счастливое время в своей жизни я провела вместе с онни. Что бы она ни делала, я старалась подражать ей. Она была высокой, быстро бегала и умела занимательно рассказывать исто-

рии. Она рассказывала так забавно, что я смеялась до слез. Когда отец вернулся из Японии и мы все вместе жили в Кэсоне, мы с онни однажды сочинили историю и устроили спектакль для родителей. Он назывался «Семья лягушат», она точно должна помнить о нем. В Тэгу мы часто стояли под навесом и рассуждали о том, чем займемся, когда закончится война. В толпе людей мы всегда держались за руки. Онни — единственный в мире человек, который может разделить со мной эти воспоминания.

Да, нашим отношениям пришел конец. Теперь я понимаю, что даже это жестокое решение, которое я приняла, возвращаясь домой после последней встречи с ней, не могло окончательно разорвать связь между нами. В молодости тот факт, что мы никогда не могли до конца понять друг друга, приводил меня в отчаяние, но теперь это, напротив, приносит мне утешение.

Спасибо вам, Чиён.

Надеюсь, когда-нибудь мы встретимся в Корее.

Гамбург,
март 2018 года,
Ким Хвичжа

Пока я перечитывала письмо от доктора наук Ким Хвичжи, Хёнми[37] запрыгнула мне на плечо. Она уже солидная взрослая кошка, но, похоже, все еще считает себя маленьким котенком. Я нашла ее на парковке перед магазином незадолго до переезда из Хвирёна. Стоял ужасно холодный день, а она дрожала, свернувшись в комочек, в углу парковки. Судя по шерстке и мордочке, она родилась совсем недавно и еще даже не сумела полностью открыть глазки. Я немного подождала на всякий случай, но вскоре пошел дождь, а мама-кошка так и не появилась, так что я завернула котенка в шарф и забрала домой.

После смерти Квири ветеринар сказал мне, что когда-нибудь я снова спасу животное, оказавшееся на грани смерти. Я не поверила его словам, но, закапывая тело щенка в землю, невольно думала: если действительно случится так, как сказал

---

[37] Примечания: 37
Дословно «коричневый рис».

врач, я сделаю для того животного все, что не смогла сделать для Квири. Несмотря на то, что до него я вообще не интересовалась животными и подумать не могла, что заведу себе кого-то. Квири изменил меня, и теперь, глядя, как Хёнми трется мордочкой о мое лицо, я ощущала незнакомое мне раньше теплое чувство привязанности.

Прошло четыре месяца с тех пор, как мы с Хёнми переехали в Тэджон. Понемногу, в своем темпе я привыкала к жизни здесь. У некоторых коллег тоже были кошки, и мы обменивались информацией и присматривали за питомцами друг друга, если кому-то нужно было уехать.

Чиу приехала ко мне в гости и, разглядывая фотографию в рамке на книжной полке, поинтересовалась:

— С двумя косичками — это ты?

— Нет, это моя сестра. Я со стрижкой под горшок.

— Ой, и правда. А это твоя мама?

— Ага. Она тут моложе, чем я сейчас.

— Да, выглядит совсем юной. А кто это рядом с твоей сестрой?

— Бабушка.

— Так, а это, значит, твоя прабабушка? У нее улыбка точь-в-точь как у тебя. Так странно.

— Знаю, — улыбнулась я.

Чиу перевела взгляд с фотографии на меня и обратно и восхитилась:

— Ты только посмотри. Копия!

Я часто думала о словах тетушки Сэби, которые она любила повторять дочери: «Лети так далеко, насколько это возможно». Эти слова говорили не просто о физическом расстоянии. Тетушка Сэби мечтала о том, чтобы ее дочь отправилась в другое измерение. Туда, где не работает сила притяжения ее собственной реальности, туда, где дочь сможет стать более легкой, более свободной.

Самый удаленный от Земли летательный аппарат, «Вояджер-1», был запущен в сентябре 1977 года. Покинув Землю, в марте 1979 года он пролетел мимо Юпитера, в ноябре 1980-го — мимо Сатурна, а в декабре 2004 года достиг самого конца Солнечной системы — окраины гелиосферы. В 2012 году «Вояджер-1» вышел за пределы Солнечной системы в межзвездную среду. Он и сейчас по инерции скользит в космическом пространстве, где почти нет ни гравитации, ни силы трения.

На борту «Вояджера-1» закреплена золотая пластинка диаметром около тридцати сантиметров. Она хранит в себе сто пятьдесят снятых на Земле

изображений и множество звуков, закодированных в аналоговой форме. Пение китов, звук ветра, лай собаки, стук человеческого сердца, плач ребенка, первые два такта струнного квартета Бетховена, приветствия на ста пятидесяти языках…

А что, если создать пластинку, на которой будет храниться вся жизнь одного человека? Если записать на нее все от момента его рождения: детский плач, выпадение молочных зубов, первую злость, список любимых вещей, мечты и ночные кошмары, любовь и старость — вплоть до последней секунды перед смертью? Что, если бы существовала запись, способная с помощью всех пяти чувств зафиксировать каждое мгновение жизни человека и вместить в себя его бесчисленные мысли и чувства? Была бы эта запись размером с жизнь человека?

Я думаю, что нет. Подобно тому как невозможно постичь, насколько велика и необъятна наша Вселенная, так и в жизни одного человека всегда остается область, неподвластная измерению. Эта истина раскрылась мне сама собой, когда я встретила бабушку и услышала ее историю.

Я сейчас — это одновременно трехлетняя я и я же в возрасте семнадцати лет. Та версия меня,

от которой я отказалась, никуда не исчезла и остается внутри меня. Она ждет, желая внимания не от кого-то другого, а от меня, мечтая получить утешение не от других, а от меня самой.

Закрывая глаза, я часто вижу себя и сестру в детстве. Эти девочки держатся за руки, сидят на лавочке на детской площадке на закате солнца и болтают. Я подхожу к себе десятилетней, собирающейся в школу в пустом доме; к себе-школьнице, сдерживающей слезы, висящей на турнике вниз головой; к себе двадцатилетней, отчаянно сражающейся с желанием навредить себе; к себе, позволяющей мужу вытирать об меня ноги и винящей во всем себя. Я прислушиваюсь. Привет, это я. Я слушаю тебя. Скажи мне то, что давно хотела.

После моего переезда в Тэджон бабушка научилась пользоваться мессенджером и иногда отправляла мне фотографии. Часто снимки приходили сразу по нескольку штук, без всякой подписи. В ответ я тоже присылала фото Хёнми, цветов или деревьев и интересовалась у бабушки, как у нее дела. Бабушка сказала, что в ожидании приезда Хвичжи купила себе красивые кроссовки. Я заказала в интернете голубое платье и отправила его на бабушкин адрес.

По мере приближения к Хвирёну хмурое небо понемногу прояснялось. Я ехала увидеться с доктором наук Ким Хвичжой, которую с некоторых пор тоже называла бабушкой. Бабушка Хвичжа должна была сесть на автобус в Сеуле, а мы с моей бабушкой решили вместе встретить ее на автовокзале.

Бабушка встретила меня с распростертыми объятиями в том самом голубом платье. Она похвасталась новой дверцей кухонного гарнитура, которую поменяла в ожидании визита Хвичжи. Вся квартира была наполнена запахом имбиря, который бабушка явно чистила перед моим приходом. Я вспомнила, что здесь пахло точно так же во время моего первого визита, и тот день показался мне одновременно близким и далеким.

— Иди присядь вон там. Поешь что-нибудь перед выходом.

Сидя на бабушкином диване впервые за долгое время, я осмотрелась по сторонам. На тумбочке под телевизором стояла рамка с фотографией, которой не было здесь раньше.

Я подошла поближе и присмотрелась. На фотографии в рамке я, сестра, бабушка и прабабушка стояли на Черепашьем пляже, держались за руки и смеялись.

— Бабушка!

Я показала снимок бабушке, которая обернулась ко мне, стоя у раковины.

Она улыбнулась и молча кивнула, словно заранее знала, чтó я собираюсь сказать.

От автора

Последние два года стали самым тяжелым периодом в моей взрослой жизни. Половину этого времени я не могла писать, а вторую половину писала «Светлую ночь». Мне кажется, тогда я была не совсем человеком, а этот роман помог мне заново обрести свое тело, свое сердце и снова стать человеком.

Сроки уже поджимали, а я еще понятия не имела, какой роман напишу. Примерно в то время у меня появилась возможность поехать в творческую резиденцию для писателей. Я помню тот момент, когда только положила вещи в номере и встретилась с пустым экраном ноутбука. Заснеженное поле за окном и бескрайнюю тишину. Там я начала писать «Светлую ночь». Какие слова мне подобрать, чтобы описать это чувство? В тот день я снова получила приглашение в мир писателей и встретила там Самчхон.

Я смогла начать свое произведение благодаря силам, что придала мне Самчхон. Перед моими глазами ясно стояла маленькая девочка, которая боялась людей, но в то же время тосковала по

человеческому теплу, девочка, что держала в руке маленький камешек, шепча: «Дружок, мой дружок». Когда в холодный зимний день восемнадцатилетняя Сэби появилась на каменных ступеньках перед домом, торопливо жуя горячий батат, предложенный Самчхон, я увидела ее глазами Самчхон.

Самчхон и Сэби, Ёнок и Мисон, тетушка Мёнсук… Я провела с этими женщинами четыре времени года и смогла пережить тот период благодаря им. А еще была Чиён. Я хотела написать историю о том, как Чиён понемногу исцеляется после приезда в Хвирён, но для этого она должна была встретиться лицом к лицу со своей болью. Поэтому иногда мне было тяжело наблюдать за Чиён. Я стараюсь не забывать о том, что среди всех героинь этого романа именно Чиён больше всех придала мне сил.

Во время работы над «Светлой ночью» я много думала о своей бабушке. Мир этого романа создала моя бабушка, бежавшая в Тэгу во время войны; бабушка, превратившая ящик из холодильника в домик для моих игрушек; бабушка, подарившая мне глобус со словами, что в будущем я должна объездить весь мир. Я молюсь, чтобы госпожа Чжон Ёнчан, моя мудрая и веселая бабушка, была

здорова и полна сил, как сейчас.

Многие помогали мне в процессе подготовки этой книги. Спасибо Чихе, которая всегда становилась моим первым читателем, даже когда была очень занята. Спасибо переводчице Рю Сынгён, благодаря помощи которой я оказалась за столом в *Art Omi* и смогла снова начать писать. Я начала мечтать, читая романы О Чонхи. До сих пор поверить не могу, что вы прочитали мой роман и написали тот замечательный текст. Я очень благодарна. И, наконец, я низко склоняю голову и благодарю редактора Ким Нэри, которая со всей чуткостью читала этот роман и делилась своим мнением на протяжении всего процесса создания текста и до выхода книги, а также всю редакцию издательства «Мунхак-тонне».

Это моя первая книга за три года. Каждый раз, когда мой роман превращается в книгу, я чувствую, будто расстаюсь с ним. Надеюсь, что «Светлая ночь» благополучно доберется до тех, кому она нужна, и хотя бы на мгновение сможет коснуться чьего-то сердца. А моя роль заканчивается здесь, на этих словах автора. Дальше книга будет жить своей жизнью.

Лето 2021 года,
Чхве Ынён